
Не смейте ошибиться,
ведь от ваших действий
зависит успех всего дела.
ГИЙОМ ЛАВЕНАН
ПРОТОКОЛ
ДЛЯ
ГУВЕРНАНТКИ

Протокол для гувернантки
Гийом Лавенан

Аннотация
Гийом Лавенан. Протокол для гувернантки
1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.

21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.
37.
38.
39.
40.
41.
42.
43.
44.
45.
46.

47.
48.
49.
50.
51.
52.
53.
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68.
69.
70.
71.
72.

73.
74.
75.
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.

99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
Благодарности

Аннотация

«Однажды в среду вы позвоните в их дверь. Это будет в мае. Вы будете хорошо одеты и с должной основательностью причесаны. В кончиках пальцев вы будете чувствовать легкое покалывание».

Интеллектуальный триллер с элементами антиутопии, роман-загадка, роман-приказ, написанный в форме протокола, читая который вы почувствуете себя главным героем. Для вас действие начнется на пороге совершенно обычного дома, в котором живет совершенно обычная семья. Четко выполняя предписанные инструкции, подружившись с матерью, сблизившись с отцом, присматривая за маленьким ребенком, вы будете все ближе и ближе к цели… Не смейте ошибиться, ведь от ваших действий зависит успех всего дела. Но что же случится, когда все шестеренки завертятся именно так, как этого требует план? Чтобы узнать, вам придется дочитать протокол до конца.

Гийом Лавенан
Протокол для гувернантки

Льюи, тебе

Guillaume Lavenant
PROTOCOLE GOUVERNANTE
Copyright © 2019, Editions Payot & Rivages
Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

© Румянцев Д., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2021

1.

Однажды в среду вы позвоните в их дверь. Это будет в мае. Вы будете хорошо одеты и с должной основательностью причесаны. В кончиках пальцев вы будете чувствовать легкое покалывание. Поверните голову и обратите взгляд на соседние участки, чтобы успокоиться. Посмотрите на ровно подстриженные газоны и очерченные солнцем контуры предметов, и у вас в конечном счете получится взять себя в руки.

Вас поприветствует усатый сосед. Перед ним, на гранитных плитках дорожки, упершись в нее своей центральной подставкой, будет стоять мотоцикл «Триумф-Тандербёрд 900» 1996 года со снятыми патрубками, убранной крышкой клапанов и головкой блока цилиндров, аккуратно отложенной в сторону вместе с болтами и шпильками.

2.

Дверь откроет женщина. Она молода. Это первое, что вы подумаете, когда увидите ее: тридцать пять, максимум сорок лет, что ни о чем не говорит. Линии и тела́, двигающиеся в пространстве.

3.

Если мужчина будет дома, вы почувствуете себя свободно. Вы не сможете не проникнуться к ним симпатией, и хорошо, если так случится, потому что тогда все пройдет лучше. Вы, сидящая на краешке их кремового дивана, тоже должны будете им понравиться. Они должны захотеть сказать вам, что их все устраивает, нас все устраивает, — эти слова, взглянув на часы, скажет мужчина, а потом улыбнется вам дежурной улыбкой, идеальный *тайминг*, как всегда. Главное, добавит он, как мы уже сказали, чтобы вы были рядом с Еленой по утрам и по вечерам.

4.

Если мужчины дома не окажется, вам придется чуть сложнее. Женщина попросит вас запастись терпением, скажет, мужа нет дома, и предложит вам подождать его в гостиной. Вы будете вместе ждать его в гостиной. Это продлится долго. Долго, потому что женщина будет бездельно сидеть перед вами, ведь она уже успеет предложить вам чай и кексы, от которых вы откажетесь, и поскольку она будет молчать или ограничится лишь несколькими словами, не произойдет ничего достойного внимания. Она будет трогать свои волосы. Без него, вне его присутствия ничто не сможет быть сказано.

Час спустя, час или даже два — учтите, что мы всегда указываем приблизительное время, — когда начнет вечереть, вы услышите, как опускается ручка входной двери. Вот и он. Женщина поспешно поднимется и впервые разыграет перед вами сценку «возвращение супруга», какой она себе ее придумала и какую вам придется видеть достаточно часто, для того чтобы привычка стерла выверенность движений, которая в этот

самый первый день бросится в глаза, не сможет не броситься в глаза, так что вы непременно прочувствуете ее до мельчайших деталей: муж появится в прихожей, и она тут же выйдет к нему, дорогой, губы сближаются для поспешного поцелуя, дорогой, еще раз, и вы поймете, что это лишь начало длинной фразы — она будет произнесена шепотом и вы едва услышите ее с того расстояния, которое вас будет разделять, при этом ее правая рука обовьется вокруг его талии, а слегка вытянутый указательный палец ее левой руки, поднятой на высоту пупка, будет направлен в сторону гостиной, девушка, Бертран, девушка там, все это по-прежнему вполголоса, девушка там, и настойчивый взгляд даст ему понять, что случилось нечто необычное, и тогда он повесит пальто, быстро взглянет на себя в зеркало и они вместе войдут в двойные двери в стиле лофт с квадратными стеклянными вставками, отделяющие их от гостиной, где вы все еще будете почтительно сидеть.

Он выдержит небольшую паузу, прежде чем окинуть вас взглядом, и уже тогда по его телу пробежит легкий трепет, а может, и нет, и он просто посмотрит на вас без особого выражения. Он скажет вам добрый вечер, протянет руку. Вы

встанете, чтобы ее пожать. Почувствуете себя до странного покорной. Так, значит, это вы будете помогать нам с Еленой? — спросит он доброжелательно, а потом сразу исчезнет. Будет слышно, как он моет руки: течет вода, рука трет руку, скрипит кран. Женщина снова предложит вам сесть. Сделайте это. Она объяснит, что ее муж работает топ-менеджером в индустрии роскоши и график у него такой — а ведь она тоже очень занята на работе, — что они не справляются. Затем она запустит руку себе в волосы, посмотрит на часы на стене, поскребет ногтями ладонь, с шумом втянет воздух, поднимет брови, и вам станет ясно, что у нее что-то засбоило или она попала в какой-то замкнутый круг, но ее падение, так вы подумаете, уже не за горами.

Он вернется в гостиную и краешком ягодиц опустится на стоящее перед вами кресло-трансформер — он не забудет при этом подтянуть свои штаны, зажав между пальцами ткань на бедрах. Локти на коленях, руки сложены вместе, легкая улыбка — все будет говорить о его уверенности. Он задаст несколько вопросов и в конце концов скажет, отлично, просто отлично, нас все устраивает. Потом он бросит взгляд на свои часы, порядок восстановится, и он продолжит,

жена, вероятно, вам уже все рассказала, девочка у нас очень спокойная, проблем с ней у вас не возникнет, она только учится читать, выходит из школы в четыре часа каждый день, кроме среды. Было бы замечательно, если бы вы могли быть с ней по утрами и по вечерам. Днем мы изредка будем обращаться к вам с небольшими просьбами: заняться почтой, какими-то такими вещами, но в целом, как только вы отвели ее в школу, вы свободны. Вы не хотите что-нибудь выпить? Возьмите, ну, например, бутылочку «Швепса».

5.

Чуть позже мужчина выйдет в прихожую и скроется за обитой каретной стяжкой дверью, ведущей в неприметную комнату. Женщина пойдет за телефоном, чтобы позвонить соседке. У вас будет время оглядеться. Не ждите ничего особенно роскошного. В принципе никогда не ждите ничего конкретного. Все, чего следует ждать, вы найдете на этих страницах. А в остальном не старайтесь ничего предугадать. Будьте готовы ко всему. Помимо обтянутого настоящей кожей кремового дивана, на котором вы так и будете сидеть, вокруг вас по часовой стрелке вы увидите журнальный столик, стоящий на ковре теплых тонов, кушетку, два кресла с каркасом из стальных хромированных трубок и обивкой из мягкой кожи, кресло-трансформер, в котором мужчина сидел несколько минут назад, тумбу с изящными очертаниями — для телевизора и музыкального центра, большой овальный стол, окруженный восемью стульями, буфет с восемью отделениями, в шести из которых — плетеные корзины, стенные светящиеся часы и дровяную печь округ-

лой формы. В углу — маленький столик. Над ним на неглубокой полке две симметрично стоящие колонки и блок бумажек для заметок. На стенах — три репродукции абстрактных картин, а на потолке — четыре встроенных светильника. Слева от телевизора — широкое панорамное окно, выходящее в сад.

6.

Может так случиться, что мужчина решит не вставать с кресла и остаться рядом с вами, особенно если что-то будет его тревожить. Тогда, скорее всего, он спросит у вас, где вы работали раньше, где родились и прочее в таком духе. Скажите ему то, что будет, на ваш взгляд, соответствовать обстоятельствам. Он кивнет вам и на этом остановится. Не забудьте: этот вечер — начало, этот вечер — точка отсчета, к которой вы должны будете мысленно возвращаться по мере развития ситуации. Этим вечером их доверие ничто не поколеблет: они уже поговорили по телефону с Мезалем, изучили вашу анкету, прочитали ваше резюме. Так что весьма вероятно, что этим все и ограничится и они встанут, не задавая вам дополнительных вопросов.

7.

Женщина разогреет несколько кусочков киша. Вот какую еду они выберут для этого вечера: киш. Не стесняйтесь предложить свою помощь, когда она начнет накрывать на стол. Из сумочки, которую вы быстро отложите в сторону, покажется уголок подарочной упаковки.

Вы во второй раз пройдете по прихожей, главной комнате дома, откуда начинается лестница наверх, и сможете оценить комфортные размеры этого пространства, рассмотреть его белые стены, обратить внимание на обитую каретной стяжкой дверь, за которой скрылся муж, и другую, простую техническую дверь, ведущую в гараж.

Из кухни вы вместе с женщиной, держа в руках тарелки, бокалы, ножи и вилки, вернетесь в гостиную. Одинаковыми движениями вы приметесь расставлять посуду и приборы, следя за тем, чтобы между всеми тарелками было равное расстояние, как и между ножами, вилками и тарелками, а также между бокалами и тарелками.

8.

Мужчина присоединится к вам за столом. Вы будете вместе пережевывать это простое блюдо, купленное в районной кулинарии. Женщина расскажет вам о районе и о кулинарии, о торговых точках и атмосфере, они с мужем всем довольны. К мысли о том, что они выбрали хороший район, они приучили себя, повторяя ее снова и снова. Они не из тех людей, кто ошибается. Вот что вы должны будете держать в голове. Кто не ошибается, тот не живет, часто звучало из уст Льюи.

9.

Они упомянут о некоторых правилах своей жизни, которых вам придется придерживаться. Скажут, во сколько встают. Какие у них есть вечерние привычки. Из чего состоит их жизнь с детьми, с Еленой главным образом, потому что Шарлю, старшему, никто не нужен. Они подробно опишут практическую сторону дела. А затем в дверь позвонит соседка, имеющая вид представительной женщины с безупречно гладким шиньоном. Она приведет Елену. Вы будете недоумевать, почему этим вечером родители отдали девочку соседке, почему они предпочли принять вас одни. Вам покажется, что Елена, стоящая в дверях, вся светится. Вы будете любоваться золотистостью ее волос и ясностью глаз. У вас возникнет ощущение, что она все поняла, что она в курсе, какую игру вы затеяли, и призывает сыграть в нее до конца, как будто прекрасно зная, кто вы такая, и у вас в первый раз немного закружится голова, словно в качестве предостережения. Она оставит вас и пойдет мыть руки. А искусственный свет продолжит падать

на напряженные тела мужчины, женщины и их соседки, собирающейся уйти. По тому, как она будет вас разглядывать, вы поймете, что они уже говорили ей о вас. Понаблюдайте за ними, когда она скажет, что ей пора: объятия, улыбки, обмен уместными фразами, спасибо за помощь, какая же она все-таки прелесть, в любое время, да не за что, спасибо, Дора, или Дорина, или Жюстина, Жюлья, спасибо за все, дверь еще будет открыта, и они продолжат говорить, привет Жан-Полю, или Жан-Пьеру, я передам, а потом последний взмах ресниц, дверь закроется и улыбка внезапно пропадет с их губ, по лицам разольется усталость — на короткое мгновение, — а потом ваши глаза встретятся, и они возьмут себя в руки и снова начнут улыбаться.

10.

Вернувшись в гостиную, вы подойдете к дивану и достанете из вашей сумочки небольшой сверток: подарок для Елены. Женщина кивнет, чуть улыбаясь, разрешая дать его своей дочери, но Елена в приступе застенчивости не решится к вам приблизиться, и тогда мать подбодрит ее, давай, Елена, это для тебя, и та, быть может, слегка испуганная металлическими отблесками на упаковке, все же подойдет и будет безуспешно пытаться развязать ленту и разорвать бумагу. Ее мать нетерпеливо схватит сверток, чтобы самой открыть его несколькими торопливыми движениями, и достанет книгу Странда, мельком глянет на нее, бездумно полистает страницы и потом отдаст своей дочери, это книга, Елена, видишь, скажи спасибо. И, не исключено, уже тогда Елена не сможет оторвать глаз от рисунка на обложке. Она станет медленно разбирать название по слогам и наконец объявит с гордостью и удивлением, мама, она называется «Сказки леса». И поднимет на вас полный любопытства взгляд.

Подойдет мужчина, приставит указательный

палец к обложке, кто это, Елена? Что это за животное? Елена еще раз рассмотрит картинку и немножко нерешительно ответит, ежик, это ежик, папа, и ее отец взъерошит ей волосы, с удовольствием подтверждая, да, зайка, точно, это ежик, произнося по слогам, ё-жик, первый слог произносится так же, как в слове йогурт, а пишется по-другому, молодец, зайка. Давай за стол, пора ужинать.

11.

Они усадят Елену на стул рядом с вами. Ее мать положит ей тоже кусок киша и мелко порежет его прямо в тарелке. Мужчина предложит вам вина. Откажитесь. Спросите их о сыне. Они ответят, что он проводит эту неделю у своего друга, что он уже довольно взрослый и они стараются давать ему больше свободы, что у него отличные оценки и что он настоящий боец. И она тоже настоящий боец, воскликнет мужчина, показывая на Елену, которой они успеют принести еще и кусок яблочного пирога. И этот пирог окажется просто везде. Если получится, рассмейтесь. Постарайтесь быть расслабленной.

Они предложат вам творог, джем: какой-то простой десерт. Обсудят текущую проблему у него на работе. Все в порядке, ты уже ею занялся? — спросит она или скажет что-то в этом роде, а он, расставив пальцы, помашет рукой из стороны в сторону, ну так, немного. Потом он встанет, чтобы вытереть дочери рот. Она заерзает на стуле, и он, склонившись над ней и наставив на нее указательный палец, примется ее отчитывать,

перестань, Елена, сейчас же перестань, или я рассержусь, ужин так и закончится: под крики малышки и с направленным на нее пальцем. Когда вы разберетесь с вашими йогуртами и джемом, Елену отведут в постель, а вам покажут вашу комнату, везде погасят свет, и вскоре вам будет слышен только шум проезжающих невдалеке машин, и будет полная темнота.

12.

Когда вы проснетесь, в доме никого уже не будет. Вы хорошенько рассмотрите комнату, в которой провели ночь. В ней не будет ничего особенного, совершенно ничего: просто кровать, небольшой шкафчик, ковер. Из узкого и высокого окна можно будет, посмотрев вниз, увидеть дорожку, тянущуюся к дому, и ту, что ведет к дому соседа — тот, как и накануне, будет стоять, склонившись над своим мотоциклом, и многочисленные металлические детали рядом с ним на земле окажутся еще дальше друг от друга, словно медленный взрыв разносит их в разные стороны. Вы задвинете шторы. У вас возникнет ощущение, словно вы оказались в своей детской, в комнате той девочки, которой вы уже не являетесь и никогда снова не станете.

Вы откроете дверь комнаты. Пройдете по коридору. Спуститесь на кухню. Может быть, они оставят для вас записку. Вы оцените их деликатность. Вот что вы оцените в этих людях — незаметность, с которой они будут проявлять к вам внимание. Вы приготовите себе кофе. Это

будет ваш первый день у них на службе. Но в этот день вам не придется ничего делать, совершенно ничего. Вы будете ждать вечера.

13.

Вечером, еще не поздним и теплым вечером, мужчина вернется первым. С Еленой на руках. Кроме дочери, он будет держать в руках свою сумку и деревенский багет. С утомленным видом он опустит дочь на пол в прихожей, шепча: Елена, пожалуйста, пожалуйста, потом заметит вас — а, здравствуйте, — и одной рукой поставит сумку, при этом поднимая другую руку, чтобы багет не коснулся пола. Вы подхватите багет и ребенка, беру их на себя, и поразитесь разнице между грубой и покрытой трещинами поверхностью хлеба и бархатистой кожей ребенка. Вы отнесете пакет на кухню и отведете Елену в ее комнату. Она робко улыбнется вам. Вы спуститесь обратно на первый этаж. Мужчина шепотом поблагодарит вас и исчезнет за дверью с каретной стяжкой, через несколько минут покажется, чтобы забрать сумку, и снова закроется у себя. Словно в страхе перед вами.

14.

Женщина вернется домой позже и сразу же устремится на кухню, чтобы бесшумно поужинать — в течение первых нескольких дней вас не будет оставлять странное ощущение, что вы живете среди неясных теней, которые ускользают от вас, перешептываются в прачечной, едят на бегу, выключают при вашем появлении телевизор. И закрываются в своей комнате.

У вас возникнет искушение уделять им меньше внимания. Не поддавайтесь ему. Запаситесь терпением. Скоро пространства откроются. Тщательно одевайтесь, следите за цветом лица, двигайтесь плавно, никогда не повышайте голос. Если вы не забудете взять с собой голубую тунику, надевайте ее время от времени. Она им понравится. Мужчине она напомнит платье, которое носила подруга его юности, — он мог обеими руками мять ее груди под его тканью по субботам, после сольфеджио. После ежегодного школьного праздника. После урока тенниса. Ждите. Будьте терпеливой. В этом ваша сила. Ваше решающее преимущество.

15.

Будет решено, что утром вы отведете Елену в школу. Вы ее и разбудите. Скорее всего, вам будет приятно, придя к ней в комнату, присесть на край кровати, поцеловать девочку в лоб, взять ее за руку и выполнить другие похожие действия. Потом вы иногда будете опаздывать и, пробегая мимо ее двери, вам придется кричать, Елена, поторопись, Елена, вставай, такого рода фразы, а потом скорее мчаться умываться, снова возвращаться к ее комнате и тихо повторять: Елена, вставай, пожалуйста, — пока ее родители будут принимать душ. Вы поможете Елене одеться, предлагая ей яркие платья, которые любит видеть на ней мать. К тому времени, как вы спуститесь на кухню с Еленой, ее родители уже уйдут.

Девочка быстро проглотит медовые хлопья, вымоченные в молоке. У нее будет отдельная ложка, маленькая и пластиковая. Сперва вы не найдете, о чем говорить. Вы попробуете придумать что-нибудь, что можно рассказать сидящей напротив малышке, но вам все покажется излишним, вы переоцените важность первых произнесенных

слов, все почудится слишком наполненным смыслом, так что вы ничего не станете говорить или почти ничего, возьмете ее пиалу и поставите в посудомоечную машину, нажмете кнопки, чтобы запустить мойку, скажете ей, чтобы она заканчивала собираться: пора выходить.

На улице вы увидите соседа, он резко поднимется, чтобы поздороваться с вами. Спросит, куда вы решили отправиться в такую замечательную погоду, и вы ответите, потрепав Елену по волосам, что отводите ее в школу. Сосед, вероятно, попытается поддержать разговор. Поправит бейсболку, оставив на ней черные следы. Продолжите свой путь. Никогда не оставайтесь с ним один на один слишком долго.

Тротуары будут приятными, широкими и обсаженными могучими платанами. Вы пройдете мимо других домов, таких же, как у родителей Елены, и между домами увидите просторные идеально стриженные лужайки, которые в выходные заполнятся резвящимися семьями, мангалами и газонокосилками. А пока в ясном небе туда-сюда будут сновать бабочки, шмели и тучи мошек. В вашей руке будет детская ладошка Елены.

Посередине окруженного низенькой стеной сада вы заметите дом с эркером, из которого

выйдет мужчина с ребенком. Они спустятся по лестнице и быстрыми шагами пойдут впереди. Свежевыбритый мужчина поправит на ребенке толстовку. В ослепительном солнечном свете его черные волосы будут блестеть, словно парик.

Они повернут на перекрестке. Вы последуете за ними. Вас поприветствует задержавшаяся в саду соседка. Ответьте ей. Мужчина обернется.

Вы подойдете к школе. Там, перед школьным забором, вы встретите других детей, которых приведут взрослые, иногда даже целые семьи, и все они будут поправлять ранцы на плечах малышей, совать им в руки перекус, целовать в лоб, и вы повторите за ними всеми: ранец, перекус, поцелуи.

Елена присоединится к друзьям. К вам подойдет мужчина, тот, что выходил из дома с ребенком. Вы заметите на его лодыжке, не прикрытой темными джинсами, татуировку — две линии. Он незаметно сожмет ваше предплечье. Как ее зовут? Елена, ответите вы. Он продолжит: когда вы тут появились? Вчера. Когда уедете? Вы скажете, что вам это неизвестно. Он вытрет капельки пота над верхней губой. Боюсь не справиться, прошепчет он, а потом поймет, что все дети уже вошли в здание школы и взрослые тоже отправились

по своим делам. Вы двинетесь за ними следом, каждый к своему саду, своей дорожке, своему крыльцу. Мужчина с татуировкой зайдет в свой дом, а вы пойдете дальше, к своему.

Сосед с мотоциклом по-прежнему будет у себя во дворе. Он отвлечется и улыбнется вам, вытирая руки о грязную майку. Проводит вас взглядом до самой двери. Запритесь. Вам еще долго будут слышны металлические звуки его инструментов. Стук, скрежет, царапанье. И еще ругань.

16.

Днем на вас навалится скука. Вы будете следить за тем, как ветер треплет плющ у входной двери. Вишневое дерево в глубине сада уже успеет зацвести, и вы сможете любоваться им часами. Ваши глаза будут снова и снова рассматривать все вокруг. Лужайку. Проходящих по улице людей. Цветущую вишню и проходящих людей. Плющ у двери — вы изучите его стебли, листья, новые побеги. Его корни-прицепки. Вы слегка приберетесь. Вскипятите воду. Воздух в доме покажется вам тяжелым, спертым. Вам захочется на улицу. Но придется дождаться вечера, чтобы вновь оказаться на свежем воздухе, увидеть широкие тротуары, мужчину с черными волосами, родителей, которые явятся за своими детьми, а потом быстрыми вереницами разойдутся по домам, и потом, около пяти часов, на улицах никого или почти никого не останется — из окна вы заметите лишь несколько промелькнувших теней.

17.

Первая неделя пройдет без волнений. Все будет на своих местах. Наступит вторая среда. В этот день вы поведете Елену гулять в парк, а еще на урок пения, для чего вам придется отправиться в другую часть района, но тротуары на этом новом маршруте будут столько же удобными. Вы пройдете мимо нескольких магазинчиков: обувного — с заставленной ботинками витриной, невыразительного — книжной лавки, в глубине которой пожилой мужчина будет ждать клиентов, которых вы так и не увидите, и парфюмерного бутика. Только в нем, расположенном на первом этаже здания более представительного, чем прочие, вы заметите нескольких пенсионного возраста покупателей.

Вы доберетесь до школы пения. Елена прижмет ладонь к поверхности стеклянной двери и с довольным видом громко объявит: это месье Ален, мой учитель. Она уберет руку, и под ней обнаружится щека молодого человека во фраке, стоящего на сцене оперы: одна его рука будет вытянута вперед, а другая прижата в сложенном

виде к туловищу. Его лихорадочный взгляд будет направлен на партнера, полностью оставшегося за пределами кадра, за исключением пряди волос. Внизу картинки вы прочтете несколько рукописных слов: пение — наша страсть, наша миссия; а вверху — название школы:

Школа пения Жана Алена

Пока вы будете вдвоем изучать афишу, изнутри к стеклу приблизится женщина с худым лицом, и на какое-то мгновение, несмотря на нереалистичную перспективу, покажется, будто мужчина с афиши признается ей в любви. Положив руки на бедра, она нагнется вперед и сделает Елене знак заходить. Елена толкнет стеклянную дверь. Елена, моя малышка, воскликнет дама и начнет ее целовать, поторопись, месье Ален тебя ждет. Елена убежит.

Дама примется вас расспрашивать. Вы объясните, кто вы и каковы ваши обязанности, в том числе что вам предполагается делать сегодня здесь, в этом пыльном помещении. Сохраняйте вежливый тон, даже если это не сработает, ведь эту даму ничто не сможет полностью успокоить, и вам будет нужно ее понять: она так долго здесь работает, начала в двадцать, и перед ней прошли

все местные дети, она может сказать, кто где живет, кто с кем знаком, кто кого приводит, и вы с вашим худым телом в легкомысленной голубой тунике недолго будете вводить ее в заблуждение. Вы покажетесь ей подозрительной с первого взгляда. Нужно всегда стараться понять, что чувствуют люди, говорит Льюи, стараться ставить себя на их место, ведь то, что они чувствуют, мы уже когда-то чувствовали, то, что они думают, мы уже когда-то думали, да и они тоже в курсе наших переживаний. Ошибка, большая ошибка, и Льюи драматично машет руками, считать себя исключением из этого правила, думать, что мы — в этот момент Льюи опустошает свой стакан — в том или ином смысле уникальны.

Дама укажет вам на банкетку у серой стены прямо напротив ее стола. Так, всего в нескольких метрах от нее, вы и будете проводить по средам послеполуденное время — столько времени, сколько будет длиться урок Елены, чей приглушенный голос вы будете слышать из-за перегородки. Дама, сидя за внушительным электронно-лучевым монитором, будет то и дело поглядывать на вас. Сначала вам покажется, что она составляет отчет, в котором указывает ваши цвет кожи, глаз, особенности положения

тела, слова, которые вы используете, и интерпретирует ваши манеры, поэтому вам захочется не иметь ни манер, ни положения тела, но если вы попытаетесь что-то предпринять, это лишь усугубит неправильность вашего поведения. Вам захочется уйти, немного прогуляться, подождать в другом месте, но нужно будет держаться, машинально поглаживать ткань банкетки, взять журнал, читать его или притвориться, что вы его читаете. Везде, где вы окажетесь, вы столкнетесь с таким сопротивлением, такими подозрениями. Не обращайте на это внимания. Следуйте протоколу.

Просмотрите буклеты, сваленные на журнальном столике рядом с вами. Вы найдете среди них и наши с гордым заголовком «Обслуживание на дому», под которым размещена фотография счастливой семьи: отец, мать и рядом с ними ребенок — его держит на руках молодая улыбающаяся девушка, гувернантка, — многие до сих пор помнят, как Льюи это говорит — стараясь звучать, старомодно и иронично, — гувернантка, сжимающая ребенка в своих объятиях, уютных объятиях, напевает Льюи, изображая эту сцену. Вы не удержитесь от улыбки, встретив придуманные Льюи выражения: Скай терпеливо собрал из них текст,

пересыпая словечками вроде «*обязательства*», «*профессионалы*», «*воспитание*», «*семья*», «*будущее*», «*свобода*». И, конечно же, Странд не смог не сунуть свой нос в буклет в самый последний момент и не добавить в него огромный слоган, вычитанный им где-то, где — он уже и не помнил, и ужасно всех развеселивший.

> Ребенок – это не сосуд, который нужно заполнить, а огонь, который нужно зажечь

Если вы окажетесь в этой школе пения и будете читать этот буклет, значит, расчет Льюи оказался верен. Верхнюю часть книжечки будет украшать сиреневый баннер, сделанный Скаем, с номером телефона клуба. Немного роскошного сиреневого еще никому не повредило, объяснил Скай. Гиг утверждал, что Скай работает так же медленно, как компьютер в клубе. Надо им обоим увеличить оперативку, говорил он, или сразу менять процессор. Верный Скай, который записывал слова Льюи и сидел до утра за компьютером и засыпал прямо там, положив голову на клавиатуру. Гиг утверждал, что Скай просто теряет время, но у Льюи находилось возражение, что время нельзя потерять, так же как и выиграть. Не важно

— таковы были слова Льюи — сколько времени нам потребуется на то, чтобы прийти к единому мнению и ко всему подготовиться. Потом, как только все начнется, все будет по-другому.

Урок закончится, и появится Елена. Попрощается с дамой и подойдет к вам. На часах будет 14.30. Вы отложите буклет. Елена спросит, поведете ли вы ее в парк.

18.

Вы войдете в ворота из кованого железа. Елена спросит об утках, на месте ли они и можно ли их увидеть, так что вы направитесь к небольшому пруду, не зная, есть ли там утки, и если их там не будет, вам придется пойти с ней вдоль канала, и в конце концов вы наткнетесь — в дальнейшем, как правило, так и будет происходить — на одну или двух птиц, спящих у воды, и они проснутся оттого, что Елена побежит прямо на них. Затем вы вдвоем вернетесь в центр парка. Вы сядете на скамейку, а Елена станет играть недалеко от вас на гравийной дорожке. Она начертит на ней линии, через которые будет перепрыгивать — с полной серьезностью, следуя одновременно четким и неопределимым правилам.

На этой скамейке вы испытаете странное чувство, будто вы мать, та мать, которой вы могли бы быть. Привязанность к вам Елены нарушит ваше спокойствие. Всплывут давно забытые убеждения — старайтесь устранять их от себя. Отстранение, дистанция — это главное ваше оружие, в точном соответствии с идеями Льюи.

Линии и тела. Объемы.

Елена сядет на скамейку рядом с вами. Вы спросите, не хочет ли она, чтобы вы почитали ей сказки. Она вытащит из своей сумки подаренную вами книгу. Вы откроете ее на первой странице, и в глаза вам бросится красота рисунков Странда, их кропотливое изобилие, их твердые, темные, бесчисленные линии, разделяющие поверхности, которые наслаиваются друг на друга, но тем не менее составляют, если смотреть на них с небольшого расстояния — эти твои штуки просто настоящая оптическая иллюзия, восхищался Люф, — узнаваемые формы. Некоторые, чьи слова из-за его упорства в итоге оказались вздором, предсказывали, что он не закончит книгу, что она ему осточертеет и он ее бросит. Но Странд выдержал, как выдержали и все мы.

Елена примется разглядывать рисунок и задавать вопросы, и вы начнете говорить, наконец-то вы сможете по-настоящему с ней разговаривать, вам всего лишь надо будет описать то, что вы различаете в линиях рисунка: ольхи на сырой северной стороне леса, извилистые дороги, обсаженные остролистом, изрезанные следами шин, и ребенка, маленькую девочку, подобную капле чистого цвета, посреди поляны, нашей

поляны, свободного пространства, где почти незаметен карандаш Странда, который одной чертой показывает метры невысокой травы, и на ее фоне листья деревьев — Странд не мог их не затемнить, и вы увидите: вы расскажете Елене, как маленькая девочка свернулась клубочком в лунном свете, вы опишете шорох листьев и крики зверей, крики, становящиеся все страшней по мере того, как наступает ночь.

Вы будете подыскивать слова, как старый музыкальный аппарат, запущенный спустя долгие годы молчания. Слезы текут по щекам маленькой девочки. Она шмыгает носом. Вокруг нее завывает лес, и у нее грязные ноги. Она поджала колени и ест сэндвич посреди зарослей. Вы расскажете, как маленькая девочка укрывается под могучим скальным дубом — Битц прозвал его Гераклом, — и тень дерева заполнит следующую страницу, как девочка в конце концов засыпает, несмотря на наступивший холод, и мало-помалу ваше тело придет в движение: вы задрожите от холода и страха, ваши руки с растопыренными пальцами коснутся лица Елены, словно первые лучи солнца, и девочка из книжки проснется и решит построить шалаш, а вы изобразите это: держа книгу Странда в левой руке, вы нагне-

тесь, чтобы собрать воображаемые ветки, ваши пальцы коснутся земли, и вы подумаете об этой девочке из жуткого леса, прекрасного и жуткого, еще мгновение вы будете раскачиваться справа налево, а потом замрете и переведете дыхание.

Елена встревожится, не грустно ли девочке оказаться совсем одной на этой полянке, далеко от родителей. Она скажет «поянке». Она совсем одна на этой «поянке», ей грустно. Вы ответите, что нет, ей не грустно, потому что она не одна, смотри. И покажете Елене детей, окружающих девочку, не сразу видимых глазу из-за богатства рисунка Странда. Дети собирают дрова или, прислонившись к деревьям, засунули пальцы в рот и свистят. Видишь, она совсем не одна.

Вы уберете книгу и поведете Елену в глубь парка. Очень скоро узкие лужайки сменятся густыми зарослями. Вы подберете несколько веток на земле, несколько сломаете. Поищите в переднем кармане вашей сумки, и вы найдете нож и моток веревки. Покажите Елене, как водить ножом по дереву. Потом пусть попробует сама. Она одновременно с удовольствием и очень сосредоточенно попробует повторить ваши движения. Покажите ей, как лучше связать ветки между собой веревкой. Получится не очень хорошо — у

вас всегда были с этим проблемы, — и вы придете в раздражение, что не справляетесь идеально. Но разве все должно быть легко? Не забыли ли вы слова Льюи: нет такого обучения, которое не было бы вместе с тем и учением. Пробуйте. Пробуйте снова.

Елена тоже попробует. Она спросит: это будет дом для ежиков? Вы ответите, что нет, ежикам не нужно строить дом, но если сделать шалаш побольше, в нем вполне может спать ребенок. Вы задумаетесь о том, как давно люди начали защищать себя от солнца и плохой погоды, — они это делали всегда, решите вы, и это «всегда» вам покажется очень неопределенным. На ум придет образ древних людей, забившихся в глубокие, мрачные пещеры, но это не поможет вам приблизиться к ответу. Вы поведете Елену еще дальше. Эти посторонние мысли собьют вас с толку, — а может быть, мы ошибаемся, и вы будете идти рядом с Еленой, не думая ни о чем, и это будет хорошо.

Вы вернетесь обратно на скамейку. Елена захочет узнать, чем кончается сказка. Но вы попросите ее запастись терпением. Вы отдадите ей книгу Странда, и она аккуратно уберет ее в сумку. Вы еще немного посидите, наслаждаясь этим

длинным днем, разглядывая прогуливающиеся семьи, уток вдалеке, водоем, двух городских служащих, один из которых будет собирать мусор специальными щипцами, а другой — обрезать розовый куст, а еще вы увидите собак, тянущих своего хозяина за поводок, летающую в воздухе мелкую пыль, школьников на скамейке, облака — они будут закрывать и открывать солнце, вызывая внезапные колебания света. Сохраняйте некоторую медлительность в движениях. В главном отделении вашей сумки вы найдете помаду, достаньте ее и подкрасьте губы. Это вы, то, что принято называть вами, в этом парке, на деревянной скамейке, и одновременно кто-то другой. Но и это вы уже знаете.

19.

Когда вы вернетесь домой, мать Елены будет ждать вас в гостиной. Она уже выложит на журнальном столике несколько ломтиков бриоши, тарелку с печеньем, большую чашку какао и две кружки чая. Елена опустится на ковер и примется есть с аппетитом.

Вы мимоходом заметите, что она относительно рано вернулась с работы, хотя обычно возвращается позднее. Она скажет, что у нее, как и у мужа, сейчас на работе много проблем. Лицо ее будет при этом выражать скрытую досаду. Вам покажется, что она чего-то недоговаривает. Она внимательно посмотрит на вас. Возьмет одно из темно-золотых печений, выложенных по кругу на тарелке. Задумается и позволит ему таять у себя во рту. Ваш взгляд потеряется в узоре ее светлого платья.

Вы заговорите о саде. Скажете, что он очень красивый и цветущий. Она улыбнется, поворачиваясь к окну, чтобы в этом убедиться. Еще вы ей скажете, что в следующий раз чай приготовите вы. У вас есть особый рецепт, и вы хотели бы

угостить ее. Она расскажет вам, что сад уже был таким, когда они въехали в этот дом. Им нужно лишь поддерживать его в надлежащем виде. Вам покажется, что она пытается что-то вам сказать, но у нее это не получается.

Она выльет последние капли чая вам в кружку. Вы обе посмотрите на пустой чайник как на трогательное воспоминание, которое останется об этом предвечернем часе. Елена захочет подняться к себе в комнату. Ее мать спросит у нее, что она выучила у месье Алена. Елена сменит тему. Мать повторит вопрос. Давай, Елена. Вы продолжили разучивать ту песню, которую пели в прошлый раз? Спой маме, Елена. Вы предложите снова поставить воду, чтобы она могла попробовать чай по вашему рецепту. Она согласно улыбнется и повернется обратно к дочери: Елена, пожалуйста, спой мне то, что ты выучила.

Вы выйдете из дома и пойдете в глубь сада, чтобы срезать несколько листочков мяты. Оказавшись в гостиной, вы заметите упрямое лицо Елены. На кухне вы отыщете палочку корицы и немного гвоздики. Ополоснете чайник. Возьмете несколько горошин черного перца из одной из баночек, стоящих в ряд над вытяжкой.

Вы вернетесь в гостиную. Елена уже уйдет к

себе. На столе будет лежать лишь наполовину съеденный кусок бриоши. Высоко подняв чайник, вы разольете чай по кружкам. Льюи бы этот чай понравился, придет вам в голову. Действительно, Льюи всегда были по душе церемонии.

20.

Вы станете вдвоем пить чай маленькими глоточками. Женщина спросит вас, все ли хорошо у Елены. Вы ответите, что у нее все лучше не бывает. А как вам тут, продолжит она, все хорошо? Вы ответите, что и у вас все лучше не бывает. Легкий ветер всколыхнет ветки вишни. Лицо женщины останется мрачным. Она пойдет отдыхать на второй этаж. Вы уберете со стола и пойдете в прихожую.

21.

Солнечный свет будет пробиваться сквозь застекленную дверь. Вы сможете рассмотреть все укромные уголки этой комнаты с высоким потолком. Ваш взгляд скользнет по пустой вешалке, по белым стенам и наконец остановится на тонкой щели, идущей под входной дверью между порогом и паркетом. Вы вздрогнете. Полупустой чайник у вас в руке вдруг покажется тяжелым. Вокруг — ни малейшего движения.

Вы сядете на корточки, развернув туловище вбок, — чайник будет дрожать в вашей дрожащей руке — и станете осторожно лить чай в эту щель, очень медленно, чуть ли не капля за каплей, так медленно, как только возможно. Жидкость будет блестеть в течение нескольких секунд, пока не впитается. Продолжайте делать так, пока чайник не опустеет. Это напомнит вам рассказ Битца о Японии: там, в некоторых садах, говорил Битц, есть специальные работники, которые отвечают за поддержание всегда абсолютно одинакового уровня воды в водоемах и, чтобы компенсировать ее испарение, по много раз в день с помощью

шприца доливают в них несколько сантилитров. Этот образ, возможно, запомнился вам так же, как и нам: он символизировал для Битца необходимые нам терпение и тщательность. Так что мы, как эти японские работники, следим, прячась в тени, за тем, чтобы все было на надлежащем уровне.

Сходите на кухню за салфеткой. Вернувшись в прихожую, вытрите последние следы влаги. Движения вашей руки над деревянным полом должны быть выверенными и аккуратными. Встаньте. В зеркале прихожей вы с удивлением заметите свое отражение: безупречное, прямое и строгое, а рука сжимает бумажную салфетку — зеленую с красной каймой.

22.

Если женщина откажется от вашего предложения, если она больше не захочет чая, если она будет чувствовать себя слишком уставшей, просто подождите, когда они лягут спать, и тогда, в самом начале ночи, выберите первую попавшуюся емкость — графин, бутылку. Пойдите в прихожую и тем же самым образом вылейте воду в щель, в точности следуя протоколу. Худшее, что может случиться в этот момент, — это кто-то из них неожиданно спустится вниз: услышит шум или захочет выпить стакан воды, съесть йогурт. Если это произойдет, поспешите на кухню и опустите глаза — они не должны ничего заподозрить; самое главное — заставить их решить, что вы тоже встали попить воды или съесть йогурт. У них не должно возникнуть ни малейшего сомнения, они не должны удивиться, увидев вас в такой час. Для них жизнь должна быть в тот вечер такой же, как накануне. Ни под каким предлогом они не должны застать вас в прихожей. Если у них появятся вопросы, все окажется под угрозой.

23.

На следующий день Елена бросится к вашему голубоватому силуэту, заметив его за школьным забором. Ее глаза будут сверкать от удовольствия. Она расскажет, как прошел ее день. Смешаются воедино катание на роликах, ссоры на школьном дворе, имена, которые вы не запомните. Елена сообщит, что у нее теперь другой учитель. Семьи вокруг вас будут разъезжаться на машинах или устремляться к ближайшим домам, и вы останетесь вдвоем — молодая женщина и маленькая девочка — и пойдете пешком по тротуару. Ваши глаза будут искать мужчину с черными волосами, но в этот день вы его не увидите.

Вы позовете Елену обедать пораньше. Приготовите спагетти. Сидя за столом на кухне, она будет смотреть, как вы ставите воду на огонь. Подопрет подбородок двумя руками и примется молча качать ногами. Вы поставите перед ней тарелку со спагетти, и она будет всасывать их и напевать. Потом она поднимется в свою комнату, а вы доедите то, что осталось.

Вы еще будете стоять, прислонившись к холо-

дильнику, когда ее мать хлопнет входной дверью, зайдет на кухню и рухнет на стул перед вами, пыхтя: да что это сегодня со всеми? Не отрывая глаза от экрана, она будет стучать по нему пальцами. Вы бросите в мусорку оставшиеся спагетти. У меня есть дела поважней, воскликнет она, сама она не может это сделать? Вы капнете на губку немного жидкости для мытья посуды. Все как всегда. Вы будете протирать тарелки. Женщина будет одета в короткую куртку и по-прежнему будет держать пару бумажных пакетов. Льюи, вероятно, показалось бы, что она похожа на Джеки Кеннеди — возвращающуюся из поездки, — только без соломенной шляпки-таблетки в ее стиле, — из Нэшвилла, например, прогнав журналистов с серьезным видом деловой женщины.

Она поднимет на вас лицо, полное искреннего непонимания: почему люди всегда все просят в самый последний момент? Вы повернетесь спиной к раковине, держа перед собой влажные руки как два бесполезных пакета, протекающих на пол. Вы не найдетесь, что ответить. Спросите, не хочет ли она есть. Она словно очнется, словно выйдет из длинного туннеля. Она поднимет правую руку с двумя висящими на ней пакетами. Нет, я взяла все, что нужно. Она достанет из

первого пакета готовую еду. Другой пакет она поставит на стул, и из него покажутся кончик шали и этикетка. Спасибо, очень любезно с вашей стороны, — добавит она, натянуто улыбаясь и часто моргая, как будто чтобы смягчить свой ответ, если в нем будет что-то неприятное, но для вас нет ничего приятного или неприятного, только вещи, которые нужно сделать или которых нужно избежать. Она сунет нос в контейнер с едой и внимательно рассмотрит все, что в нем есть. И начнет есть, не отрывая глаз от телефона. Вы закончите вытирать столешницу. Польете фикус. Она спросит вас в спину, что вы делаете этим вечером, не заняты ли вы.

24.

Женщина, сидя на диване, будет манить вас рукой. Давайте, идите сюда, скажет она, обращаясь будто к испуганному животному. Ближе. Она укажет на стул, который вы возьмете. День в гостиной приблизится к своему завершению. Подойдите ближе. Она уже снимет ботинки и свернется под шерстяным пледом. Вы поставите стул рядом с диваном. Потом чуть-чуть отодвинете в сторону. Постараетесь найти правильную дистанцию. Она протянет вам еще один плед, возьмите его. Она подождет, когда вы усядетесь на стуле, и только тогда запустит видео.

Сидя вот так, рядом с ней, вы, залитая светом телевизора и укрытая пледом, будете чувствовать беспокойство, как будто совершается какое-то кощунство. На экране — быстрые движения, энергичный разговор: трое смуглых мужчин будут возиться у двери квартиры, вставляя в замочную скважину два тонких металлических стержня. Дверь откроется. Перешептываясь, они распахнут ее. Дальше все произойдет очень быстро, тревожная музыка, рваный монтаж. Вы окажетесь

вместе с ними в комнате со спящим человеком, и только вы соберетесь разглядеть его одутловатое лицо, лысую голову, как один из мужчин — высокий, костлявый брюнет — прижмет к его лицу подушку. Мужчина под подушкой замашет руками, потом его движения станут медленней, а потом и вовсе прекратятся. Вид его молочно-голубоватого лица, показанного крупным планом, окончательно убедит вас, что он умер. В следующем кадре трое убийц будут невозмутимо сидеть на краю кровати рядом с еще теплым трупом — делом их рук. Он мертв, — скажет высокий брюнет. Второй убийца, помоложе, одетый в майку «Чикаго Буллз», оставляющую руки полностью открытыми, состроит неопределенную гримасу. Третий — в другой части кровати — промолчит. Он быстро коснется своего правого уха, в котором слабо блеснет серьга. Вам он сразу понравится. Вам понравятся они все, но особенно этот, с серьгой, потерянно сидящий в ногах у мертвеца. Вам захочется, чтобы его не поймали. Вы подумаете об отпечатках, оставленных на подушке. О том, что нужно избавиться от этой подушки, и тут же решите, что лучше им сейчас же уйти оттуда, забрав подушку с собой, и почувствуете раздражение: лучше всего было бы заранее на-

деть перчатки. Перчаток и минимальных мер предосторожности было бы им достаточно, чтобы не оказаться в такой ситуации — хорошо еще, что подушка приглушила крики жертвы, но что делать с отпечатками пальцев и следами обуви, оставленными там и сям. Вы подумаете, что им нужно как можно скорее сжечь подушку в ванне, но одернете себя: будет много дыма, останутся следы пепла и отпечатки пальцев — повсюду, потому что никто из убийц не подумал о том, чтобы надеть перчатки, и потом вы подумаете о криминалистах, о том, что раскрыть это дело для экспертов-криминалистов ничего не стоит. Все эти мысли промелькнут у вас в голове, а потом на экране появятся крупные буквы названия сериала

ЛЕСЛИ
ДЖОНС

и вы поймете: то, что вы сейчас увидели, было лишь напоминанием о событиях предыдущей серии, и настоящее действие: вы увидите, как из здания выходит троица убийц с телом жертвы, упакованным в мешки для мусора. Мужчины

будут все делать довольно быстро и эффективно: видимо, несмотря на очевидный непрофессионализм, к подобным ситуациям они привыкли. Они загрузят тело в багажник кислотно-зеленой «Мазды», — но почему не черной, подумаете вы, могли они хотя бы выбрать черную машину, ну или серую, ведь с зеленой невозможно остаться незаметным.

Против всякого ожидания никто не обратит на них внимания. Вы начнете верить, что, быть может, они все-таки выйдут сухими из воды. Вы бросите взгляд на женщину и догадаетесь, что она тоже хочет, чтобы они не попались. Их машина помчится по улицам большого американского города, они будут довольно долго ездить по запруженным улицам, потом по более пустынным окрестностям пригорода, пока впереди не замаячит металлический мост.

Спустя несколько минут домой вернется сын. Вы не услышите шума входной двери из-за щелчка, с которым высокий брюнет откроет багажник «Мазды». Шарль положит свои вещи в прихожей, подойдет к вам и поприветствует, напугав вас обеих, потому что как раз в этот момент убийцы перекинут труп через перила. Ох, как ты меня напугал, воскликнет мать Шарля. Она встанет и

обнимет его — это будет настоящая сцена воссоединения с количеством душевных излияний, пропорциональным продолжительности его отсутствия: восемь или девять дней, больше недели, — поцелует в каждую щеку, нежно, но быстро погладит по затылку, вот Шарль, громко скажет она, а Шарль посмотрит на вас как на предмет мебели, который мешает пройти. Вы увидите, как свет от телевизора отражается на его жирной коже. Вы протянете ему руку: здравствуй, Шарль. За своей спиной вы услышите шум реки. Шарль будет гораздо выше вас. Над его лбом вы увидите тщательно продуманную прическу: смесь коротких беспорядочно торчащих прядей и неожиданных плоских участков — все вместе будет напоминать поле ржи, по которому пронесся вихрь. Он скажет, я еле стою, она спросит, хорошо ли было у Джонатана, или Жереми, или Натана, Жерома, Нормана. Да, ответит Шарль, явно не желая прилагать больше усилий для разговора. Он уйдет, волоча ноги, и поднимется в свою комнату.

После этого вам будет сложно снова увлечься сериалом. На экране появится игорный дом: за столом будут сидеть четыре неизвестных персонажа. Никакого металлического моста, никакого

трупа, никакой «Мазды», ничего уже вам знакомого. Вы проведете время в обшарпанном районе и будете следить за сделками, участники и результаты которых останутся вам неведомы, из рук в руки будут переходить пачки денег и пакетики — в общем, мелкая торговля мелких наркодилеров. А потом смена кадра, и вы увидите высокую блондинку в светлом офисе. Она обратится к мужчине, который, заложив руки за спину, будет разглядывать город, распростертый в сотне футов у него под ногами. Не глядя друг на друга, они обсудят текущие дела, и тут зазвонит телефон. Высокая блондинка ответит, да, хорошо, уже еду, и сообщит мужчине, что ей пора, мне нужно забрать дочь. Это Лесли, скажет мать Елены, прежде чем серия закончится, и имя Лесли останется с вами словно посвящение в тайну.

25.

В завершение вечера вы предложите матери Елены яблочного пирога. Вы успеете заметить, что в холодильнике его еще немного осталось. Вы успеете заметить, что у них в холодильнике почти всегда есть яблочный пирог. По-прежнему взволнованная после появления своего сына или этой женщины, Лесли, в светлом офисе, она согласится. Вы подадите пирог в картонных тарелках, которые найдете под раковиной.

Вернувшись в гостиную, вы в нерешительности замрете на месте, а она с удивлением посмотрит на вас, вероятно осознавая, что не голодна, но все еще помня о том, что в некотором роде обязалась съесть пирог. Вы поставите тарелки на овальный стол. Почувствуется взаимное смущение, а потом вы первой сядете за стол, и взаимное смущение продолжится, она устроится напротив вас, неловко пододвинув стул себе под ягодицы. Вам будет видно, что она заставляет себя есть. То, что вы будете сидеть вдвоем за одним столом в центре этой просторной и немного холодной комнаты, создаст между вами торжественную интимность.

Будет слышно только, как вы жуете: никто из вас не придумает, что можно сказать. Светящиеся часы будут отсчитывать секунды.

Напомните ей о женщине в светлом офисе, произнесите имя Лесли. Мать Елены оживится. Вы узнаете, что она следит за приключениями Лесли уже три года. Уже три года она каждый четверг вечером сидит на диване и смотрит, как Лесли живет и сражается, побеждает и терпит поражение. Женщина будет говорить о ней как о своей близкой подруге, скажет: Лесли сделала то-то, Лесли думает так-то. Она расскажет вам, что Лесли Джонс понадобилось два сезона, чтобы подняться по карьерной лестнице. Сперва она была просто помощницей адвоката. Теперь она сама адвокат и работает в известной чикагской фирме. Вы станете свободней подносить ко рту кусочки пирога. Она разведена. Живет одна с дочерью. Ей не всегда легко. Нет, вы должны обязательно увидеть, как она выступает в суде, это впечатляет. Поначалу у нее был парень, Ник, тоже адвокат, но все плохо кончилось. Она его бросила. Вы спросите, что это за мужчины были в квартире. Это чикагские пуэрториканцы. Махинации и прочее. Вы понимающе кивнете.

Пирог к тому времени уже закончится, вы

останетесь с Лесли, тремя пуэрториканцами и мрачными прогнозами относительно развития их истории. У женщины зазвонит телефон. Она встанет, чтобы ответить. Четыре светильника над вашей головой будут белесо освещать оставленную ею тарелку. Картон по краям будет идти волнами, отдаленно напоминая роскошный фарфор. Одна из этих выпачканных в яблоке волн, быть может, нарушит регулярность узора, пойдет в неправильную сторону, представляя собой знакомый заводской брак. Знак того, что другие в других местах делают успехи. Вы заметите, что женщина лишь убрала звук, и встанете, чтобы полностью выключить телевизор.

26.

Вам нужно будет продолжить вашу новую жизнь в этом доме, в пространстве, которое словно принуждает вас к уединению. Вы пойдете в прихожую, кончиками пальцев исследуете это совершенно незначительное место, на которое никто не смотрит, на самой границе дома, этот резкий обрыв паркета перед металлическим порогом двери, благодаря которому появляется промежуток, полость, отверстие — не забывайте о важности отверстий, таковы были слова Льюи, наполняйте их водой, маленьким постоянным водопадом, бутылку держите на расстоянии нескольких сантиметров, уходите и терпеливо возвращайтесь.

На следующий день вы снова придете в прихожую. Вы будете приходить туда так часто, как сможете. И каждый раз, уходя, вы будете тщательно вытирать пол. На этом этапе никаких видимых последствий ваших ежедневных действий появляться не должно. Там, прижав к груди колени, вы сможете снова думать о тех пуэрториканцах из квартиры с трупом, об их руках,

об оставленных ими везде отпечатках, обо всех уликах, предоставленных ими в распоряжение полиции, обо всем том, что мы все время оставляем после себя. Вы придете к мнению, что одному вы хотя бы научились — не оставлять следов. *Вспомните, что говорит Льюи:* мы должны быть незаметными, таковы были слова Льюи.

По вечерам вы с Еленой будете читать сказку о лесе. Он должен стать для нее таким же родным, как этот куцый парк, куда, по желанию ее родителей, вы будете водить ее как можно чаще. Разглядывая рисунки Странда, вы вспомните чьи-то слова о том, что сам Странд не был уверен, что его работа имеет смысл, Льюи пришлось его подталкивать. Все это так. Нарисовать лес — это была идея Льюи. Если не знаешь, с чего начать, можешь просто нарисовать поляну, — многие помнят, как Льюи говорит это и указывает через широкие окна клуба на зеленый простор, слегка розовеющий под лучами летнего солнца. Странд тогда возразил, что он много лет не брал в руки карандаш, что он и так уже слишком долго стирал себе пальцы и портил глаза за рисованием, что с этим покончено.

Но мысль Льюи уже пустила корни у него в голове. Однажды он принес свои художественные

принадлежности: это мои старые инструменты, еще со студенчества, объяснил он. Затем с недовольным видом достал из-за стойки длинную доску. Притащил пару козел к стеклянной стене зала, положил на них доску и уселся перед ней под взглядами тех, кто был в тот день в клубе. А были там Порден, Гиг, Трувиль, а еще Скай и Льюи. Он приколол к доске кнопками большой лист бумаги и провозгласил: ну что, попробуем. Вынул свои пастели, делая вид, будто ему неизвестно, что мы за ним наблюдаем. Несколько минут он собирался с мыслями, а потом, окинув взглядом поляну, вытянутую, как язык, окруженную густым лиственным лесом, на одной из опушек которого находился клуб, провел первую линию. Кажется, ты вообразил себя художником, смеясь, бросил ему Гиг.

Покажите Елене, как можно находить животных по следам, оставленным ими в рисунке. А то, чего вы не знаете, выдумайте. Странд очень многое выдумал. Странд, который ворчал: зачем это нужно, сколько времени потеряно, который то и дело рвал листы и менял технику, сбрызгивал рисунки ромом или растительным маслом, чтобы, по его словам, выделить тени. А почему ты хочешь, чтобы я нарисовал поляну? — спраши-

вал Странд у Льюи. Ну давай разберемся почему, был ответ Льюи. Давай разберемся. Тебе что, не нравится наша поляна? Тебе не нравится наша прекрасная поляна? — снова и снова звучал вопрос Льюи.

27.

Все это — чтение Елене книги Странда, необходимость всюду ее сопровождать, помогать ее родителям и выслушивать их каждый день — вас вымотает. Эта однообразная работа лишит вас всяких сил. Перед тем как лечь спать, вы сможете черпать силы лишь в вашем протоколе. Читайте его медленно. Ищите в нем ответы, прежде чем что-то сделать, делайте, прежде чем продолжить чтение, найдите правильный ритм, надлежащее сочетание программы и ее выполнения. Каждый протокол имеет свой собственный характер, свое собственное сердцебиение, таковы были слова Льюи. Узнавайте о нем больше каждый день, но не форсируйте события, не торопитесь, не старайтесь сразу же добраться до конца, который, как вы знаете, концом вовсе не является, действуйте и читайте медленно, сами выберите подходящую скорость. Ритм — это все, — отнеситесь к этим словам Льюи с полной серьезностью. Следуйте этому совету.

28.

На следующей неделе, сидя перед «Лесли Джонс», вы обнаружите, что были правы насчет пуэрториканцев: полиция взяла одного из них — того, с серьгой, который нравится вам больше всех, и что теперь вы знаете его имя: Хуан Габриэль Палмерас.

Его заметил один из жильцов дома, когда он со своими братьями Пепе и Джонно выходил на улицу в вечер убийства. Ничего удивительного, — подумаете вы, вспомнив, как они тащат труп к своей машине. Полиция Чикаго задержала его на пути в магазин Новака и Гловера на Лагранж-роуд, где он занимался демонстрационным залом с кухнями. Новака и Гловера, чья гордость, вынесенная на вывеску —

Семейное предприятие с 1919 года

— должна была пострадать, когда они увидели, как появляются копы и надевают наручники на паренька из зала с кухнями, работал он хорошо, то есть рвать на себе волосы, конечно, тоже незачем, мы найдем, кем его заменить.

Вы увидите Хуана Габриэля Палмераса одного в своей камере с люминесцентной лампой. Вы сможете разглядеть его лучше, чем в первый раз, в квартире, где все происходило слишком быстро. У него будет мягкий взгляд человека, который кажется неспособным совершить зло. Подбородок будет закрывать щетина. Вы внимательно рассмотрите грязную комнату: две двухъярусные кровати, умывальник, унитаз. Откроется дверь. Полицейский сделает ему знак выходить.

– *Your lawyer is here.*
Пришел твой адвокат.

Едва он это скажет, вы поймете, что речь идет о Лесли Джонс, что это она его адвокат, она, высокая блондинка из светлого офиса, и вместе с Хуаном Габриэлем Палмерасом вы двинетесь по коридорам здания, пройдете с ним весь путь к Лесли Джонс, встретите взгляд задержанного с переломанным лицом, которого проведут мимо: ни вы, ни кто другой не захотел бы встретиться с ним вечером на безлюдной улице. Вы будете слегка покачиваться в такт шагам Хуана Габриэля. Лениво шагая впереди вас, полицейский со связкой ключей на поясе и значком в руке проведет вас в другие помещения, не такие мно-

голюдные, в другие коридоры, в другие двери, а затем откроет перед вами последнюю, за которой вашим глазам предстанет маленькая комнатка со столом посередине — на нем уже будут стоять два принесенных Лесли Джонс стаканчика с дымящимся кофе — и двумя стульями, на одном из которых будет, скрестив ноги, восседать сама Лесли Джонс. Другой она предложит Хуану Габриэлю.

Полицейский снимет с задержанного наручники, и Лесли Джонс просто спросит: кофе? — и подтолкнет к нему один из стаканчиков. Охранник выйдет, и Лесли Джонс с Хуаном Габриэлем в этой тесной комнате комиссариата Логан-сквер обменяются пронзительным взглядом — и будет ли дело в мельчайших подрагиваниях камеры, или в том, что их лица покажут крупным планом, или в движении уголков глаз, но станет ясно, что внезапно родилась мощная и безудержная любовь его к ней, ее к нему, взаимная любовь, которая объемлет и вас тоже, потому что вы в свою очередь любите их так же сильно, как они любят друг друга, и они будут смотреть и смотреть друг на друга, пока вы не осознаете, что женщина, растроганная не меньше вас, поставила видео на паузу и не сводит с вас своего взгляда, словно она

была вынуждена прервать поток образов, чтобы успокоиться.

Она откинет плед и встанет. Пойду сделаю нам что-нибудь горячее. Вы останетесь на стуле, наслаждаясь этими мгновениями в безмолвии, зная, что очень скоро вы снова с головой погрузитесь в историю Лесли Джонс и Хуана Габриэля Палмераса. Женщина принесет вам большую чашку травяного чая. Она заберется обратно под плед, и вы обе усядетесь поудобнее. Вы сделаете глоток. Она посмотрит на часы. И запустит сериал.

Лесли Джонс и Хуан Габриэль Палмерас снова начнут двигаться. Лесли объяснит причину своего присутствия, я ваш адвокат, со мной связался ваш брат Пепе. Как у него дела? — спросит Хуан Габриэль с лукавой улыбкой. Залег на дно, ответит Лесли. А вы, почему вы решили не прятаться? Три реплики, а вы уже уловите, в чем заключается очарование Лесли: в ее прямолинейности. Лесли из Техаса, позднее объяснит вам женщина, и, действительно, Лесли напомнит вам одну из уроженок Техаса, которые ничего не боятся, всегда готовы к бою и умеют стучать кулаком по столу. Она говорит без обиняков и своей карьерой обязана лишь себе, а в этот момент, сидя перед

задержанным Хуаном Габриэлем Палмерасом, должна сдерживать сильнейшие эмоции, от которых зарумянилось ее лицо.

Не знаю, в конце концов со вздохом ответит Хуан Габриэль. И умолкнет. Снова заговорит Лесли: вы здесь лишь на основании показаний одного свидетеля. Я изучу ваше дело и посмотрю, что можно сделать. Пока же ваш брат внес за вас залог. Вас освободят, как только уладят все необходимые формальности. Ваш брат попросил меня отвезти вас домой.

– *O.K. Mrs…*
Ладно, миссис…

– *Jones. Leslie Jones.*
Джонс. Лесли Джонс.

– *O.K., Mrs Jones. See you outside then.*
Ладно, миссис Джонс. Встретимся на улице.

Вы поставите перед собой пустую чашку. Выйдя из полицейского участка, Хуан Габриэль Палмерас сразу же увидит Лесли Джонс. Она будет ждать его в машине — глаза спрятаны за черными очками, руки на руле. Не говоря ни слова, он заберется в машину. Лесли тронется, но вскоре

— вы не поймете, как это произошло, — они уже будут целоваться в машине, внезапно остановившейся на обочине. На этом все могло бы и закончиться, это могло бы остаться минутной слабостью, но нет, тот поцелуй будет лишь началом головокружительной истории, от которой вы не сможете оторвать взгляда: они встретятся через несколько дней в темном кафе в центре Чикаго, а потом, еще через неделю, в гостинице, и их тела сольются воедино на краю экрана, будут видны руки и спины, руки за спинами, руки на потных поясницах и внизу дрожащего экрана, руки, хватающие друг за друга, оставляющие влажные следы на телефонах, короткие фразы: нет, разговаривать нельзя, линия может прослушиваться, нужно подождать, прежде чем снова встретиться, чтобы — снова — целоваться, и, повернувшись к женщине, вы увидите ее влажные глаза, а когда Лесли, несколько серий спустя, опять встретится с этим притягательным мужчиной, Хуаном Габриэлем, ваши глаза тоже увлажнятся, а сердце забьется сильнее.

Почти сразу — с того первого поцелуя в машине — вы захотите узнать, чем все кончится. Ведь в глубине души вы будете догадываться по мрачным лицам, по тяжелым недомолвкам, что

проблемы накапливаются. Сценарий искусным образом почти не будет раскрывать их раньше времени, но они непременно настигнут героев, как лавина, готовая сорваться со склона. По последней сцене многое станет ясно: вернувшись очень поздно домой, Лесли увидит, что ее дочь разгромила свою комнату, воспользовавшись тем, что няня заснула перед телевизором. Вы с Лесли Джонс увидите не только перевернутую мебель, размалеванные стены и рассыпающуюся в извинениях няню, но и развалины ее личной жизни: недавний развод, дочь, которую у нее не получается воспитывать одной, адский рабочий график. И ко всему этому придется теперь добавить эту никуда не ведущую связь. Перед вами на журнальном столике будут стоять полные чашки, но чай уже остынет, и вы подумаете о том, что и ваша жизнь никуда не ведет, как будто у всего на свете непременно должна быть цель. Идите отдохните немного, вы перевозбудились.

29.

Так будут проходить ваши вечера по четвергам, и очень скоро они превратятся в настоящий ориентир, краеугольный камень, внушающий надежность. После ужина женщина будет предлагать вам посмотреть одну или две серии. Вы будете молчать. Елена к тому времени уже будет в кровати, Шарль — заниматься в своей комнате, а мужчина — играть в сквош со своим коллегой и другом Венсаном Манем. Чаще всего к его приходу телевизор уже будет выключен, а ваши глаза вновь обретут нормальный оттенок. Все это — догадки, влажные глаза, шерстяные пледы — останется между вами.

Впрочем, однажды, на следующий день после предварительного слушания по делу Хуана Габриэля Палмераса, мужчина зайдет в гостиную прямо посередине серии. Вы едва на него взглянете. Он ненадолго задержится за диваном. И вместе с вами будет смотреть, как Лесли Джонс снова и снова появляется в кадре. Вам станет неприятно чувствовать его у себя за спиной. Через несколько минут он воскликнет: да вы же не подключили

колонки! Он обойдет вас, нагнется и скроет от вас и Лесли Джонс, и Хуана Габриэля, и Ричи, начальника Лесли, того человека из большого светлого офиса, — кстати, Ричи к этому времени начнет что-то подозревать, — вам будут видны только белые шорты мужчины и волоски у него на ногах, вы почувствуете запах его пота, и вам захочется грубо его толкнуть. Он возьмет с журнального столика пульт, выпрямится, дорогая, нужно лишь включить усилитель и настроить вывод звука. Он начнет нажимать перед ней кнопки на пульте, скажет, вот тут, видишь, дополнительный вход, — Лесли, Ричи и весь его офис исчезнут за голубым прямоугольником, — ты выбираешь дополнительный вход, подтверждаешь, и звук выходит на колонки. Он нажмет на кнопку и Лесли Джонс взревет: *I need to keep this case, Richard*[1], — на полную мощность. Иначе звук идет из телевизора, а это не бог весть что. Он будет долго стоять между вами и журнальным столиком, одну руку положив на бедро, а в другой зажав пульт, таз, смещенный в сторону, окажется прямо перед вашими глазами. Когда звук идет на колонки, так же гораздо лучше, разве нет?

---

[1] Примечания: 1
«Мне нужно это дело, Ричард!»

Он задержится еще на мгновение, оценивая качество звука с видом эксперта, а потом наконец объявит, что идет в душ. Как только он выйдет, женщина предложит вам отмотать назад. Вы увидите, что видео пошло в обратном направлении. Но вот сериал продолжится, и Лесли Джонс снова закричит с той же силой и энергией: *I need to keep this case, Richard.* Громкость звука покажется вам чрезмерной, но никто из вас не решится ее уменьшить. Ричард будет удивлен тону Лесли и не замедлит спросить у нее, что не так. Он сделает это со свойственными ему сдержанностью и тактом: *What's going on with this guy, Leslie?*[2] И тогда Лесли, которая так стойко держалась, принимала все меры предосторожности, запрещала самой себе признавать происходящее, — Лесли сломается. Она рухнет в кресло. По ее взгляду вы догадаетесь, что она готова обо всем рассказать.

Закончив принимать душ, мужчина вернется в гостиную и займет место на диване рядом с женщиной. Он успеет переодеться в пижаму: бледно-голубые фланелевые штаны и в тон им хлопковую рубашку. Почешет плечо. Она тихо спросит, почему он вернулся домой так рано. Он

---

[2] Примечания: 2
«Что с этим парнем такое, Лесли?»

ответит, что Венсан Мань его кинул. Он не мог задержаться, были предварительные договоренности. Сыграли по-быстрому, — уточнит он в тот самый момент, когда случится немыслимое: тело убитого, утяжеленное по всем правилам (десятком найденных на берегу камней), будет выловлено ниже по течению реки Гранд-Калумет. Вы увидите всех охочих до сенсаций журналистов города, спускающихся по склону на берег. Полицейский кордон будет мешать им подойти к реке. Вспышки, интервью. Представительница правоохранительных органов, одетая в светоотражающий жилет, поднимет желтую ленту и пропустит Лесли внутрь периметра безопасности. Санитары в белых перчатках положат тело на носилки. И в эту самую секунду в кармане Лесли завибрирует телефон. На экране появятся два инициала:

J. G.

30.

Это кто ей звонит? — спросит он, и вы захотите, чтобы он замолчал. Лесли заберется обратно в машину. Любовник, — ответит женщина, а он не придумает ничего лучше, как многозначительно протянуть: о-о! На экране Лесли повернет на Гарлем-авеню. Мужчина почешет колено. Вот это Лесли Джонс? Женщина кивнет. Лесли Джонс наконец доберется до места, где у машины ее будут ждать все три брата — в таком порядке: Пепе, Джонно и усевшийся задом на капот Хуан Габриэль. Кто из них ее любовник, вот этот? Мужчина покажет пальцем на Хуана Габриэля. Пепе и Джонно отойдут в сторону. Хуан Габриэль объявит Лесли, что собирается уехать из города. Что любит ее. И еще, что ему нужно много денег. Лесли попробует отговорить его от бегства: если ты ничего не делал, ты должен сдаться полиции, дашь показания, отсидишь два года и выйдешь, я об этом позабочусь. Но они оба знают, и вы вместе с ними тоже, что теперь, когда найдено тело, Хуан Габриэль крупно рискует и что назад дороги нет. Вы подумаете, что и для вас тоже назад дороги

нет. Они целуются — недолго, ведь в машине ждут его братья, да и вообще ситуация такая, что счет идет на часы. Вы почувствуете, что мужчине некомфортно оттого, что вы рядом. Как будто это его целуют. Он решит заполнить тишину: почему ее любовнику нужно бежать? Вы захотите, чтобы он прекратил болтать, и вы вдруг поймете, почему Льюи так раздражало, когда кто-то слишком громко разговаривал или вставал перед экраном. Женщина спокойно ответит ему: потому что он совершил убийство — и вы восхититесь ее терпением, но слово «убийство» покажется вам фальшивым, как и несколько мгновений назад слово «любовник». Вспомните совет Льюи: выбирайте слова, тщательно выбирайте слова. Вдали прозвучит сирена полицейской машины, и наступит очередь Елены появиться в гостиной. Она позовет вас. Вы обернетесь. В руках у нее будет небольшая плюшевая игрушка — вялая и грязная собака. Вы заметите, что у Елены опухшие глаза. Ты проснулась, моя дорогая, скажет ее мать. Елена кивнет. Собака покажется вам утомленной: обвисшие уши, высунутый язык. Вы услышите, как Хуан Габриэль хлопает дверцей машины. Елену заворожит изображение на экране. Ее мать скажет вам: идите, если хотите, поднимитесь с

ней в комнату, досмотрим в следующий четверг, сегодня все как-то сложно. Вы уведете Елену. Мужчина встанет и, быстро вас обогнав, запрется у себя в кабинете. На лестнице, перегнувшись через перила, вы увидите мать Елены у дивана — она склонится над пультом и будет искать кнопку «стоп». На экране «Мазда» пуэрториканцев будет мчаться на полной скорости.

31.

Вы подниметесь вместе с Еленой на второй этаж. Она будет не в духе из-за того, что телевизор ее разбудил. И из потока ее детской речи, произносимой слегка хриплым голосом, вдруг выскочит взрослая фраза: я сейчас плохо сплю. Вам станет интересно, откуда она взяла это слегка торжественное выражение и этот глухой голос.

Со второго этажа будет слышно, как мать убирает внизу гостиную. Она вам доверяет, замените ее. Вы здесь именно для этого. Вы укутаете Елену в одеяло и подоткнете со всех сторон, как она любит. Возьмете с тумбочки книгу Странда и продолжите читать сказку о лесе. Вы взяли на себя роль матери. Вы читаете с ее интонациями, ее слегка слащавым голосом.

Вернитесь к той ночи, когда при свете полной луны дети засыпают под деревом. Опишите жизнь, которая шевелится в кустах и бегает по стволам деревьев, филина, ухающего прямо перед ними, видишь, Елена, вот это темное пятно, а ежиков видишь? Вот они, похожие на черные точки, разбегаются внизу рисунка.

Каждый вечер вы читали эту книгу, которую она постоянно требовала, и вы описали девочку, березы и синиц, грибы-зонтики и сон-траву, дороги под проливным дождем, в предрассветном тумане, под бледным солнцем — как любил рисовать Странд: почти не дающим света. Вы описали терпеливо собранные шалаши, под некоторыми девочка едва может сидеть и вынуждена сворачиваться в комочек, другие же, напротив, похожи на дворцы: гибкие ветки остролиста и прутики связаны между собой, чтобы получился купол, другие ветки собраны в настил, земля притоптана. Вы спутали несколько версий, и Елена будет вас каждый раз поправлять, и этим вечером она снова вас поправит, но вы будете настаивать, вы заговорите о звуках ночи, Елене станет страшно, и она попросит вас остановиться, а вы продолжите, девочка вместе с другими детьми пойдет еще дальше в темноту этого леса, они будут искать места, подходящие для установки ловушек, в которые попадутся животные: кролики или лиса, и вы опишете ее окровавленную лапку, обглоданную до кости, и всплывет образ детей с окрашенными кровью ртами, Елена будет молчать, охваченная смесью восхищения и ужаса, а вы расскажете, как дети вместе едят и

разговаривают друг с другом. Когда с голодом будет покончено, останется только страх, который нужно приручить, — повторите вы. Вы скажете Елене, что она должна какое-то время дышать, закрыть глаза и просто дышать, почувствовать запахи леса и землю поляны под ногами.

Вы поцелуете ее. Погладите ее лоб. Сделаете все, что, как вы уже успеете к этому моменту увидеть, делает ее мать. Так же ласково, так же нежно. Таким же мягким движением руки. Как и все, что вы делаете каждый день, эти движения не будут иметь для вас особого смысла. Слово «нежность» — это большое пустое место, как было сказано Льюи. Оно крутится в голове, но за ним ничего не стоит. Нужно менять то, как мы думаем. Величественный радикализм Льюи во всей красе. Теперь надо поспать, шепнете вы наконец расслабившейся Елене.

32.

Выходя из комнаты Елены, вы вспомните о том, что мы писали, а вы читали: даже если по ночам Елене снятся кошмары, даже если ее глаза стекленеют, она будет по-прежнему просить вас читать ей сказку о лесе. Вы не должны в этом сомневаться. Эта книжка должна стать общей для вас историей, в которой вы обе потеряетесь, но научитесь в ней существовать. Эта книга предназначена для того, чтобы подготовить вас, таковы были слова Льюи.

Вы пройдете мимо закрытой двери в комнату сына. До вас донесутся выстрелы и его крики: слева, слева, нет, от тебя слева, Жером, Натан, слева, Жереми, слева, Норман. И снова стрельбы, звуки, с которыми перезаряжают автоматическое оружие, стоны.

В тот момент, когда вы подойдете к лестнице, женщина внезапно появится позади вас, выскочит из своей комнаты, чтобы поспешно спросить, не хотели бы поужинать с ней и ее мужем в небольшой траттории, неподалеку от дома, она только что говорила с ними по телефону и за-

бронировала столик на завтрашний вечер — она выскочит, чтобы спросить у вас это, не против ли вы сходить с ними поужинать, и вам покажется, что до следующего вечера еще так долго, вы закончите эту главу, поглубже зароетесь в кровать и будете ждать наступления завтра, потому что так надо, это именно то, что вы должны делать: вовремя засыпать и ждать, ждать, когда все наконец произойдет, когда все произойдет в нужном порядке.

33.

Итак, вы узнаете, что слово «траттория» нужно произносить, отстукивая звуки «Т», словно молотом, и вы потренируетесь перед зеркалом правильно произносить слово «траттория», подчеркивая «Т» в нужных местах. Вы совершенно не узнаете своего отражения. Вы вообще когда-либо ходили в ресторан таким образом: начиная одеваться уже в семь, подбирая колье и серьги, накрашиваясь?

Женщина заглянет к вам на мгновение, чтобы проверить, все ли у вас хорошо, ее блузка будет широко раскрыта на груди, она еще раз скажет слово «траттория»: нам нельзя туда опаздывать, или же: давно мы туда не ходили, а потом сразу же: вы выглядите очаровательно, и вы благодарно улыбнетесь.

В половину восьмого раздастся звонок в дверь, вы спуститесь открыть, это будет Рози, Дори, Дорина, или Розина, или просто-напросто Роза, это будет Роза, пришедшая посидеть с Еленой, и тогда появится мужчина и даст указания, как же он любит это дело, подумаете вы, раздавать

людям указания, он — со своим волевым лицом и прямым носом — сходит наверх за Еленой, скажет: ей нужно скоро поесть, Шарль сегодня гуляет с друзьями, о нем не думайте, он вас не потревожит, вы уложите Елену спать, а мы вернемся около одиннадцати, *совершенно точно* не сильно позже, мы вам позвоним, если что-то изменится, но пока договоримся на одиннадцать, а потом увидит, что идет его жена, засунув руки в волосы, чтобы придать им объем, и скажет: ну что, пошли?

Вы выйдете из дома. Сделайте так, чтобы вы оказались на улице самое позднее без пяти восемь. Машина будет стоять на подъездной дорожке, как и каждую ночь. Он обойдет вас, чтобы открыть вам дверцу. Они успеют поздороваться со стоящим на коленях соседом, скажут ему: как вы поживаете? Ох, да я все вожусь с этим чертовым мотоциклом, но дело движется, и, действительно, вы заметите, что центробежная миграция маленьких металлических деталей по гранитным плитам немного замедлилась, — а вы? Мы идем в ресторан. В ресторан — это хорошо, согласится он, недалеко? Да, недалеко, в тратторию. Тратторию на другом конце проспекта? Да, туда. На этом разговор закончится, они одновременно

протянут руки к передним дверцам машины, и, только усевшись за руль, мужчина скажет, что нужно ненадолго открыть окна — из-за влажности, — и вы удивитесь, о какой еще влажности он говорит.

Повернув голову, в окне вашей комнаты вы заметите их сына. У вас случится приступ паники. Вы откроете вашу сумочку и убедитесь, что ваша книга там, при вас, что он не сможет наткнуться на нее, копаясь в ваших вещах. Необходимо прятать от всех протоколы, таковы были слова Льюи, если мы хотим, чтобы у нас был шанс дойти до конца. Их сын может сколько угодно валяться в вашей постели, открывать ваш чемодан или читать малозначимые записи, оставленные вами на тумбочке, пока ваша книга будет у вас, он не сможет сделать ничего, что помешало бы вашему заданию. Ты ничего не сможешь сделать, малыш, прошепчете вы, улыбаясь из-за стекла машины, которое откроется, словно отреагировав на ваш голос, а потом почти сразу же закроется. Поехали, скажет мужчина, трогаясь. Джип зарычит у вас под ягодицами, как большой кот.

34.

Вот вы рядом с ними и впервые куда-то вместе идете. И этот первый раз станет для вас новым этапом, настоящей вехой — когда вы будете наблюдать за тем, как мужчина открывает вам дверцу, вы это почувствуете, когда вы скользнете на заднее сиденье, вы скажете это сами себе, когда вы увидите, как он рассматривает вашу голубую тунику, спадающую вам на бедра, и брошь кроваво-красного цвета, пристегнутую на груди, вы подумаете про себя, что это дело сделано, что все действительно происходит, что мы были правы и вы на верном пути. Взгляд, который он бросит на ваше тело, будет ощутимым признаком того, что вы продвигаетесь в вашей деятельности, вашем труде, называйте как хотите, и добиваетесь успеха.

Вы положите руки на удобное кожаное сиденье, которое начнет нагреваться под вашими пальцами. Мужчина с женщиной спереди обменяются несколькими пустыми фразами. Перед вашими глазами поплывут знакомые вам улицы. Она заметит, что ужасно рада отправиться в ресто-

ран, поесть итальянскую еду, давно мы этого не делали, скажет она ему, как бы ища его согласия, и он кивнет, признавая это, и они разыграют свой тихий спектакль: он будет подтверждать, а она поддакивать, а затем сделает радио громче, и вы втроем будете слушать музыку популярной радиостанции.

Сперва вы не сможете облечь в слова ощущение, которое будет накатываться на вас волнами, но потом оно слегка отстоится и вы осознаете: они слушают музыку без удовольствия или, вернее, для них слушать музыку — это *работа*, они *работали* и учились ее любить, но она никак не связана с тем живым, что еще бьется у них внутри — тут Льюи стало бы очень смешно: у людей внутри ничего нет, у них внутри лишь изменения химического равновесия, но то, что вы поймете в этот день, ни Льюи, ни Скай, ни кто-либо другой на вашей памяти никогда не замечал. Вам покажется, что мужчина и женщина слушают то, что нужно слушать, что слушают — без удовольствия — в соседних машинах, что они любят то, что нужно любить, ту музыку, которую слушают в этом районе, и им даже не придет в голову мысль ехать в тишине, без единого звука разглядывая одинаковые улицы их района, парфюмерный бу-

тик, книжную лавку, теннисные корты, изгороди, кусты, лужайки, им непременно нужно чем-то заполнить этот момент и заодно показать вам, какую музыку они слушают, какую музыку надо слушать, и внезапно вы догадаетесь, что они вас воспитывают, начинают вас принимать, и это значит, что они начинают вас любить, а впрочем, подумаете вы, может быть, они и не слушают по-настоящему радио, а просто включают его, чтобы, как это принято в некоторых странах, заглушить крамольные разговоры, вот только тут радио заглушает лишь тревогу, возникшую оттого, что они внезапно оказались наедине с вами, да еще заполняет пустоту, пустоту поездки.

В восемь часов, на повороте, музыку прервет голос. Этот голос, его будут предварять небольшие потрескивания, сообщит, что инфраземная жизнь существует, повторяю, скажет голос, инфраземная жизнь существует, и на нас лежит задача обнаружить ее — в нас или где-то еще, повторяю, — скажет голос, в нас или где-то еще. Мужчина с женщиной на несколько мгновений застынут, попробуют переключиться на другую частоту, прежде чем вернуться к своей привычной радиостанции, на которой уже не будет ничего, ничего, кроме ритмичной музыки,

звучавшей еще до сообщения. Они обменяются слегка удивленными взглядами, но промолчат, решив не обращать внимания на то, что уже очевидно успело найти путь к их ушам. Вызывайте разобщение, таковы были слова Льюи. Выражение «инфраземная жизнь», которое нас всех очень смешило, родилось у Битца прямо во время галлюцинации, эти слова с хрипом вырвались из его перекошенного рта, скрытого под ковром из листьев, из забытого нами рта Битца, которого мы оставили, посчитав мертвым, его тело путешествует, так он говорил, и это выражение, произнесенное серьезным тоном по радио, прозвучит в машине как предупреждение, как ознаменование нового этапа.

Вы даже не пошевелитесь. Ничего не скажете, сохраните полное спокойствие, наслаждаясь прохладным воздухом из кондиционера и наблюдая за центральным монитором, показывающим положение машины на темной карте. Вы подумаете об инфраземной жизни, об этом сообщении, адресованном вам в том числе. Вы погладите сиденье. Вы будете гладить его все сильнее и сильнее, пока не проткнете кожу ногтем. Вы по-прежнему будете улыбаться мужчине и женщине в зеркало заднего вида, а тем временем с той же легкостью,

с которой судмедэксперт разрезал скальпелем кожу мертвеца, найденного у Гранд-Калумет, прочертите символ Странда — он останется на кожаном сиденье как доказательство того, что вы здесь были, и вы, сложив руки на коленях, некоторое время будете с удовлетворением его разглядывать, но машина уже остановится на другом конце района, путь займет не больше двух или трех минут, и вдруг помада — женщина поставит ногу на землю, и вы заметите ее помаду и серьги, вы увидите ее такой, какой она нарядилась для этого вечера: светлое платье и перламутровое колье, и вы забудете и кожаное сиденье и ощущение, остававшееся у вас под ногтем, вы тоже выйдете из машины, и она вам скажет: я оделась, как Лесли, она носила это платье у *Мортимера*, и вам покажется, что вы понимаете, что это значит, или нет, она ничего не скажет, и вы все это подумаете про себя: она оделась, как Лесли, тем особенным вечером, когда она снова встретилась с Ником в Нью-Йорке, в том роскошном ресторане, который назывался «Мортимер» или как-то так, может, «Морнер», да, скорее, «Морнер», и она, как говорится, навела красоту, но все плохо кончилось, в очередной раз, и она вернулась в Чикаго со слезами на глазах, и

тушь текла у нее по щекам.

Мужчина присоединится к вам, и вы втроем зайдете в ресторан, как три заблудившихся принца из чужеземной страны. Джип мигнет вам в последний раз всеми четырьмя огнями, славный зверь, и администратор примет вас со всеми знаками уважения. Он проведет вас к столику, сложив ваши легкие куртки себе на сгиб руки. Потом появятся меню, вина, блюда, и представление продолжится.

35.

Вокруг вас другие люди будут разговаривать за такими же, как у вас, столами. Некоторых вы узнаете, потому что уже увидите их раньше у школы, куда они будут приводить детей, или на улицах района. Все будут говорить приглушенными голосами, и те, рядом с вами, выберут в меню то, что нужно, вы выберете то же самое, что женщина, все пройдет как нельзя лучше, мужчина вовремя сделает руками правильные движения, чтобы позвать официанта, который тут же подойдет — настоящий профессионал, быстро на вас посмотрит, узнает, что вам принести, и вернется с соответствующими блюдами, а вы заметите в тарелке, которую он поставит перед мужчиной, узор, нанесенный на ризотто бальзамическим уксусом, и вы застынете на несколько секунд, потому что этот рисунок — две линии, одна длинная и вертикальная, другая, идущая вправо, покороче — будет недвусмысленно похож на тот, что вы чуть раньше вырежете на заднем сиденье джипа. Льюи так и не сможет помешать нам играть в эту игру.

Женщина будет много говорить. Немного посмеется над мужем. Какой же ты зажатый, скажет она ему, пока он будет заканчивать свое блюдо. С тобой всегда одинаково, умираешь со скуки. Ты такой серьезный. Все время такой серьезный. Станет ясно, что она слишком много выпила. Улыбаясь, она посмотрит на вас. Вы очень красивая. Она возьмет вас за руку. Он такой же, как Ник, сообщит она вам, показывая на мужа пальцем. Немного старомодный. Ну да, ты старомоден. Будете еще вина? Она нальет вам вина. Тебе пора остановиться, посоветует он ей несколько раз, но она его не послушает.

Она выпьет еще. Вам не кажется, что он похож на Ника? Вы не будете знать, что ответить, и повернетесь к нему. Он бросит на вас огорченный взгляд, как будто прося извинить его жену, и вы скажете, да, немного, или не знаю, а она продолжит пуще прежнего, он как Ник, говорит всегда правильные вещи. Только правильные вещи. Знаете, почему они расстались с Лесли? Ник стал встречаться с молодой женщиной. Но в любом случае Лесли не устраивали отношения с таким мужчиной. Вы видели, какая она? Она с характером, так ведь? Когда она поняла, что он творит за ее спиной, она выкинула все его

вещи на лестницу и поменяла замки в квартире. Бам! Будете еще немного вина? Оно похуже, чем в прошлый раз. Может быть, десерт? Мужчина откажется. Тогда она предложит вам взять один десерт пополам. Не знаю, чем все кончится. Она совершенно потеряна. Даже Ричи начал дергаться. Вы заметили, как он отреагировал, когда Лесли все ему рассказала?

Вы окажетесь перед одной креманкой с тирамису. Погрузите в него ложки. Видели? — спросит она, поймав одну из своих сережек. Почти такие же, как у нее. Вы весело на нее взглянете. Она поднимет руку, чтобы заказать еще бутылку.

36.

Той ночью, как только вы заснете, на вас нахлынут образы: Лесли и Хуан Габриэль, вечер в ресторане, опьяневшая мать Елены, ее муж, разглядывающий вас и как будто тоже слишком много выпивший, официант с бутылками и тарелками. Вернувшись в машину, вы будете искать тайную подсказку, но ее не будет, по крайней мере такой, которая имела бы значение, и будет поздно, вы проснетесь в поту, чтобы снова в изнеможении заснуть, и так несколько раз, вы снова увидите, как выходите из ресторана и официант удерживает вас за руку, вы оборачиваетесь, и он быстро ведет вас к бару, это тот же официант, который обслуживал ваш столик, он юркает за стойку и возвращается с флаконом, протягивает его вам безо всяких объяснений, и вы затем моментально догоняете мужчину с женщиной, все это за пятнадцать-двадцать минут, не больше, а, оказавшись на заднем сиденье джипа, вы погружаете руки в сумочку, чтобы исследовать цилиндрический флакон, который вручил вам официант, а потом кладете руки на

кожаное сиденье, чувствуя подушечками пальцев царапины, оставленные на пути в ресторан, а дальше вы уже увидите, как машина подъезжает к дому, хозяева идут неуверенно, шатаясь, громковато смеясь — сосед уже лег, свет в его доме выключен, — говорят с Розой, или Рози, платят ей наличными, причем мужчина ошибается в расчетах и говорит, я не очень хорошо себя чувствую, а его жена не отстает, я тоже, и бежит в туалет, и к этим картинкам подмешивается образ Лесли, ужинающей с Хуаном Габриэлем — она тоже пьяна, пьяна так же, как и он, они мечтают встретиться в гостинице, но тут вы услышите, как мужчина и женщина поднимаются по лестнице и идут спать, охая как два старика, и внезапно у вас возникнет ощущение, что они зашли в вашу комнату, вы приподниметесь, в комнате будет удушающе влажно — и никого, добрая часть ночи уже пройдет, а на тумбочке будет стоять флакон, полностью белый, за исключением небольшого изображения на пластиковой крышечке, символа, который Странд выбрал для всех нас в качестве опознавательного знака. Выбрал с позволения Льюи: за Страндом символы, за Льюи все остальное, решили некоторые из нас, Льюи это не нравилось, но Странд есть Странд, и с ним

приходилось считаться. Мы все должны были с ним считаться, разве нет?

Все помнят этот зимний день, когда Странд, у которого после гонки комбинезон и шлем были покрыты грязью, показал нам пальцем на надпись над входом в клуб.

Странд решил, что вот он, наш опознавательный знак — первая, наполовину стершаяся буква вывески, эта единица, смотрящая не в ту сторону, как будто нарушающая естественный ход вещей, — добавил он. Льюи это пришлось не по нраву: мы не какое-то поганое братство, долбаное братство с погаными знаками принадлежности. А кто мы тогда, Льюи? — заорал Странд. А? Кто мы? Потом Странд повесил свой комбинезон на вешалку между комбинезонами Трувиля и Муза, немного отряхнулся, и этого было достаточно.

Странд был слишком упрям, и долго противостоять ему было невозможно.

Если вы еще этого не сделали, уберите флакон в нижний ящик вашей тумбочки. Постарайтесь заснуть. Когда утром вам наконец удастся подняться с постели, надеть блузку, простые штаны и пойти в комнату к Елене, солнце поднимется уже высоко, а Елена будет играть, уже пройдет больша́я часть дня, но никто еще не встанет, кроме вас с Еленой. И сына, чей голос долетит до вас вместе со звуками взрывов. Позднее постарайтесь сделать так, чтобы флакон все время был с вами. Он пригодится.

37.

Вы накормите Елену. Пока она будет молча есть хлопья, вы возьмете бутылку воды, польете фикус и снова пойдете лить воду в тонкую щель перед входной дверью. Струя будет немного дрожать. Там, наклонившись над щелью, вы в отблесках солнечного дня впервые увидите плоды ваших усилий: половицы начнут подниматься и пойдут волнами по краям. Вы пробежите пальцами по их неровной поверхности.

Вы вернетесь на кухню и сядете напротив Елены. Услышите, как на втором этаже сын открывает дверь своей комнаты и спускается по лестнице. На мгновение вы испугаетесь, что он задержится в прихожей и заметит изменения, влажный след, первые результаты вашей тайной работы, но нет, ничего, как несколько минут спустя ничего не увидят и его родители. По словам Льюи, в любой ситуации мы не можем видеть всего, мы обязательно отбираем информацию, соответствующую нашим целям в данный момент, обратили ли вы внимание на то облако, услышали мы однажды от Льюи, — за широкими окнами

клуба виднелось серое небо, — на его необычную форму? (И мы были вынуждены признать, что не заметили даже, как стало пасмурно.)

Зайдя на кухню, сын увидит вас и резко остановится, а потом медленно двинется дальше, обходя вас, но продолжая наблюдать. Он помолчит с полминуты и спросит: мои родители еще спят? И в его голосе послышится нотка беспокойства, словно он подозревает вас в каком-то преступлении, ведь никогда, ни разу за всю его жизнь, не было такого, чтобы его родители в такой час еще спали, но времена меняются, Шарль, подумаете вы, и скажете ему: да, мы вчера легли довольно поздно, и они, вероятно, решили сегодня выспаться, по крайней мере вам так кажется, вы тоже точно не знаете, но, если учесть, во сколько вы вчера вернулись и сколько выпили алкоголя, нет ничего странного в том, что они до сих пор спят, то, что такого никогда не случалось, не имеет значения, подумаете вы, это нечто новое, тебе придется привыкнуть к тому, что только начинается, малыш, а он скажет, странно, стоя перед вами, он скажет, странно, обычно они встают раньше.

Он откроет холодильник и сделает несколько больших глотков молока прямо из бутылки. Не обращая внимания на сестру, он вернется на

другую сторону стола и спросит у вас, как долго вы планируете здесь оставаться. Во рту у него будет сухо, как у загнанного животного. Таким образом, и этот робкий мальчик почувствует, что что-то распадается. Почувствует распад. Дорогу великому распаду, объявил Гиг. К счастью для нас, молодому человеку перед вами будет слишком привычно бездействие, как всем, как долгое время и нам самим, когда еще не было ни Льюи, ни клуба, было слишком привычно бездействие и мы ни для кого не представляли ни малейшей опасности. Здесь, ты имеешь в виду у вас? — неспешно спросите вы. Он кивнет, его нижняя губа приподнимется, и он весь словно потянется за вашим ответом, при этом ныряя взглядом в разрез вашей блузки. Нет, не волнуйся, я не задержусь надолго, успокоите его вы, на что он возмущенно ответит: да я не волнуюсь, я вообще не волнуюсь. Тебе не терпится, чтобы я ушла? Он не ответит. К тому же, возможно, ввернете вы, что и мне тоже, возможно, мне тоже не терпится уйти, и эти ваши слова ошибкой не станут, вы просто испытаете на прочность грань, грань, за которой все может рухнуть, вы скажете так, хотя это будет не совсем правда: вы успеете привыкнуть к своей роли, вы будете довольны,

что проводите с ними время и находитесь этим утром на кухне рядом с этим большим растущим телом и маленькой девочкой, о существовании которых еще несколькими неделями ранее вы и понятия никакого не имели, вам будет приятно, несмотря на головную боль и пульсацию в висках, заботиться о них, мы должны заботиться обо всех — таковы были слова Льюи, — заботиться обо всех, ничего не портить, а только преобразовывать, постоянно преобразовывать.

Елена закончит есть, а вы подойдете к сыну. Ощутите вблизи исходящий от него запах кожаного мяча, запах баскетбольной площадки в летний день. Вы поцелуете его в щеку и ничего больше не скажете. Именно в этот момент мужчина и женщина начнут наконец спускаться вниз, вы услышите, как они тяжело идут по лестнице, и встретите их в прихожей, и они, в отличие от вас — волосы распущены, у блузки слишком большой вырез, правильный вырез, — будут безупречно одеты, и они ни о чем не будут догадываться, он посмотрит на вашу блузку со слишком большим вырезом, ни секунды не подозревая о литрах воды, вылитой под паркет, на котором будут стоять его ноги в безупречных ботинках, совершенно не замечая выпуклости пола у двери, затем они

поставят там свои портфели и сумки, продолжая жить перед вами так же, как они это делали с самого начала, вот только их каблуки будут издавать немного другой звук, и если бы они были внимательны, они бы это услышали, звук их шагов теперь будет приглушенным, словно щелчок языком в слишком узком рту, и вам это покажется столь очевидным, что вы испугаетесь, как бы они вдруг не поняли и не забеспокоились, и вас начнет прошибать холодный пот всякий раз, когда их глаза будут опускаться вниз, но ничего, они ни разу ничего не заподозрят, ни разу не задержатся у этой щели, вокруг которой вы успеете быстро пройтись салфеткой, а на следующий день и в другие дни вы снова будете лить воду в это отверстие, роняя каплю за каплей, и она продолжит понемногу впитываться в дубовый паркет, который они выбрали после неоднократных поездок в специализированные магазины — он наконец бросился им в глаза, половицы были широкие и современные, их теплый оттенок им понравился, компания смогла уложить его в то время, пока они были в отпуске, все произошло очень быстро, они вернулись домой, а все уже было сделано, так что тогда, в один и тот же год, были и Коста-Брава, и паркет, и пол стал выглядеть совсем по-другому

и придал дому новый облик.

Они потопчут некоторое время этот паркет, который, даже если бы они стали его рассматривать, показался бы им все таким же новым, таким же красивым, и сообщат вам, что сегодня берут Елену на себя, ни словом не обмолвясь ни о вчерашнем, ни о своем позднем подъеме, одетые с иголочки, они будут глухо стучать каблуками по паркету, и вам покажется совершенно невозможным, что они ничего не замечают, однако день за днем они будут возвращаться вечером домой так же неминуемо, как прощались с вами, уходя на работу утром, совершенно не обращая внимания на то, что разбухает под их ногами — даже тем неизвестно каким уже по счету вечером: вы будете чувствовать себя уставшей от ожидания, от одних и тех же движений, одних и тех же чужих разговоров, неизменных ритуалов, повторяющихся поз, уставшей оттого, что вам приходится каждое утро следовать заведенному порядку, сдерживать ваш бунт, уже даже не очень хорошо понимая, что им движет и нужно ли его так называть, а еще подавленной необходимостью все это продолжать, когда вам хочется только лежать и никого больше не предавать, хотя, по словам Льюи, ничто и никого предать нельзя, есть только

линии и тела, только готовность дойти до конца того, что вы сами решили исполнить, а вместе с вами и другие. Вам покажется, что стены качаются, что плющ за полупрозрачными плитками входной двери удаляется от вас, и вы захотите ухватиться за что-то, прислонитесь к стене, а потом упадете в дизайнерское кресло, которое родители Елены купили в бутике неподалеку от дома и поставили в прихожей и которым никто никогда не пользуется.

Мужчина высунет голову из-за своей толстой двери, обнаружит вас там, в дизайнерском кресле — белом, как и вся остальная мебель в прихожей, с хромированными элементами, и спросит, все ли в порядке, вы успокоите его взмахом руки и останетесь на месте, а плющ за полупрозрачной дверью слегка зашевелится, словно пытаясь убежать, пока не стало слишком поздно, и вот наступит ночь, а вы по-прежнему будете сидеть в кресле в углу прихожей, и в конце концов мужчина снова высунет голову и удивится, что вы все еще там, снова спросит, все ли в порядке, и в глазах у него мелькнет обеспокоенность странностью вашего поведения — еще одна забота, и, конечно, вам было бы лучше не показывать эту внезапную слабость, но вы ничем не отличаетесь

от них, порой вы будете еле держаться на ногах, впрочем, мужчина знает, все знают, что иногда ты просто вынужден сесть в кресло, стоящее в прихожей, которое обычно никто не использует. Он предложит вам стакан воды, предложит вам кофе, он будет обеспокоен — не столько за вас, сколько за себя, из-за тех нехороших последствий, которые может иметь появление в их доме кого-то, кто начинает падать в обморок или заболевать, как те старые слуги, чьи хозяева опасаются, как бы они, слуги, не стали для них обузой, но вскоре вы подниметесь, держа в руках принесенный им стакан воды или чашку кофе, и спросите, что он делает в этой загадочной комнате, над чем он там работает, а он захохочет, исполненный как облегчения, так и едва скрытого желания рассказать, чем он сейчас занимается, какому ремеслу предается, вот так вот закрываясь там в одиночестве, он захохочет чересчур громко: ох, да ни над чем особенным, это мой кабинет, я там занимаюсь всякой бумажной работой, и — проведет вас в эту комнату, по стенам которой до самого потолка будут возвышаться этажерки, забитые книгами, а позади большого стола из темного дерева, черешни, подумаете вы, гордо стоящего в самом центре, будет стоять

специализированная литература: журналы мод и технические каталоги, руководства по дублению кож, журналы для ценителей обуви, каталоги оттенков, библии обуви, а на экране компьютера он покажет вам сравнительные балансы, над которыми работает. Одной рукой он прибавит яркости освещающей вас лампе, которая будет имитировать старинную модель, лампе, которая будет похожа, вероятно, на ту, что использовала Джеки Кеннеди, когда писала письма, — тот же зеленый абажур, немного американский на вид.

Мужчина скажет вам: я провожу глобальную финансовую проверку. Я делаю это каждый год: акции, кредиты, страховка, смотрю все. Он расскажет вам это, как отец, который открывает свой постыдный секрет дочери, слишком юной, чтобы его понять, и в его глазах появится такой блеск, какой вы и не ждали в них увидеть. Не нужно напоминать вам, что вам следует вести себя доброжелательно: вы поправите волосы и будете казаться очарованной цифрами, пораженной этой незаметной со стороны работой, которую он делает ради своей семьи.

Стоя за плавным изгибом ваших плеч, он станет рассказывать дальше. Он сообщит вам, что вот уже пять лет он наращивает небольшой ка-

питал, унаследованный его женой, который, если прибавить к нему часть их сбережений и доходы от инвестиций, составляет на данный момент вполне солидную сумму. Он покажет вам таблицы на экране компьютера. Он предположит, что вам может показаться нелепым его желание самому заниматься всем этим финансовым менеджментом, ведь многие его друзья поручают это профессионалам, но он нет, вы знаете, все, что у нас есть, мы заработали сами. Мы не очень богаты, но мы никого не обокрали, и потом, это мне нравится, некоторое время это отнимает, но я занимаюсь этим в своем темпе, здесь мне спокойно и никого не слышно. Но вам, конечно, ничто не покажется ни нелепым, ни невероятным, вы будете с доброжелательной невозмутимостью слушать этого человека, которого вы собираетесь — вот почему вы здесь — незаметно соблазнить. Люди часто думают, что если ты работаешь в индустрии роскоши, то ты купаешься в деньгах. Мы нормально зарабатываем, это верно, однако в моей сфере рынок остается очень узким. Если бы речь шла лишь о финансовых условиях, если бы мы не любили свое дело, бросили бы все. Но видите ли, когда выпускаешь такую модель, как эта, — он встанет и без спешки подойдет к отде-

лению шкафа, в котором под неброским светом будет выставлен один мокасин. Он возьмет его и принесет, чтобы вы посмотрели на него вблизи, будет вертеть его во все стороны, — когда выпускаешь такую модель, как эта, ты не можешь не гордиться собой.

Перед вам предстанет элегантно сшитая черная туфля простого кроя. Посмотрите, тут кожа исключительной толщины и большой светопроницаемости. У нас не так много конкурентов, которым удается добиться такого качества. Они из Италии. Кожа французского теленка, обработанная уже там. Давайте, потрогайте. Вы потрогаете. Вам понравится особенная нежность кожи французского теленка. Какая радость работать с Италией. Там совсем другое понимание материала. Обожаю эту страну. Я часто там бываю по работе. Но и ради удовольствия тоже. Амальфитанское побережье. Это что-то потрясающее. Я хотел бы купить дом на берегу моря недалеко от Позитано. Охраняемая зона. Такой семейный дом, в нем всем были бы рады. Каждый мог бы приехать в любое время. Все было бы открыто, очень свободно и *без сложностей,* и вы в этот момент подумаете о том, что в его устах значит «без сложностей», какие у него бывают

сложности, скажите мне, какие у вас сложности, и я скажу, кто вы, можно было бы услышать от Льюи — пустой стакан приставлен к глазу, словно подзорная труба. Мужчина заговорит о том, сколько нужно накопить денег, чтобы купить дом его мечты, опишет его облицовку, размеры, ванные комнаты, сад, бассейн, вид из окна. И вы, вы тоже сможете приезжать, если захотите, потом, когда захотите. Правда. Он быстро положит руку на ваше предплечье, потому что будет уже поздний час. Вы представите себя там, в этом большом итальянском доме, вместе с ними. Чтобы искупаться, было бы достаточно спуститься по маленькой лестнице, ведущей прямо на пляж. Вы были бы спокойной и расслабленной, просто наслаждались бы жизнью, которая бы шла медленно и ровно.

Он нальет вам еще виски и предложит подробнее изучить цифры. Вы обнаружите, что металлический куб бежевого цвета, закрепленный посередине книжного шкафа, — это на самом деле мини-холодильник. Он бросит в ваш виски кубик льда. Вы чокнетесь стаканами, стараясь, чтобы получилось тихо, потому что будет уже поздний час и все уже лягут. Он покажет вам симуляционные модели, созданные для него

несколькими банками, обозначит прогнозы и средства, которые он хотел бы высвободить и которые — случится покупка дома в Италии или нет — позволят им чувствовать себя уверенно в отношении образования детей, а также пенсии, что было бы совсем неплохо, провозгласит он, глаза его будут лучиться радостью. Вы прокомментируете предложение о реструктуризации их ипотечного кредита. Это его воодушевит. Он достанет белую папку и выложит на столе несколько листов бумаги. Посмотрите, вот все цифры. Приняв это предложение, мы сможем снизить на пять процентов общую сумму нашего долга. Потом я могу все пересчитать, и он начнет это делать, я беру ежемесячный платеж, умножаю на количество месяцев, двести три, и его слова потекут сплошным потоком, вы увидите, как он берет один лист за другим, вводит цифры в таблицу на экране, вносит корректировки, удивляется, внезапно встает и идет проверять итог по другой папке, клянется завтра же позвонить в банк.

Возьмите бумаги в руки. Посчитайте. Вы заметите, что стоимость страховки слишком высокая и ее можно уменьшить. И, что еще важнее, сглаживание первых четырех уровней кредита излишне увеличивает подлежащие выплате

проценты. Вы возьмете у него калькулятор, и окажется, что отказ от выравнивания позволит сэкономить двенадцать процентов от общей суммы. Вы будете копировать его слова. Он с интересом будет следить за вашей работой. Вы перейдете к их портфелю активов и обратите его внимание на то, что его можно было бы диверсифицировать. Диверсифицировать и частично инвестировать в предприятия, подпадающие под действие закона Дюффинеля. Вы запустите в интернете поиск, чтобы показать ему текст закона Дюффинеля, который вы сами к этому дню должны будете выучить наизусть. Вы укажете на параграф №32, подпункт «б», в котором подробно излагаются возможности налогового вычета, и предложите ему простую программу, которую он рассчитает несколькими ударами указательного пальца по калькулятору.

Когда он обнаружит перспективы прибыли, он взглянет на вас с уважением и любовью, страхом и желанием, и, если так, это будет хорошо. Он возьмет вас за руку еще выше и в этот раз свою руку не отнимет, он снимет с вас кардиган, и, если так случится, это будет хорошо, позвольте ему снять с вас кардиган и в свою очередь снимите с него рубашку и ослабьте галстук, он

позволит вам это сделать, и это будет хорошо, но тут ему вдруг придет в голову мысль, что нужно сдвинуть стол, из черешни, подумаете вы, который окажется необычайно тяжелым, как это свойственно для мебели из массива, и вот, решив освободить немного пространства на полу, хотя вокруг будет полно места, он сдвинет стол на пятнадцать или двадцать сантиметров, не больше, и покроется потом, а его тело будет дрожать от перенапряжения, вы же будете ждать, сидя на стуле в полуобнаженном виде, и понемногу вы начнете замерзать в тяжелой атмосфере этой обособленной комнаты, он увидел вас и, вероятно, подумает, что бесполезно, невозможно и совершенно излишне пытаться сдвинуть стол дальше, и так сойдет, скажет он, потеряв терпение, и потянет вас на пол, и вам потребуется находчивость, чтобы соскользнуть на пол, не ударившись, он тоже окажется на полу рядом с вами, но упадет он гораздо более неуклюже, а его хватка при этом станет только крепче, обеими ноздрями он будет выдувать воздух, пахнущий виски и, крепко держа вас в руках, задвигает руками у вашего живота, а потом, по-настоящему так и не снимая вашу тунику, а лишь только приподняв ее над животом и раскрыв на груди,

он засунет член под ткань, приладится так, чтобы тот появлялся и исчезал, посмотрит, как он появляется и исчезает под вашей голубой туникой, с сосредоточенным видом, с каким обычно играют дети, а у вас от запаха виски закружится голова, и, повернув голову, вы заметите деталь, которая вас изумит: в округлых хромированных насадках на ножках стола будет видно искаженное отражение комнаты, растянутые ткани, цилиндрический книжный шкаф, желтые и коричневые размытые пятна.

Из прихожей к вам пробьется луч. Вы не сможете не подумать, что забыли выключить там свет. Вы рассердитесь на себя за то, что забыли это сделать и напрасно оставили освещенным дизайнерское кресло, и от этой простой мысли вам захочется плакать, и хорошо, эта мысль и запах виски, тяжелый и нескончаемый, который будет опускаться на вашу кожу и хромированные ножки стола из темного дерева, вызовут у вас накатывающую приливами тайную тошноту. Это черешня? — наконец спросите вы, нежно касаясь узловатой поверхности дерева над хромированными насадками. Красный кедр, прошепчет он, перекатываясь на пол рядом с вами и кладя изможденные руки себе на грудь. Вы отметите про

себя его бледное лицо и глубокое взволнованное дыхание. Вы испугаетесь, что сейчас потеряете его, настолько его лицо будет напряжено. Он из Канады, выдохнет он, из Канады, повторит он, и так много воздуха ударит вверх и так мало останется в груди, что вы не поймете, что он сказал. Друг, продолжит он упорствовать, один друг его мне, еще один выдох, посоветовал. Вы захотите попросить его прекратить разговаривать, перестать утомлять себя, восстановить дыхание, а он еще несколько долгих минут будет лежать так, положив одну руку на грудь, а вторую — ладонью вверх — на лоб, со спущенными до щиколоток штанами и вялым членом между ног, похожим на кровяную колбасу.

38.

Вы положите голову ему на плечо. Погладите отметину, которую оставил на ковре, защищая его от солнца, стол в своем прежнем положении. Это мохер, проговорит он, по-прежнему тяжело дыша, и вы будете желать только одного: чтобы он замолчал. Через несколько минут вы внезапно различите в окружающем воздухе необычайно слабое, но тем не менее вполне узнаваемое гудение мини-холодильника. Вы положите руку на его мокрый лоб. Он проведет указательным и большим пальцами в уголках глаз, чтобы убрать пот, который там соберется. Вы улыбнетесь. Он повернет к вам голову, и ваши губы приоткроются.

Он продолжит изучать потолок, положив руку на лоб, и понемногу его дыхание выровняется. Погладьте торс мужчины. Поговорите с ним, со всей деликатностью вызовите его на откровенный разговор. Он скажет вам, что его жена ничего не должна узнать. Он скажет вам, что ему с вами хорошо. Он скажет это так, как будто у него в горле застрял камень и он пытается от него избавиться.

Ответьте ему все, что хотите. Успокойте его. Быть может, по его вискам потекут слезы. Поцелуйте его. Скажите ему, что вы хотели бы, чтобы это мгновение никогда не заканчивалось, такую фразу — с бьющимся сердцем и ослепленная чувствами — могла бы произнести Лесли Джонс, и он ответит с неуместным пафосом, что он тоже хотел бы, чтобы это длилось вечно. Он покажется вам чрезвычайно симпатичным. Льюи бы это раздражило: все симпатичные, Льюис, каждый мужчина, каждая женщина, любой человек покажется симпатичным, стоит только решить обратить на него немножко внимания, погладить его по вискам, начать его ценить, посмотреть на него по-настоящему, в духе Льюи было бы на этом настаивать, а немного позже признать, что все это в теории, конечно, в теории, но от своего мнения по сути не отступиться.

39.

Вы встанете. Мужчина оденется. Попробует поставить на место стол, толкая его изо всех сил. Вы поможете, потянув за другой край. Наконец коричневая глыба качнется и, двигаясь сантиметр за сантиметром, закончит свой путь рядом с четырьмя светлыми кругами своего обычного положения. Он вытрет лоб.

Он сделает вид, что собирает рассыпанные бумаги. Скажет: если хотите, можете пойти со мной на встречу в банк. Вы согласитесь. Отлично, отлично, скажет он. И добавит: что ж, пойдемте, только тихо. Вы заметите, что дверь мини-холодильника все еще открыта, и прикроете ее. Ваше внимание в книжном шкафу перед вами привлечет книга «Обработка кожи. Основы дизайна». Ее серебристая обложка заставит подумать о будущем.

40.

На следующий день после проведенного с ним вечера, — а с момента вашего появления у них пройдет уже несколько недель, — вы вернетесь полистать эту книгу, замеченную у него в шкафу. Вы сядете в кресло, стоящее прямо у окна, в глубине комнаты. Начнете переворачивать страницы. Прикрытые жалюзи будут скрывать вас от взглядов с улицы, от соседа, от июньского солнца. Вы можете повеселиться, добавляя карандашом штрихи к геометрическим иллюстрациям. Ваши глаза будут завороженно следить за пунктирными стрелками, проходящими через страницы и объясняющими различные части ботинка-ришелье, полусапожка, дерби, представленных в кавалерийской перспективе и с безупречными подписями.

Рисунок 2. Медальон (деталь).
Рисунок 8. Норвежский шов: каблук.
Рисунок 15. Верх обуви (вишневая кожа).

Тыльной стороной ладони вы погладите подлокотник кресла. Раздвиньте жалюзи кончиками

пальцев. Сосед будет чинить мотоцикл, стоя перед ним на коленях. Улица будет пуста. Вы поставите книгу обратно на полку. Поправите мокасин, поставленный накануне в свое отделение слегка под углом. Откроете белую папку. Проверите ваши расчеты стоимости страховки. Потом отправитесь в гостиную. На кухню. Вы включите радио, стоящее на рабочей поверхности. Рассеянно выслушаете прогноз погоды, новости о колебаниях на бирже, репортаж о новых средствах передвижения. Выключите радио. Приготовите что-то: кусочек бекона, овощи на сковороде, но есть не станете. Ваш обед будет остывать до начала второй половины дня. Потом вы бросите его в помойное ведро. Вы завяжете пакет. Выйдете на улицу, чтобы выбросить пакет в мусорный бак и вывезти его на улицу. Сосед спросит: уже вывозите бак? Добавит: но мусор забирают по вторникам, тут он икнет, руки у него будут черные. Вы завезете бак обратно на участок. Аккуратно закроете входную дверь. Выльете еще немного воды на порог прихожей. Увидите, что половицы слегка расходятся, что дерево заметно разбухло. Балансируя на одной ноге, вы согнете колени, чтобы проверить новую упругость пола.

Вы польете фикус. Рухнете на диван. На тумбе

с телевизором заметите африканские статуэтки: женщину с тазом на голове, сидящего на корточках старика и чуть дальше — верблюда с потухшим взглядом. Вы представите себе, что эта женщина с тазом спрашивает себя, как ей перешагнуть через пульт, лежащий перед ней, и при этом не опрокинуть свой таз, заполненный доверху, если пульт больше ее в три или четыре раза. Перед ней старик будет опираться на копье, древко которого он крепко обхватит ладонью. Тени верблюда и двух фигур будут крутиться вокруг них.

Жара в саванне достигнет предела, но тут вы подскочите, услышав, как у вас зазвонил телефон. На экране высветится имя мужчины. Звонки прекратятся, но тут же возобновятся. Вы ответите. Услышите его глухой голос: это вы? Вы подтвердите. Он продолжит: я тут хотел. Он начнет подбирать слова, и ему придут в голову все эти бесполезные обороты: в связи с тем, о чем мы говорили вчера, на слове «вчера» его голос стане еще глуше, в связи с финансовым балансом, реструктуризацией ипотечного кредита, как мы сказали, я предложил вам меня сопроводить, пойти со мной, но это только, если вы хотите, я вас, конечно же, не заставляю, но если вы не

против, поскольку вы все рассчитали, я недавно позвонил и договорился о встрече, это рядом, может быть, мы могли бы рассказать им о вашей идее насчет выравнивания и инвестиций, если вам сейчас удобно.

Сидя на ковре, вы погладите морду верблюда и наклоните голову, чтобы лучше его разглядеть. Вы просто скажете, что согласны. В трубке раздастся вздох облегчения. Слушайте, встреча через час, в половину четвертого, вам нормально? Можем встретиться перед банком за пять минут до нее. Вы сделаете вдох. Я согласна. Тогда до скорого. Да, до скорого. Он повесит трубку. Вы еще несколько мгновений проведете на ковре. У африканского зверя под вашим пальцем будет безутешный взгляд того, кто уже давно ходит по пустыне, но остается на месте.

41.

Он опоздает на несколько минут. Вы увидите издалека, как джип приближается и останавливается рядом с банком. Он выйдет из машины, одетый как обычно: темно-синий костюм, белая рубашка, темного цвета галстук. Он встанет перед вами, не зная, как с вами поздороваться, посмотрит вокруг и скажет, привет, как вы? Легко добрались? Да, вы доберетесь легко, вам всего-то придется пройти четыреста метров, чтобы оказаться в восточной части района, где находится банк. Впечатляет, нет? — бросит он, охваченный бьющей через край гордостью. Вы повернетесь, чтобы рассмотреть четырехэтажное здание, покрытое тусклой мозаикой с изящно инкрустированной на фронтоне надписью: «Бани». Он будет держать руки в карманах и выглядеть обманчиво расслабленным. Когда-то здесь были бани. Здание 1910 года. Он будет рад обладать этой информацией и поделиться ею с вами, вы почувствуете, что он планировал ухватиться за это, и, действительно, он спланирует ухватиться за это, за эту надпись, которая уже послужила

ему для его друзей, семьи, воскресным дядям, тетушкам, оказавшимся здесь проездом, знакомая территория, в общем. Это единственное историческое здание, сохранившееся здесь. Реставрация длилась пять лет. Стоила несколько миллионов. Это было что-то невозможное! Везде стояла пыль. Красиво, нет? Они разместили здесь банк, который раньше находился с другой стороны парка. Теперь это в некотором роде достопримечательность. Мне очень нравится. А вам?

Вы будете смотреть на этот фасад, склонившийся над вами как старая мать. Да, красиво, ответите вы. Он подождет некоторое время, необходимое, по его мнению, для разглядывания такого творения, и продолжит слегка прерывающимся голосом: ну что, пойдем? Вы испуганно подумаете, что неспособны решить, нравится ли вам это здание, и даже не знаете, что это значит, когда что-то «нравится».

В тот момент, когда вы будете проходить в автоматическую дверь, он сделает этот жест — положит руку вам сзади на плечо или немного ближе к середине спины, между лопатками, чтобы вас поддержать, подтолкнуть, коснуться вас снова, — и холод пробежит по позвоночнику. Нарочитость его движений будет скрывать за-

черствевшее желание, обломок, что-то вроде слоя пыли на книгах его книжного шкафа, и, если так, то хорошо. Во внезапной прохладе зала он обгонит вас, подойдет к администратору и объяснит ей, что у вас назначена встреча. Его слова разнесутся по этому высокому помещению со стенами из толстого камня, с мраморной напольной плиткой, украшенной геометрическими узорами. Повсюду рекламные щиты будут расхваливать банковские продукты и телефонные тарифы. В нескольких метрах над вами пересекутся две стрелки свода, они будут освещены рассеянным светом, проходящим через два проделанных в кровле проема.

Появившаяся из бокового хода, ведущего, как вам покажется, в крипту, молодая женщина в обтягивающей юбке и пышной рубашке подойдет пожать вам руку. Она представится и укажет, прошу вас, на узкий проход, откуда она только что вышла. Вы доберетесь до подножия лестницы, которая приведет вас по спирали прямо к ней в кабинет — по каменной галерее, ритм которой будут задавать плакаты, прикрепленные прямо к неровным стенам с помощью целой системы веревочек, на плакатах будут изображены расслабленные улыбающиеся лица, полные

человечности, словно ободряющие вас и призывающие продолжать свой путь.

Живи сегодняшним днем
Проси у нас луну

Поддайтесь свободе
Начинаем с главного

Закрыв за вами дверь, молодая женщина предложит вам сесть и спрячет ноги под длинную столешницу, опирающуюся одной стороной на массивный камень, а другой — на две металлические ножки. Широкое окно будет выходить на крыши домов.

Если вам холодно, скажите мне, здесь свежо, предупредит она и возьмет пульт от внушительного кондиционера, висящего над окном за вашей спиной, и направит поток воздуха в потолок.

Она с любопытством посмотрит на вас. Вы у нас раньше не бывали? Вы покачаете головой. Тут необычно, не правда ли? Потом мужчине: вы рассказали ей, что раньше здесь были бани? Он ответит утвердительно. Она продолжит, здание признано памятником истории. Сейчас это в некотором роде местная достопримечательность. Здание открыто для туристов, вы видели, что

внизу, на ресепшен, можно купить сюда билет? С другой стороны есть часть «общественных бань», куда люди правда приходили помыться, те, у кого дома не было воды или санитарных приборов. В начале прошлого века такое часто встречалось. Но здесь мылись и позднее, даже еще несколько лет назад, перед тем как здание было отреставрировано. Нищие, путешественники. Тут был даже Джек Керуак. Он принял тут душ.

Пока она будет говорить, он достанет картонную папку и станет раскладывать на столе перед вами распечатанные таблицы. Она положит руку на свою мышку. Так, подождите, остановит она его, я сейчас открою ваше досье. Да. Так. Было ли у вас время обдумать наше предложение?

Он повернется к вам и скажет, да, мы все обдумали. Начнем с того, что стоимость страховки нам кажется завышенной. Она проверит цифры на экране и объявит, что она не может предложить ничего лучше, что это уже отличные условия. Однако тут, у них, страховка дешевле, заметите вы, показывая предложения другого банка. Она изучит информацию на листке, а потом скажет, что она не может снизить стоимость до такого уровня, что у нее почти нет маржи, нет, правда, это невозможно.

Вы выждете паузу. Она оближет губы. Какое ваше лучшее предложение? — зададите вы новый вопрос. Она достанет калькулятор, можно уменьшить на два процента, не больше. Но мне еще потребуется одобрение начальства. В таком случае вам нужно будет, подскажете вы ей спокойно, постараться что-то сделать с процентной ставкой. Она ответит, что и с ней тоже, к сожалению, ничего сделать нельзя, она уже ниже некуда. Вы должны будете не сводить с нее взгляда, смотреть без какого-то особенного выражения, просто прямо на нее. Пока она не схватит телефонную трубку, алло, Жан-Люк, алло, Режис, у меня тут просьба о пересмотре условий. Она назовет цифру за цифрой номер вашего досье. На том конце провода Жан-Люк или Режис возьмется изучать цифры, и она спросит его о страховке, грызя при этом, скорее всего, один ноготь, а потом примется рисовать в своем блокноте. Сначала изогнутую линию, потом другую и внезапно два довольно чудовищных глаза и над ними брови, которые она еще и обведет, чтобы они были погуще. А что насчет процентной ставки? — спросит она у Жан-Люка или Режиса. Это же минимум, нет?

В блокноте появятся три цифры: одна единица, одна двойка и один ноль, который она превратит

в открытый рот, украсив его острыми зубами и усами, и этот рот вскоре соберется проглотить что-то похожее на еще одно чудовище. Быстрыми движениями карандаша она нарисует обоим чудовищам огромные животы, а соединяя штрихи между собой, добьется того, что на этих животах появится свежая и густая шерсть.

Она повесит трубку. Учитывая стоимость ваших активов, объявит она, и доверие, которое вы нам оказываете, мы можем предложить вам снизить стоимость страховки на пятнадцать процентов, а процентную ставку до 1,20. Устроит ли вас это? Он повернется к вам с торжествующим видом, неплохо, да? — немного рисуясь, как Джеки Кеннеди в «Линкольне», который вез их, ее и ее мужа, по Элм-стрит в Далласе 22 ноября 1963 года. Пока во все стороны не полетели кусочки мозга — как нам часто приходилось слышать от Льюи.

Мужчина попросит внести изменения в предложение банка, молодая женщина кивнет, приблизит глаза к экрану и начнет сосредоточенно щелкать мышкой. Из принтера, стоящего неподалеку, выйдет лист бумаги. Она потянется, чтобы его взять, мельком проверит цифры и вручит ему.

Дальше все пойдет очень быстро. Вы попро-

сите ее пересмотреть выравнивание кредита. Вам придется подробно объяснить ей, что вы хотите. Она сделает это, удивится, как сильно уменьшится итоговая сумма, еще раз распечатает предложение, и наконец вы скажете ей, что хотели бы взять на себя управление портфелем активов: нынешний пакет не оптимален, подчеркнете вы, и, вставая, заговорите с ней о законе Дюффинеля, о котором ей почти ничего не будет известно. Вы упомянете параграф №32, подпункт «б», и пусть она не волнуется, вы сами дадите все поручения онлайн, она скажет, очень хорошо, отодвинет блокнот и тоже встанет, а вы не сможете оторвать взгляда от двух нарисованных ею чудовищ — они оба лежат, и один наполовину торчит из пасти другого, — и примете за какой-то знак, попытаетесь понять, знак чего, какого поражения или какой победы, но не поймете, увидите лишь плоскую наружность этих чудовищ слегка пасторального вида, пожирающих друг друга среди диких трав.

42.

Вы вернетесь вдвоем к машине, сначала он, потом вы, и вам покажется странным, что ваше тело находится в тесном салоне так близко к его телу. Это будет похоже на действие магнитного поля: когда его рука потянется к рычагу переключения передач, вы словно почувствуете в бедре легкое пощипывание. Он будет выглядеть счастливым. Поблагодарит вас. Выразит свою радость: какая экономия, это позволит спокойно жить, путешествовать и вложить деньги в итальянский дом и в образование детей, а они настоящие бойцы и далеко пойдут. Он остановится у школы.

Вы подождете Елену в машине. Двигатель он не выключит. Снова вас поблагодарит. Вы испугаетесь, что он сейчас наклонится к вам и поцелует, как Хуан Габриэль поцеловал Лесли в первый раз. Наконец покажется Елена. Она заберется на заднее сиденье и удивится, увидев вас вместе с ним. Как дела, зайка? — спросит он, повернувшись к ней, радостный сверх всякой меры, и вдруг испытает шок. Это еще что такое? Палец указывает на сиденье. Елена, что ты сделала? Палец указывает

на заднее сиденье, на центральное место, где, рядом с его перепуганной дочерью, видны следы, оставленные вами вечером, когда вы ходили в ресторан, следы, которые образуют символ, найденный Страндом для нас на вывеске клуба.

Елена посмотрит на него, не понимая. Папа недоволен. Он покраснеет, станет изо всех сил тереть сиденье. Он выйдет из себя, не может быть, не может быть, это же настоящая кожа, смочит палец и проведет им по настоящей коже, ну все, сиденье испорчено, совершенно испорчено, ты будешь наказана, Елена, ты поступила очень плохо, указательный палец будет направлен прямо на нее, и его реакция покажется вам чрезмерной, вам захочется вмешаться, но это последнее, что надо будет делать, вы должны будете сохранять спокойствие и играть свою роль во время всей этой поездки, которая только уве-

личит разрушение, разобщение — такова была теория Льюи, — перед вами словно новый пейзаж, к которому нужно постепенно привыкать, словно уверенность, что пути назад отныне нет, придется теперь менять все сиденье, прорычит мужчина, и вены вздуются у него на шее, а потом он повернется и резко нажмет на газ, продолжая ворчать в бороду, его зубы и руки будут крепко сжаты. Вы подождете, когда это закончится. Это закончится. Сзади будет тихо всхлипывать Елена.

Когда машина подъедет к дому, вы выйдете первой, вам будет нужен воздух. Он поравняется с вами на дорожке, и сосед окликнет его. Они немного поговорят о мотоцикле. Вы поймете, что главное сделано, но зазоры клапанов увеличены и надо менять шайбы. Вы пойдете дальше, он попрощается с соседом, догонит вас, задержит или только захочет это сделать, попробует заговорить с вами, стоя перед вами как кусок замороженных слов, готовых растаять, он будет смотреть с беспокойством, ожидая, что прояснится нечто его превосходящее, что имеет отношение к вашему присутствию в их доме, которое лишает его воздуха и утешает, и вам покажется, что он ищет какие-то слова — о нужности которых он никогда

не задумывался, — или какие-то действия, или отсутствие действий. Сосед уже снова склонится над своим мотоциклом. Елена рядом с вами будет шмыгать носом. Он так и продолжит молча стоять, глядя вам прямо в глаза. Вы скажете ему, что вам надо заняться Еленой. Он четко произнесет: хорошо, я постараюсь немного поработать, словно желая оправдаться, показать вам, что и он тоже способен на что-то. Он толкнет входную дверь. Та словно тихонько зарычит. Он обернется. Прикроет дверь, глядя вниз, и озадаченно обронит, что дверь задевает пол.

43.

Позднее, уже когда вы утешите Елену и она ляжет спать, вы переоденетесь, пойдете вниз и увидите их перед входной дверью. Мужчину и женщину. Он откроет дверь. Видишь, тут проблема. Она закроет дверь. Может быть, это от жары. Откроет дверь. Посмотри, как нужно сильно дергать. Как будто дверь плохо подогнана. Или дело в паркете, видишь, вот тут задевает, как будто он вздулся. Вы подойдете к ним. Посмотрите, тут какая-то проблема с дверью. Он опустится на колени, чтобы рассмотреть порог вблизи, потрогает его, понюхает, потом так подожмет губы, что станет понятно: он не смог понять, в чем дело. Она попробует снова открыть дверь, дернет ее, и тут — у него не будет времени подняться — дверь рванет и ударит его по темени. Он завопит, да что ты делаешь, ты в своем уме? Ты что, не видишь, что я здесь? Она извинится, я не думала, что она так резко откроется, покажи, ну покажи мне, наконец. По-прежнему сидя на полу, он выругается. На голове у него начнет быстро набухать шишка, которая, как и изгиб паркета внизу, будет

напоминать невысокий холм. Вы рассмотрите петли. Может быть, это петли, предположите вы, может, петли ослабли. Они захотят проверить вашу гипотезу. Он встанет и потрогает косяк. Долго не будет убирать руку. Она предложит вызвать эксперта из страховой компании. Он скажет: мне пора, Венсан будет меня ждать. Она спросит, не хочет ли он вместо этого немного отдохнуть. Он наклонится, чтобы взглянуть на кухонные часы, осторожно потрогает свой лоб и, направившись в сторону ванной, ответит, что нет, что он пойдет играть в сквош, и тогда вы вместе с ней займете свои места в гостиной. Она достанет пледы.

Вы услышите, как потечет вода. Женщина передаст вам оранжевый плед. Признается вам, что у нее какое-то странное чувство. В ванной будет тихо течь вода. Странно, а что такое? — спросите вы. Не знаю, а вы услышите, как он моет лицо, дети, они, не знаю, держатся на расстоянии, даже Бертран все время какой-то рассеянный. Потом у нас проблемы на работе, сейчас не самый хороший период. Вода наконец перестанет течь. Вы дотронетесь до ее плеча, может быть, не плеча, но по крайней мере локтя, физический контакт придаст ей сил, успокоит ее. Она легко вам улыбнется. Он появится на заднем плане — лицо

красное и влажные волосы, голые колени под светлыми шортами, носки и кроссовки, в сумке ракетка для сквоша. Он скажет, я пошел или до скорого. Все в порядке? — забеспокоится она, ты себя хорошо чувствуешь? Средне, признается он, стоя уже в центре прихожей. Мне нужно позаниматься спортом.

На какое-то мгновение она захочет попросить его остаться. Но потом просто скажет, не передашь Венсану, что они могут завтра принести десерт? Будет слышно, как он тянет на себя дверь и как та застревает, не поддается, освобождается, хлопает. Начнем? — скажет она, поворачиваясь к вам и взяв в руки пульт.

44.

Они в последний раз повидались с матерью. Вам потребуется несколько секунд, чтобы снова оказаться рядом с ними. Они там все трое, все три брата: Пепе, Джонно, Хуан Габриэль. Джонно воспользовался случаем, чтобы забрать старую «беретту», которая была спрятана в комнате Джесс, их младшей сестры. Мать обняла Хуана Габриэля. Их объятия длились долго. Хуан Габриэль из троих братьев был самый серьезный, у него была работа. И это давало надежду когда-нибудь выбраться отсюда. Оттуда, где они живут. Не какая-то лачуга, конечно, но все же довольно обветшалая квартира. Треснувший блендер и грязная посуда в раковине. В клубе даже после вечеринок не было так замызганно. Были бычки, оставленные Льюи, и пустые пивные бутылки, и ноги прилипали к полу, но все было совсем иначе. А потом вокруг шумел лес. И рядком стояли мотоциклы, обнадеживая нас. В общем, небо и земля, хотя это и не был идеальный комфорт. Комфорт — это наш главный враг, говорил Битц. Льюи и Странд были с этим согласны.

Сидя под оранжевым пледом на диване их спокойного дома, вы подумаете, что заслужили этот отдых, в конце концов, вечера, которые вы проводите по четвергам в компании матери Елены, — это ваш заслуженный отдых, момент, когда вы можете расслабиться, позволить себе любить ее и героев этого сериала, увлечься ими, посокрушаться, что они поймали Хуана Габриэля, единственного, кто вам по-настоящему нравится, кто мог бы всех их вытащить отсюда, не то что Пепе и Джонно, которые тянут семью вниз — эти двое уже давно сбились с правильного пути: их жизни разрушили друзья, слишком испорченные, чтобы найти себе честное занятие.

Они втроем стоят перед матерью. Они все ей рассказали про Джорджо — мужчину, которого они убили в той квартире. Она поняла, она же мать, или не поняла, что сводится к тому же. Больше всего ее расстраивает, что в эту историю замешан Хуан Габриэль и что ему грозит тюрьма. Проснулась Джесс, она стоит в ночной рубашке посередине кухни. Братья окружают ее.

– Nos vamos por un tiempito, Jessie. You'll be nice?

Мы ненадолго уедем, Джесси. Ты бу-

дешь умницей?

У вас возникнет ощущение, что так было суждено: с самого начала, с того дня, когда они родились, с того дня, когда родилась их мать — как и в случае с божественными проклятиями, которые передаются из поколения в поколение, — все вело их к этому моменту, к совершенному им убийству, этому бегству и ожидающему их изгнанию. Они целуют малышку, и вот они в последний раз оказываются в коридоре здания. Дверь за ними закрывается.

Спустя несколько сцен мы оказываемся в машине, которая быстро мчится в сторону Арканзаса. Все три брата настроены очень серьезно и молчат. Хуан Габриэль сидит сзади. Он одет в полосатую рубашку, которую Пепе нашел для него на полках заправочной станции. Хуан Габриэль по-прежнему чувствует на своих губах вкус губ Лесли и своей прежней жизни.

45.

На следующий день, возвращаясь с Еленой домой из школы, вы увидите, что входная дверь распахнута, а мать Елены сидит на кухне. Она с удрученным видом сообщит вам, что дверь больше не закрывается. Вы пойдете с ней посмотреть. Попробуете потянуть за ручку. Сосед будет наблюдать, как вы это делаете. Больше не закрывается, констатирует он. Да, у нас с ней некоторые сложности, заставит она себя ответить. Он перешагнет через ограду. Окажется рядом с вами, и вы почувствуете идущий от него запах мотоцикла. Он вытрет руки о джинсы. В самом центре его серой футболки Дятел Вуди будет задирать нос, сидя за рулем сверкающего «Харлей-Дэвидсона». Он скажет, встаньте с другой стороны и толкайте. А я буду тянуть. Он снимет бейсболку и проведет рукой по лбу. Ну что, готовы? Один, два. Три. Всем своим высоким и массивным телом он начнет тянуть, схватившись за ручку двери и упираясь кроссовками в плиту дорожки, а вы, с другой стороны, вы будете толкать, прижавшись друг к другу и к двери, так что ваши плечи от давления

даже чуть-чуть поменяют форму, и в этом усилии ничто — никакие расчеты, никакие чувства, — не будет иметь значения, кроме пары плеч, которые будут давить, и вашего учащенного дыхания. Верхняя часть двери уже начнет сдвигаться, но нижнюю еще будет крепко держать паркет. Сосед призовет вас приложить все ваши силы. Он покраснеет. Дверь изогнется еще немножко и в конце концов хлопнет так, что сотрясутся стены. Ну ничего себе, получилось, с удовлетворением отметит сосед, поднимаясь на ноги. Женщина поблагодарит его через дверь, и он с другой стороны ответит: не за что. После этого не будет ясно, ушел ли он обратно к себе. Наконец вы услышите, как он говорит: ладно, я, наверно, пойду, оставляю вас. Он двинется прочь и перешагнет через ограду в обратном направлении. Поглядит на свой ремонт и тогда скажет, ну что же, а потом: наверное, с баком можно подождать и до завтра.

46.

Сядьте вместе с женщиной на кухне. Вы будете обе еле переводить дыхание. Она покажется вам расстроенной. Возьмите ее руки в свои. Предложите ей воды, если почувствуете, что это необходимо. Она примет ее с благодарностью. Оцените ее состояние. Если в этот момент вам покажется, что она все еще слишком владеет собой, слишком уверена в себе и недостаточно потрясена изменениями, которые затронули ее за последние несколько недель, вам будет нужно ей помочь. Возьмите флакон, полученный в ресторане от официанта. Флакон Битца. Нам вспоминается Битц, упаковывающий свои флаконы в кухонной подсобке. Вы не видели ни клуба, ни этого человека, который был для нас так важен. Битц, наш общий врач. Он умел дать нужное восстанавливающее лекарство каждому, кто начинал сдаваться. Проводил дни в лесу и предпочитал остановиться под деревом, чем возвращаться слишком быстро. Если вы поговорите о нем с некоторыми из нас, вы увидите, что все вспомнят, как он отъезжал в сторону, позволял

себя обогнать, ехал тихим ходом по второстепенным дорогам и в конце концов ставил свой мотоцикл под деревом.

Гонки для Битца значили довольно мало. Он повторял всем, кто готов был его услышать, что ему наплевать на то, что он приезжает последним. Что он лишен спортивного азарта. Битц был забавным. Да, Битц был чертовски забавным. Говоря про лес, он всегда называл его «наш друг». Странд находил это смехотворным. Вот что мне сегодня дал наш друг, говорил Битц, вываливая перед нами то, что собрал за день. Потом он развил свою технику: нарезать, принять внутрь, записать наблюдения. Сколько раз мы находили Битца лежащим на грани жизни и смерти на кафельном полу подсобки? Или на склоне позади клуба? Рядом с ним всегда были Люф и Трувиль, готовые запечатлеть его путаные слова. Битц утверждал, что качество микстуры оценивается обратно пропорционально связности его речи после ее приема.

Вы увидите, что порошок Битца неоднороден, что на дно стакана оседают крупные кусочки, когда вы пытаетесь смешать порошок с водой. Несколько наперстков достаточно, чтобы немного изменить зрение и слух и расслабить тело. Не

берите слишком много порошка.

Она выпьет. Вернет вам стакан. Ее руки мелко задрожат. Глаза завертятся в орбитах. Она поднимет их на часы и воскликнет, пять часов, боже мой, времени никакого нет, мне нужно пойти по магазинам, Мани придут через два часа. Она выпалит это, не пошевелив даже пальцем, словно ее тело отказалось от любого вида движения. Предложите ей свою помощь. Скажите, что отведете ее в лавку.

Уже там — это будет третий магазинчик, если идти по бульвару влево, — вы будете осматривать полки, толкать тележку, а она повиснет на вашей руке. Я планировала сделать баранью ногу, но я не взяла с собой рецепта, прошепчет она. Вы думаете, сделать баранью ногу — это хорошая мысль? Вы же поужинаете сегодня с нами, правда? Вам будет нужно ее успокоить. Будет нужно сказать, что все хорошо. Вы знаете рецепт. Вы возьмете ужин на себя. Она ухватится за вас еще сильнее. Вы сложите ингредиенты в тележку. Оказавшись перед замороженными продуктами, вы наткнетесь на одну из соседок, которую она вяло поприветствует. А потом в ужасе повернется к вам. Я не очень хорошо себя чувствую, признается она. Вы скажете, что скоро вы будете дома, но

сначала надо закончить с покупками. Вокруг вас будут ходить перед полками несколько соседей, которых вы уже встречали в округе.

Вы подойдете к кассе. Поможете женщине достать из сумочки кошелек. Возьмете ее банковскую карточку. Спросите пин-код. Она прикроет рот ладонью и скажет его, смотря в сторону. Затем внезапно закричит: я его боюсь, показывая на мужчину, стоящего за вами в очереди. Это будет тот мужчина с черными волосами. В руках он будет держать упаковку яиц. Вам покажется, что он помолодел. На этом этапе — мы помним, как Порден, мастер прогнозов, это говорит, — мы все будем полны надежды. Мужчина с черными волосами сделает вид, что не узнал вас, и так будет правильно. Снова займитесь матерью Елены. Помогите ей убрать кошелек обратно в сумку. Кассирша будет наблюдать за вами с любопытством.

Смотря вам в глаза расширившимися зрачками, женщина повторит, что не очень хорошо себя чувствует. Вы вместе пойдете на выход. Что с ужином, внезапно воскликнет она, у нас есть все, что нужно? Не волнуйтесь, я возьму ужин на себя, повторите, ничего не добавляя. Она двинется за вами. Так, маленькими шажочками, вы поки-

нете магазин под бдительным оком охранника, торчащего за своей стойкой, рядом с камерами хранения.

Снаружи вы найдете все таким же, каким оставили несколько минут назад: и улицу, и ложное спокойствие, и машины, едущие одна за другой, и коляски, и соседей, стригущих газон.

47.

Вы приготовите ужин. Мать Елены вы отведете в гостиную. Нальете ей мартини. Из кухни вам будет удобно наблюдать за ней, за тем, как она, сидя на диване, теребит руками свой бокал. Вы увидите, как она потихоньку приходит в себя. Она смочит губы в бокале, спросит, чем вам можно помочь. Вы заверите ее, что все под контролем.

Вы достанете спаржу, нарежете куски мяса. Чтобы сделать соус, вы возьмете большую кастрюлю соуса и потушите в масле нарезанный кусочками лук-шалот, а потом добавите туда телячий бульон. Немного посыпьте соус порошком Битца. Впрочем, не бойтесь увеличить дозу.

Домой вернется мужчина, увидит ее в гостиной с бокалом мартини и спросит, все ли в порядке. Не произнося в ответ ни слова, она встанет и направится в ванную. Он зайдет к вам на кухню и слегка обеспокоенно примется вас расспрашивать. Вы его успокоите. Вам покажется, что его взгляд не такой уверенный, как раньше.

48.

В семь часов в дверь позвонят Венсан Мань с женой. Ее заклинило, с вынужденным смехом скажет мужчина. Заходите через гараж. Что? — хором скажут супруги Мань. Через гараж, закричит он перед закрытой дверью, слегка наклонив голову. Подождет. Вы все еще тут? — заорет он. Что? — завопят супруги Мань. Тогда он уйдет вправо и скроется за дверью, ведущей в гараж. Через несколько мгновений он вернется с гостями. Мы и сами не знаем, паркет вспучился, посмотрите. Супруги Мань посмотрят, и Венсан Мань нахмурится, да, действительно, паркет весь искривился. Он опустится и тыльной стороной ладони постучит по полу, но никакого однозначного вывода не сделает. Может, это от жары. Мужчина объяснит, что они и сами не знают, что они позвонили в страховую компанию и что через три дня должен прийти эксперт из страховой. А у нас что-то с бойлером, признается Венсан Мань. Плохо работает. К нам придут его менять.

49.

Женщина выйдет из ванной с бокалом мартини и воскликнет, Марин, поцелует в обе щеки Марин Мань, медоточиво протянет, Венсан, и расцелует Венсана Маня. Она успеет поправить себе прическу и накраситься: тональный крем и подводка для глаз. Супруги Мань пожмут вам руку, мужчина кратко представит вас и объяснит, что вы сегодня были так любезны, что приготовили ужин. Все рассядутся, чтобы выпить аперитив. У Венсана Маня будет хорошее настроение. Он пошутит. Все опустошат стаканы. Мать Елены улыбнется немножко не вовремя. Наступит время ужина.

50.

Вы пойдете за Еленой. Ее родители считают важным, чтобы дети ели вместе со взрослыми. Супруги Мань скажут, что Елена выросла. Женщина спросит вас, воспользовались ли вы возможностью позвать Шарля. Вы покачаете головой. Она скажет вам оставаться на месте. Встанет из-за стола. Вы услышите, как она зовет сына, стоя на лестнице.

Она вернется на свое место, и через несколько минут появится Шарль. Он посмотрит на приготовленный для него стул. Его отец будет в этот момент накладывать еду Марин Мань. Шарль спросит, мама — и по голосу будет слышно, что он уже приготовился к отказу, — я могу поесть у себя? Она ответит ему суховатым «нет», ты ешь с нами, давай, садись, все тебя ждут. Он насупится. И можешь поздороваться с Марин и Венсаном. Быстро оценив по глазам матери вероятность ссоры, он наконец едва слышно пробормочет: здравствуйте. Она попросит повторить. Он зло на нее взглянет и пойдет к Марин Мань, чтобы ее поцеловать, и к Венсану Маню, чтобы пожать

ему руку. Потом снова повернется к матери. Мама, пожалуйста. Ох, ладно, давай, бери тарелку и уходи, уступит она, махнув рукой, словно прогоняя надоедливую муху. Исходящий от него запах кожаного мяча проникнет между вами и его отцом, он возьмет тарелку, случайно задевая вас при этом, и вас, и отца, и наложит себе еды. Когда он выйдет из комнаты, один из супругов Мань спросит: сколько ему уже?

51.

Все примутся за еду. Запихнут в рот первые кусочки. И нахмурятся. Покачают головами. Спросят, что это. Вы ответите не сразу. Они будут неприятно удивлены. К такому сильному вкусу они непривычны. Вы скажете, оленина. Оленина, изумятся они. Да, мы к такому непривычны. Они станут хихикать, как будто их веселит мысль, что они сейчас и в самом деле едят оленину. Очень нежно, заметит мать Елены. Со спаржей и укропом идет очень хорошо, добавит Венсан Мань, слишком старательно пережевывая свой кусок. Оленина — это оригинально. Это необычно. Такое ощущение, словно есть такой… привкус земли. Это соус? А вы себе соуса не положили? Вы покачаете головой. Мужчина захочет узнать, где вы нашли оленину, и вы ответите, что в лавке, ого, удивится он, они там продают оленину? Желая поддразнить мать Елены, Венсан Мань спросит, не надоело ли ей готовить свою обычную баранину, она прекрасна, действительно прекрасна, мы с Марин говорили об этом, когда собирались к вам, мы ее правда обожаем и, если уж говорить

начистоту, собирались есть ее сегодня вечером. Она пожмет плечами. Вы увидите, как она крепко стиснет вилку и нож. Сожмет челюсти. Она повторит, что это вы сегодня готовили ужин. Скажет, еда превосходна, тоном, не допускающим никаких возражений. Посмотрит вам прямо в глаза и поблагодарит. Остальные подтвердят, да, это правда, еда превосходна.

Разговор перейдет на другую тему. На тему каменной отделки стен. Марин Мань первая воскликнет, мне так нравится ваша стена, — первая, потому что стена будет прямо перед ее глазами, — отделка камнем, это так красиво. Вы повернете голову. Посмотрите на стену и внезапно увидите небольшие серые каменные бруски, которые ее покрывают. Вам сделается нехорошо от мысли, что вы не замечали их раньше. Вам в голову снова придет Льюи и длинные рассуждения обо всем, что окружает нас и ежеминутно от нас ускользает. По словам Льюи, всему виной — наши модели мышления. Вы живете здесь уже несколько недель, уже несколько недель ваш взгляд падает на все вокруг, и однако вы еще никогда по-настоящему не замечали эту стену, а с ней и весь дом покажется вам незнакомым. Мне особенно нравится отделка камнем, когда ее

совмещают с современным дизайном, выскажет свое мнение Марин Мань, а ваши растерянные глаза примутся искать современный дизайн, но не обнаружат его нигде, ни у стульев, ни у овального стола, ни у четырех светильников у вас над головой, которые будут поливать вас, других людей, стол и стулья немного резким светом. Это как дерево с металлом, сочетается отлично, добавит муж Мань, расстегнувший верхнюю пуговицу рубашки, — его лицо уже приняло красноватый оттенок. А мужчина продолжит, да, у меня в кабинете как раз так, у этажерок каркас металлический, а полки деревянные, и, говоря откровенно, это выглядит отлично. А вы уже видели мой кабинет? В то самое мгновение, когда он произнесет эту фразу, он вспомнит, как был вместе с вами в этом кабинете, что именно он вспомнит, сказать трудно — может быть, как ваша голова лежит у него на плече, вы оба вспомните именно это: ваша голова лежит у него на плече, у него вид маленького мальчика, вы оба развалились на полу, в воздухе витает тяжелый запах его дыхания. Он начнет мелко дрожать, схватит стакан и выпьет залпом, потрет виски и больше не посмеет смотреть в вашу сторону. Вы встанете и пойдете в туалет. Вам будет нужно

собраться с силами и избавиться от этих ненужных волнений.

52.

Когда вы вернетесь и сядете за стол, они будут накладывать себе добавку. Под их зубами мясо с укропом превратится в кашеобразную зеленоватую массу. Больше никто не будет хмурить брови, ничего подобного, теперь мясо будет им нравиться, они будут в восторге, они будут чуть что смеяться и накладывать себе добавку. Вам покажется, что они теперь никогда не захотят остановиться. Они будут наполнять рот едой и вином. Будут говорить о вине, набирая полный рот вина и еды. Они повеселятся от души. Будут соскребать с блюда остатки мяса. Это было просто потрясающе, похвалит вас Венсан Мань между двумя фразами сбивчивого диалога о росте ВВП и сложностях бронирования площадок для игры в сквош.

Заговорит Марин Мань. Она упомянет школу пения. Мы недавно записали в нее Нико, объявит она. Она попросит каждого подтвердить, что это хорошая школа. И каждый согласится, да, это отличная школа, вы знаете, месье Ален был в свое время ведущим тенором, он много где пел,

в том числе в «Травиате», в Милане, да, думаю, замечательно, да, слышала об этом, это очень хорошо для детей, и недалеко к тому же, нет? Недалеко, нет, совсем недалеко, и это вы теперь отводите туда Елену? Вы улыбнетесь и кивнете, а мать Елены на другой стороне стола как будто начнет медленно приходить в чувство. Она обратится к своей дочери: Елена, спой для Марин ту песню, которую ты выучила в школе, да, точно, песню, подхватят супруги Мань, встань на свой стул, Елена, прикажет ей мать, стараясь всеми силами держаться прямо, Елена откажется, ее мать будет настаивать, сонно покачивая головой, как боксер, пропустивший сильный удар, с застывшим взглядом и отяжелевшими веками, давай, вставай.

В конце концов Елена заберется на свой стул. Твоя мама сказала, что ты очень хорошо поешь, подбодрит девочку Марин Мань, и вы увидите, как Елена отрицательно качает головой, смотрит на мать, а та снова просит ее спеть. Покажи Марин и Венсану, как ты хорошо поешь, Елена, давай, Елена захочет спуститься со стула, но мать станет ее удерживать, нет, нет, стой. Она выучила новую песню, называется *Whispering Light*, увидите, это очень красивая песня, о, *Whispering Light*,

начнет Марин Мань, но потом спохватится, ах нет, я перепутала, нервно засмеется, я все перепутала, давай, Елена, продолжит упорствовать мать Елены, а Венсан Мань захлопает в ладоши, песню, песню. Именно в этот момент вы решите взять Елену за подмышки и отнести наверх. Ей нет никакого смысла оставаться внизу этим вечером.

Уже в кровати она станет задавать вам вопросы об оленях. Она спросит, из того ли они леса, что и ежики. Вы скажете, да, они из того же леса и они проводят там ночь, не показываясь на глаза. Мы их ели? — слегка испуганно спросит она. Просто тихонько улыбнитесь. У вас впереди не так много времени.

53.

Спустившись вниз, вы еще из прихожей увидите, что Марин Мань стоит на стуле, подождите, сейчас я все вспомню, она нервно засмеется, как же там, протянет первую дрожащую ноту, нет, не так, мне кажется, что начинается ниже. Марин поет для нас песню, объяснят вам, ах нет, откликнется она, у меня ничего не получается, не давите на меня, и захихикает, обмахиваясь рукой с растопыренными пальцами, но свежести от этого никакой не будет, а только совершенно бесполезный поток воздуха, который эти пальцы словно будут гонять туда-сюда, и тут внезапно мужчина вскрикнет, десерт, я почти забыл про десерт, десерт, десерт, подхватит Венсан Мань, снова хлопая в ладоши, и вы отправитесь на кухню, сделав мужчине знак, что возьмете это на себя, потом достанете из холодильника принесенный супругами Мань десерт — клубничную шарлотку или абрикосовый пирог, что-то в таком духе, а мужчина пойдет за вами на кухню, вот к чему вам нужно приготовиться — к тому, что он заявится на кухню, неловко возьмет вас за руку, отчего

пирог чуть не упадет на пол, постарается что-то вам сказать, напрягая до невозможности красное лицо, на котором выступит височная артерия, будет теснить вас с нетерпеливой энергией, и вы испугаетесь, что вас услышат, он с нежностью произнесет ваше имя и приблизит свои безумные глаза к вашим глазам, он будет что-то говорить, но вы ничего не поймете из того, что он скажет, речь будет идти о чувстве, тревоге, привязанности, а еще, может быть, о страхе, но вы ничего не поймете. Вы попробуете отстраниться, но он, не отдавая себе в этом отчета, не желая этого, будет крепко держать вас за руку, его пальцы будут слишком сильно сжимать ваше предплечье, и вы станете вырываться. Тогда он осознает, что делает вам больно, попросит прощения, еще раз попросит прощения, произнесет ваше имя, чуть ли не начнет плакать и снова заговорит, поспешно и неотчетливо, о тайном свидании, любви и нерабочем понедельнике, скажет еще что-то, а потом наконец затихнет. Он захочет прижать вас к себе. Оттолкните его и понаблюдайте за ним. Он будет трепетать как кролик, которого держат на ладони. Это слова Льюи: кролики *трепещут*.

Вы подойдете к ящику со столовыми приборами и достанете из него пять ложек и нож. Разрежете

пирог. Вы будете стоять спиной к мужчине, так что можете посыпать сверху еще немножко порошка Битца. Когда вы это сделаете, вернитесь к остальным, пирог, пирог, обрадуется, увидев вас, Венсан Мань, и они наполнят свои тарелки, появится мужчина, у него будет мокрое лицо, и вы догадаетесь, что он его ополоснул, в руках у него будет бутылка, которую он покажет всем по очереди и скажет, *Asti spumante del Piemonte*, подчеркивая созвучие итальянских слов, и супруги Мань дружно зааплодируют, мы обожаем «Асти», он нальет всем вина и спросит у жены, почему она не ест десерт, ты обязана это сделать, дорогая, он великолепен, его принесли Марин и Венсан, тебе надо постараться, да что такое с этой песней, никак не могу вспомнить, продолжит упорствовать Марин Мань, тихо и неуверенно напевая ноты этой шаткой мелодии, ты можешь ее поставить, Бертран? Конечно, Марин, конечно, и он завозится с пультом, пойдет звук: струнный перебор и голос, поющий поп-песенку на английском языке, и все это произведет электризующее действие на Марин Мань, таншуем, таншуем, обратится она ко всем, во рту и в руках у нее будут абрикосы или клубника, и она уже начнет вилять бедрами, а Венсан Мань, смеясь до слез, станет

повторять, таншуем, таншуем, и возьмет жену за талию, в то время как мужчина пригласит вас танцевать, но вы не двинетесь с места, рядом будет мать Елены, она тоже останется за столом и будет глядеть в пространство, а в ее бокале будут бежать вверх пузырьки *Asti del Piemonte* — сама бутылка будет трястись в руках ее мужа, который попереминается перед вами с ноги на ногу, подойдет к вам и снова пригласит вас на танец, но вы снова ему откажете, ах, она не танцует, скажет про вас Венсан Мань, чьи растрепанные волосы будут слегка колыхаться при каждом движении головы в такт музыке, она не танцует, подхватит мужчина, но у нее есть другие достоинства, он осушит бокал, представь себе, она разбирается в финансовом менеджменте, в финансовом менеджменте? — да, она помогла мне провести переговоры с банком и благодаря ей мы получили ставку 1,20 по нашей ипотеке, 1,20? — завизжит Венсан Мань, на сколько? — на двенадцать лет, а следующая песня на диске будет спокойней и заволочет густой пеленой их головы, разгоряченные продукцией Битца, 1,20 на двенадцать лет, повторит Марин Мань и внезапно встанет на месте, лишь пошатываясь из стороны в сторону, как кегля в боулинге, с задумчивым взглядом,

словно она переделывает в голове таблицы амортизации, и потом придет к выводу, — это будет словно озарение, — что это просто суперставка, да, поддержит Венсан Мань, суперставка, снимаю перед ней шляпу, Себастьен нам с этими вопросами не поможет, но тут, конечно, как повезет, скажет он, меряя вас взглядом, никогда не знаешь, кто попадется, когда обращаешься в такие компании, как ваша. И пока он будет сокрушаться, вы вспомните то, что мы вам рассказывали: как Мезаль сидел в клубе у телефона и отвечал на вопросы звонящих семей, в то время как Гиг просто уписывался перед стойкой, да, Мезаль с его невозмутимым голосом идеально подходил для этой роли, он прижимал трубку нашего старого телефона ко рту и воплощал собой уверенность и профессионализм. Вы прошли какую-то специальную подготовку? — захочет узнать Венсан Мань, продолжая слегка покачиваться, у него будет багровое лицо, а из-под расстегнутой рубашки будет выглядывать нательная майка, и он, как вам покажется, соберет все остатки вежливости, чтобы поговорить с вами, и вы ответите, да, конечно, я проходила всякого рода специальную подготовку. Но это не важно, добавите вы. Как это не важно? — спросит Венсан Мань, а мужчина

сзади вас разгорячится не на шутку, она знает даже закон Дюффинеля, и это вызовет у Венсана Маня восторг, в то время как рядом с ним его жену начнет трясти все опаснее, а ее ноги будут упираться в пол, словно несъемные колышки от палатки, вы знаете закон Дюффинеля. Да, но это не важно, ответите вы. Как это? Ну конечно, закон Дюффинеля — это важно, заорет Венсан Мань, закон Дюффинеля — это архиважно. Нет, это не важно, повторите вы неожиданно серьезно, глядя на них по очереди, все, что вы считаете важным, таковым не является, и когда все рухнет, когда все, что вы знаете, исчезнет, вы поймете, что все это было не важно.

Ваши слова пробьют какую-то брешь в этом вечере, вызовут напряженную тишину, которую вскоре разорвет их дружный гогот, будет смеяться даже мать Елены, все еще сидящая на стуле, когда все рухнет, хорошая шутка, скажет Венсан Мань и, не в силах сдержаться, захохочет еще громче, хорошая шутка, механически повторит Марин Мань, и вдруг из нее вырвется полдецилитра густой зеленоватой массы, которая растечется по ее блузке, словно медленная лава, извергнутая больным вулканом, дорогая, Марин, но, салфетки, салфетки, скорее, салфетки!

Венсан, меня вырвало, я плохо себя чувствую, но как же так, что с тобой случилось, тут, конечно, жарко, ты в порядке? Да, уже лучше, хочешь воды? Да, пожалуйста, и Марин Мань вытрется, ей нальют стакан воды, и она немного попьет, муж отведет ее в ванную, они вернутся, извините меня, мне очень жаль, наверное, нам пора домой, да, дорогая, пойдем, мы слишком много выпили, на самом деле — Венсан Мань постарается слегка приглушить свой восклик — мы совершенно напились! В любом случае спасибо за ужин.

Мужчина проводит гостей в прихожую, и Венсан Мань бросит вам издалека, какая вы забавная, как это вы сейчас сказали? Когда все рухнет? Очень смешно! *Very funny!* И блузка Марин Мань с круглым зеленоватым пятном на груди исчезнет за дверью, ведущей в гараж, а мужчина, пошатываясь, объявит, что отправляется спать, оставляю вас с женой, и пойдет по лестнице наверх, задевая плечом за стену, шух-шух-шух.

54.

Ее веки будут биться о глаза, словно два потрепанных стеклоочистителя о машину. Она коротко вам улыбнется. Думаю, надо убрать со стола, скажет она. Потом быстро встанет и прижмет вас к себе. Спасибо, шепнет она вам в шею. Спасибо за ужин. Спасибо за все. Вы тоже обнимете ее. Обнимите ее как можно сильнее.

55.

Вы вместе соберете приборы и тарелки. Уже на кухне вы предложите ей немного вина, чтобы допить бутылку, и она протянет вам свой бокал. Я уже совсем пьяна. Вы чокнетесь. С того места, где вы будете стоять, вам будет виден пол в прихожей. Не знаю, как все это решится, подумает она вслух. Надеюсь, страховая компания что-нибудь придумает. Она посмотрит на грязные тарелки, сваленные у раковины. Я не хочу сегодня все это убирать. Займемся этим завтра. Вам покажется, что она колеблется. И я не хочу сразу ложиться. Мне хочется еще немного посидеть с вами. Может быть, посмотрим одну серию, перед тем как идти спать?

56.

В правой части экрана появится Лесли Джонс. Она прижимает к уху телефон. Она будет говорить, складывая пачки денег в чемодан, лежащий у нее на кровати:

– *Where are you Juan?*
Хуан, где ты?

– *Will you be waiting for me there?*
Ты будешь ждать меня там?

Она закроет чемодан и сядет на кровать, по-прежнему держа телефон в руке.

– *30,000.*
30 000.

Она приложит ладонь ко лбу.

– *Love you too.*
Я тоже тебя люблю.

57.

Она заснет у вас на плече. Вы услышите, как по лестнице спускается сын, потом останавливается — вероятно, он удивлен, что вы все еще здесь. Он сядет на диван рядом с вами. Глядя прямо перед собой, он натянет уголок пледа на колени. И будет смотреть вместе с вами, как Лесли Джонс отправляется одна в свое безумное путешествие, как с наступлением темноты она садится в машину, на заднем сиденье которой лежит чемодан со всеми ее сбережениями в наличных. Вы уберете руку, которую он положит вам на бедро. Потом он тоже уснет. Вы досмотрите титры до конца, и все это время в темноте ночи и мрачной тишине гостиной будет звучать слегка меланхоличная рок-песня.

Leslie Jones	Amy Adams
Juan Gabriel Palmeras	Luis Fiña
Pepe Palmeras	Blair Redford
Johnno Palmeras	Shiloh Fernandez
Richard Goffin	John Spencer
Mary Jones	Patricia Clarkson
Terry	William Glass
Giorgio Maldonado	Eric Molina
Judge John Cuesta	David Paymer
Madeleine	Milly Lionsfeld
Jack Livers	Abraham Clifford
Francisca Varelo	Bartolomea Sunders
Alice Keller	Janel Moloney
Detective Richard Keene	Chris Messina
Jim Carington	Simon Rider
Chief Bill Hackery	Ewan D. Carey
Alan Planil	Frank Flurry
Lulu Tearson	Sophia Lillis
Mary P. «Groove»	Rita Lowsome
Alice	Sydney Sweeney
Second floor neighbor	Donna Rodriguez
Young neighbor # 1	Miguel Sandoval
Young neighbor #2	Felipe Rucola
Bad boy in the square	Axel Lima
Directed by	Alex Zayewski
Executive Producer	Liz Abbey
	Evgueny Hurst
	Marc Chase
	Nathan Gloss

Based on a novel by	Zamora Tender
Co-Producer	Will Chase
	Evelyne Legendre
Consulting Producer	Cristina Ward
Executive Story Editor	Lorenz Bodybeak
Directors of Photography	Ted Parisot
	Yvan Rooveback
Music Supervisor	Julie Paul
First Assistant Director	Ted Humphrey
Script Supervisor	Lisa Days
Casting Director	Tom DiCillo
Camera Operator	Jackie Womack
1st Assistant Camera	Vicenz Puppet
2nd Assistant Camera	Phil Polson

58.

Утром вы встанете и у вас будет ощущение, что все движется слишком медленно. Однако никогда еще вы не были ближе к цели. Складки ночной рубашки оставят бороздки на вашей коже. Лицо покажется вам постаревшим. Вы приготовите себе кофе. Вернетесь в комнату. Почитаете еще несколько страниц протокола. К вам зайдет Елена. Она станет играть рядом с вашей кроватью. Позже проснутся и ее родители. Наверное, сначала мать. Вы услышите, как они жалуются на усталость и головную боль. Они тоже нальют себе по чашке кофе. Поднимутся обратно наверх.

Вы будете читать. Страница за страницей. Вас снова сморит сон. Когда вы проснетесь, вы заметите в узком окне, освещающем комнату, несколько мимолетных облаков, пропитанных дождем, который они унесут куда-то вдаль. Елена во время игры будет издавать тихие звуки. Вы прислушаетесь. Вам покажется, что она поет. Но нет, это будет лишь что-то похожее на пение. Родители Елены придут за ней. Они робко постучатся в вашу дверь. Елена, дорогая, ты там? Они

поведут ее в парк. Вы дождетесь того, когда, подгоняемые желанием подышать свежим воздухом, они поведут ее в парк.

59.

Вы будете бесцельно ходить по дому. Вы убедитесь, что все на месте. Посмотрите на это пространство, которое начало меняться: на вздувшийся паркет, еще крепкие растения. Поднимитесь на второй этаж. Зайдите в их комнату. Сядьте на их кровать. Вам там понравится. Постель будет прибрана. Вы вытянетесь на ней. Вот куда они приходят спать каждый вечер — в эту большую и пустоватую комнату. Ваши руки погладят вмятины, которые оставили ночью их тела. Повернув голову, вы заметите тумбочку матери Елены. На ней будет лежать книга. С другой стороны кровати вы увидите такую же тумбочку, но уже с несколькими спортивными журналами и финансовым еженедельником сверху. Не медлите больше. Пройдите в гардеробную. Слева вы увидите длинную перекладину, на которой будут развешаны мужские костюмы. Выберите один. Внизу вы найдете все его ботинки: черные и коричневые, почти одинаковые, идеально начищенные. Возьмите пару ботинок, стоящих в самом центре, — марки «Берлути», с двойной про-

шивкой, точно такие же, какие он носит каждый день. Затем пойдите к другой стене и достаньте из корзины для белья светлое платье матери Елены, то, связанное у вас с совместным походом в ресторан. Выйдите из их спальни и убедитесь, что плотно закрыли дверь. Отнесите платье в вашу комнату и оставьте его на кровати. Спуститесь на первый этаж. Пойдите в гараж и разместите ботинки вместе с аккуратно сложенным костюмом рядом с садовыми инструментами. Подвиньте газонокосилку, чтобы расширить проход. Найдите наверху этажерок, стоящих в глубине гаража, скрученные пляжные коврики и разверните их на полу.

Скай записал где-то слова Льюи о бесполезности того, что нас окружает, того, чем мы себя окружаем, всех этих предметов, которые загромождают наши гаражи и чердаки. Многие сходятся во мнении, что эти мысли так себе, что тут Льюи не на высоте своего таланта, но даже так Льюи все равно с нами, разве это не странно? Вернитесь в дом. Теперь вам нужно будет только ждать. Ждать и снова ждать, таковы были слова Льюи. Ожидание. Царство без добродетели — еще одна цитата. Царство и добродетель — вот под каким углом представлялись вещи Льюи.

60.

Позвольте себе принять ванну. У вас есть время. Надевайте их халаты, пользуйтесь их полотенцами, их кремами, их мылом. Лежащая в ванне, укрытая пеной, вы будете похожи на Лесли Джонс, расслабляющуюся после трудного дня. Вы представите, что рядом с вами съемочная группа с наведенной на вас камерой. Вы станете принимать разные позы. Например, лежать с закрытыми глазами, словно вы стараетесь забыть про все заботы. Или еще не отрывать глаз от пены, как это иногда делает Лесли Джонс, и это означает, что вы размышляете, зритель должен будет сразу понять, что вы глубоко погружены в свои мысли, а если вы чуть-чуть усилите выражение лица, у вас получится отупение — и застывший взгляд, камера приблизится к вам вплотную, и на экране будет видно ваше лицо — огромное, огромное и непостижимое. Будет воскресенье, вам останется воскресенье, и всё. Вы вытретесь. Ждать и снова ждать, не забывайте эти слова Льюи.

61.

И если все будет сделано в правильном порядке, с соблюдением всех мер предосторожности, если все пройдет по плану, если вы будете следовать нашим инструкциям, если они отреагируют так, как мы себе представляем, если все будет так, как мы надеемся, если ничто не было завершено раньше из желания поскорее со всем закончить, если все будет спокойно и попросту готово, если у вас будет обычный пульс, если вы не совершите никаких оплошностей и ваше положение будет уверенным, и они будут вас любить, и вы будете любить их, безусловно и беззаветно, в том смысле, в каком это понимает Льюи, то есть в смысле тесной взаимной связи, неизбежной близости между человеческими существами, и если — и только в этом случае — вы будете там, где нужно, то Родриго наконец сможет появиться.

62.

Родриго будет от вас очень далеко, на ферме, в лицее, в цехе пекарни или в справочной супрефектуры. Не важно. Не важно, где будет Родриго. Может, он будет просто спать в кузове фургона.

Вокруг него будет волноваться город. Вы узнаете, что он прозябает там уже несколько недель, но это ни на что не повлияет: в нужный день и нужный час Родриго будет у вас. Прохожие в центре города будут иногда задевать металлические стенки фургона, не подозревая, что внутри живет молодой человек, что он лежит там на тонком матрасе. В том же самом фургоне, занимая его вторую половину и смотря в ту же сторону, что и Родриго, будет стоять мотоцикл, прикрепленный к бортам с помощью ремней, образующих над ним крест. Зазвонит будильник на наручных часах Родриго, и он проснется. Или это будет телефон. Все еще сонный, он вытащит его из кармана джинсов. Прислонится к стене фургона. Будет коротко отвечать на указания собеседника.

Он схватится за один ремень и потянет, чтобы проверить, крепко ли закреплен мотоцикл. Он

откроет защелку и ослабит ремни. Мотоцикл резко накренится. Родриго прислонит его к одному из бортов фургона. Он рассмотрит свое отражение в зеркале, которое будет висеть прямо на металлической стене на маленькой веревочке, обмотанной вокруг болта. Он проведет рукой по своим коротким темным волосам. Родриго спустя несколько недель после вашего появления будет двадцать пять с небольшим.

Потом он станет действовать чуть решительней, чуть собранней, как будто все началось: его день, его миссия, его работа. Прохожие в центре города услышат звуки, доносящиеся из фургона. Но никто не остановится, когда они увидят, как он опускает пандус и выводит мотоцикл. Это будет бело-зеленый «Сузуки», с выпуклым протектором на шинах и резким ходом, как мы любим.

Родриго хлопнет задними дверями фургона, убедится, что они хорошо закрыты, что телефон у него в кармане, оседлает мотоцикл, тронется, быстро помчится по проспекту. Он поедет среди высоких домов, потом станет больше света, он неспешно заберется на холм, пронесется мимо водонапорной башни и решительно начнет спуск.

Похожий на длинноногое насекомое, ухватившись за руль и округлив спину, словно панцирь,

Родриго будет проглатывать белые полосы, а пейзаж вокруг едва уловимо начнет меняться, холмы разгладятся.

Он доберется до пруда и его поросших лесом берегов, и внезапно небо полностью очистится, новый асфальт, запах которого насыщает воздух в жаркие дни, лентой побежит под его колесами, он повернет еще раз налево, еще раз направо, и вы услышите гул его идеально сбалансированного двухтактного двигателя, услышите, как в нескольких сотнях метров от дома мотоцикл петляет среди дальних улиц района, приближается к дому по спирали, сначала с одной стороны, потом с другой, а потом Родриго появится в конце улицы и вскоре остановится на тротуаре у дома напротив. Сосед поднимет голову. Родриго стремительно пойдет по дорожке к дому, где вы уже будете ждать его у открытой двери гаража.

Когда он увидит вас, его лицо не выразит ни капли удивления. Ведь это должно было случиться, все идет по плану, мы позаботились о том, чтобы было именно так, чтобы каждый из вас делал то, что ему положено, чтобы ход вещей следовал по этому узкому пути одним образом, а не другим, так что, как мы и планировали, Родриго покажется вам совершенно холодным, отстра-

ненным и сосредоточенным. Ваше ожидание наконец кончится. Вы не будете знать, откуда приехал Родриго, но это ни на что не повлияет. Его ледяной вид поразит вас со страшной силой, как внезапный порыв ветра в тихий день. Родриго будет похож как две капли воды на Хуана Габриэля Палмераса.

63.

Он пойдет за вами. Тихо проведите его в глубь гаража. Возьмите с этажерки рубашку, помогите ему снять футболку. Дайте ему рубашку. Пока он будет застегивать пуговицы, снимите с него кроссовки. Он наденет костюм, потом наклонится, чтобы завязать свои «Берлути» и натянуть повыше темные носки.

Теперь пусть он следует за вами к двери, ведущей в прихожую дома, он будет двигаться с расчетливой медлительностью, застегивая на запястье часы и вставляя в ухо серьгу.

Родители Елены будут на втором этаже. Мужчина поднимется немного отдохнуть, а она будет принимать душ. Пришел эксперт из страховой компании, объявите вы поставленным голосом. Вы свое дело сделали. Теперь черед Родриго показать себя.

64.

Родриго представится. Осмотрит паркет, обойдет комнату. Наклонит голову, проанализирует возможности. Он приложит ладонь к полу, словно чтобы оценить степень влажности или деформации. Он достанет из сумки рулетку и станет делать измерения. Вы будете смотреть, как он ловко хлопочет в костюме, как будто занимался этим всю жизнь. У мужчины напротив будет такой же костюм, как у Родриго. К вам спустится мать Елены, ее волосы будут еще влажными, это эксперт из страховой компании, объяснит ей муж. Родриго снова представится, он не скажет Родриго, он скажет Мишель, или Микаэль, Микаэль Мюллер, страховой эксперт. Он продолжит свои измерения, результаты которых будет заносить в небольшую записную книжку. Он вытащит калькулятор, перемножит какие-то цифры и забормочет, разбивая слова паузами, двенадцать целых пятьдесят четыре сотых квадратного метра. Она будет смотреть, как он все это делает, и вы увидите, что и она тоже поражена его сходством с Хуаном Габриэлем Палмерасом, что

она, как и вы, подумала, что этот человек мог бы в самом деле быть Хуаном Габриэлем Палмерасом.

Мужчина спросит у Родриго, понял ли тот, что случилось, из-за чего все случилось, и Родриго ответит, просочилась вода, скорее всего, просочилась вода. Чтобы узнать точно, нужно все здесь убрать. В любом случае вы же не можете пользоваться дверью, верно? Родриго попробует открыть дверь, но она даже не шелохнется. Должны прийти наши мастера, снять паркет и очистить стены, тогда станет понятно. Мы поймем, из-за чего возникла проблема и что можно сделать. Мужчина встревожится, вы собираетесь снять паркет во всей прихожей? Родриго поправит его, нет, не только в прихожей, но и на всем первом этаже. Мы снимаем пол и очищаем стены. Если где-то просочилась вода, необходимо обнажить конструкцию дома, чтобы понять, откуда она взялась. Мужчина побледнеет. Родриго сверится с записной книжкой. Послушайте, тут у вас все очень серьезно. Нужно действовать быстро. Мы можем назначить работы на завтра, у меня есть свободная команда. Завтра, так скоро? — удивится она. Она попросит еще раз подтвердить — она не уверена, что все правильно услышала, — что они снимут весь пол, и уточнит, вернут ли они

потом все в прежнее состояние, Родриго не станет этого обещать, вернуть все в прежнее состояние часто невозможно, мы сделаем нечто, скорее, похожее. Потом он добавит, что ему нужно идти. Он не забудет оставить им небольшой кусочек картона, вот моя визитка.

Вы пойдете его провожать, и, когда вы окажетесь в гараже, у вас будет всего несколько секунд, чтобы устроить его за газонокосилкой, там, где вы заранее положите на пол пляжные коврики. Родриго ляжет, скрючится, а вы схватите синий брезент, накрывающий велосипеды, и бросите на него. В дверь гаража постучат, Родриго еще чуть-чуть двинется под брезентом, а потом все, он больше не шевельнется, не дернется. В дверь гаража снова постучат. Вы откроете. За дверью, перед вами, будет стоять сосед, он спросит, все ли в порядке, и постарается заглянуть внутрь, захочет узнать, что за мужчина недавно заходил к вам, нет ли у вас каких-то проблем, все ли в порядке, и при этом ни на секунду с его губ не будет сходить неподвижная и пугающая вас улыбка, вы его прогóните, на нем будет зеленая рубашка-поло, вся в пятнах. Он не должен зайти ни под каким предлогом. Прогони́те его, закройте дверь и заприте на засов. Обернувшись, вы

увидите синий брезент, разостланный позади газонокосилки. Вам будет трудно представить, что под ним лежит Родриго. Все покажется вам тихим и неподвижным. Вам будет пора возвращаться в дом. Вы подниметесь в свою комнату. От ее платья, лежащего у вас на кровати, будет исходить ее запах, легкий и сладкий, словно от цветов лугового сердечника. Вы когда-нибудь уже нюхали луговой сердечник? Уберите платье в шкаф. Скоро оно вам понадобится.

65.

Вас разбудят сильные удары по стенам, скрежет шлифмашины, разрезающей трубы, треск планок, которые отрывают от пола ломом-гвоздодером, громкие разговоры. Четыре человека в комбинезонах будут суетливо перемещаться из комнаты в комнату, не обращая внимания на ваше присутствие. Родриго будет стоять в центре прихожей, сосредоточенно следя за надлежащим выполнением работ, его костюм будет лишь слегка помят. Прихожая успеет превратиться в пустырь, заваленный поломанными досками, кусками штукатурки и металлическими обрезками. Хозяева прижмутся к одной из стен. Не волнуйся, дорогая, услышите вы, они все восстановят, они решат проблему и все восстановят. Перед входной дверью на голом бетоне будет красоваться темное пятно.

Из белого облака вынырнет рабочий с густыми бровями и позовет их: вам бы лучше чем-то накрыть ваши вещи. Вы сделаете вместе с ними несколько шагов в гостиную и поймете, что уже слишком поздно, что рабочие уже принялись за

стены и всё — и стол, и телевизор, и музыкальный центр — уже покрыто штукатуркой, толстым равномерным слоем зернистой штукатурки. Мать Елены поднесет руку ко рту. Лицо мужчины вытянется, словно под резким действием силы тяжести. Они осознают, какие изменения происходят в их окружающем пространстве и как они повлияют на их жизнь. Родриго попросит мужчин принести из грузовика рулон пластиковой пленки. Один из рабочих отзовется и пойдет на улицу через гараж, пока другие отправятся в сад выкурить по сигаретке. Растопырив пальцы, они будут пропускать между ними растения. Один из них сорвет веточку лаванды и даст понюхать остальным, а те в ответ только скривятся. Они затушат сигареты о газон и вернутся к своей работе. В это время вниз спустятся дети, и им закричат, чтобы они были осторожны, потому что легко пораниться. Застыв на последней ступеньке, они будут постигать масштаб происходящих изменений.

Позже, в то время как мать Елены примется обматывать мебель пластиковой пленкой, которая будет раздуваться как легкомысленная юбка, едва кто-то будет проходить мимо, мужчина устроит на кухне переговоры с Родриго. Уверяю вас, мы не

были готовы к работам такого размаха, признается он, глядя на свою чашку. Я постарался вчера предупредить вас, сочувственно ответит Родриго. Сегодня все случилось так быстро, прошепчет мужчина. Да, согласится Родриго, но подумайте о том, что тем быстрее все закончится. Мужчина поднимет глаза на Родриго. Вы так считаете? Родриго не даст точного ответа, послушайте, дело быстро движется. Уже завтра мы возьмемся за второй этаж. Второй этаж? Да, нужно убедиться, что речь идет не о протечке на уровне крыши — потом вода могла в результате стекания негативно повлиять на прихожую. Взгляд мужчины потухнет, он повторит: стекания? Родриго скажет да, вода может следовать сложными путями, я предупреждал вас, что, не обнажив конструкцию, невозможно определить причины произошедшего. Мужчина напротив почешет подбородок. Пристально взглянет на Родриго, словно пытаясь раскусить дурную шутку. Родриго вежливо ему улыбнется. Дверь кухни позади них будет закрыта. Они примутся размешивать свой кофе. Мужчина отряхнет свой костюм от пыли, Родриго повторит за ним. Взгляд мужчины упадет на ботинки Родриго. «Берлути»? Родриго подтвердит это. И тогда мужчина забудет обо всем, он ухва-

тится за ботинки Родриго, как за ниспосланный свыше знак, призывающий к оптимизму, он обрадуется, отличный выбор, смотрите, у меня такие же. Не каждый день встречаешь людей в таких ботинках. Вам в них удобно? Родриго посмотрит на свои ноги и скажет, да, мне в них удобно, мужчина с еще большей радостью станет разглядывать ноги Родриго, на лице его снова появится улыбка, он предложит Родриго выпить еще по чашке кофе, и Родриго охотно согласится. Они немного поговорят о качестве кожи французского теленка и о трудностях рынка роскоши. Родриго высморкается в кусочек промокательной бумаги. Такое ощущение, словно их можно носить всю жизнь, вернет он разговор обратно к ботинкам, и мужчина живо откликнется: вы знаете, есть такие, кто носит их всю жизнь! Родриго подойдет к мусорному ведру и выкинет туда бумагу. Вернувшись к столу, он скажет, а вот еще, не знаю, предупреждал ли я вас, но нужно будет отключить газ. Потом он расскажет о последствиях этого отключения: придется быть без газовой плиты и бойлера, а значит, использовать на кухне газовые горелки, а в смысле гигиены обходиться некоторое время без горячей воды.

66.

Они установят горелку на столе в кухне, чтобы приготовить равиоли. Поставят разогреваться кастрюли с водой, чтобы помыть Елену. Остальные обойдутся холодной водой. Сперва им это ужасно не понравится, но потом — вы знаете не хуже нас, как быстро привыкаешь к таким маленьким неудобствам. Их жизнь начнет наконец меняться по-настоящему. Обнажатся перегородки на первом этаже. Будет видно, как по голым стенам извиваются трубы из меди. Вскоре станут известны имена рабочих: Мартен, Люка, Вивьен, Филипп. Перед тем как садиться есть на кухне или за овальным столом в гостиной, придется вытирать слой белой пыли, который будет постоянно обновляться. Каждое утро Родриго будет появляться в доме, чтобы наблюдать за тем, как идут работы. А с наступлением вечера он будет возвращаться в гараж и ложиться на пляжные коврики. Его костюм потеряет свежесть. На третий день, когда он закончит особенно поздно, занесет в свою записную книжку список изменений, необходимых на завтра для улучшения хода

работ, они предложат ему остаться на ужин.

67.

Пламя горелки, отражающееся в алюминиевых элементах интерьера, придаст этим торопливым ужинам очарование деревенских посиделок. Родриго сможет продемонстрировать остроумие, обстановка будет расслабленной. Однажды вечером Вивьен, рабочий с густыми бровями, тоже будет приглашен и насмешит всех этими своими бровями, поднимая и опуская их, как один известный политик. Мать Елены будет смеяться громче всех. Позднее она заговорит, но никто не поймет, что она хочет сказать. Время от времени она безо всякой причины будет разражаться рыданиями. Однажды она вернется домой с работы раньше, чем обычно, и вы заметите ее в саду в объятиях Родриго. Родриго будет нежно гладить ее по щеке.

68.

Что до мужчины, он посвятит себя вещам малозначимым. Станет переносить паркетные доски из одного угла в другой. Будет подниматься к себе, чтобы отдохнуть. Спускаться, чтобы раскладывать по коробкам книги из своего кабинета. Столкнувшись с вами, он будет говорить о том, как вы однажды сбежите вместе. О своей к вам любви. Он снова попробует прижаться своими губами к вашим губам. Соглашайтесь на это время от времени. Помогайте этим людям как можно лучше. Он будет говорить с вами о путешествии в Италию. Только мы вдвоем. Рим, Венеция. Он скажет вам, будьте готовы, через несколько дней у него будет командировка и вы поедете с ним, все проще простого. В окне его кабинета вы заметите фургон, припаркованный у соседей напротив.

Фил' Лемуан
САНТЕХНИК
* ЭЛЕКТРИК * ОТДЕЛОЧНИК

69.

Вы обратите внимание, что их одежда тоже теряет свежесть. На ней появляются небольшие пятна. В конце дня, когда вы будете падать с ног от усталости, посреди этого хаоса вы будете встречать Родриго. Обмениваться с ним усталыми взглядами. Потом подниматься к себе в комнату. Вы будете думать о том, как Родриго лежит на полу в гараже. А на следующий день вы снова встретите его в поблекшем костюме, ткань которого будет инкрустирована гравийной крошкой. Они снова предложат ему остаться на ужин. Мать Елены схватит его за руку, когда он соберется уходить, и у вас, вероятно, будет возможность увидеть, как они дарят друг другу нежные прикосновения. Каждый раз будет казаться, что она вот-вот упадет в обморок.

70.

Будьте настороже с сыном. Вы будете казаться ему все более и более подозрительной, и он начнет за вами шпионить. Что касается Елены, продолжайте читать с ней книгу Странда. Книга Странда — и каждый из нас смог лично это проверить — действует не сразу. По словам Льюи, она проникает в тебя и ослабляет постепенно, как все наши методы, которые должны применяться так, чтобы ослаблять постепенно.

71.

Придется сбивать плитку в ванной. В саду начнет скапливаться строительный мусор. В тот день, когда Вивьен и Филипп соберутся ломать крышу второго этажа, вы будете готовы. Родриго в последний раз вернется под брезент. У себя в комнате вы достанете светлое платье матери Елены из шкафа, вдохнете еще раз его аромат, смешанный с запахом их стирального порошка. Вы наденете платье. Оно идеально обнимет ваше тело. Прямо в платье вы растянетесь на кровати и будете ждать, как Льюи, когда наступит ночь.

72.

Вскоре после полуночи вы встанете. Достанете из холодильника остатки еды. Приготовите первый сэндвич и положите его в полиэтиленовый пакет вместе с бутылкой воды, ножом и мотком веревки. Затем вы сделаете еще два сэндвича, для которых возьмете еще один пакет. Возможно, вы помните слова Льюи о еде, о необходимости запасаться ею, чтобы сохранить для себя возможность в нужный момент действовать, и это ровно о том, что вы делаете сейчас, о запасах, необходимых для будущих действий. Если все эти указания Льюи нам порядком надоели, надо признать, что мы сохранили некоторые изречения и еще вполне можем ими пользоваться. Поднимитесь на второй этаж и идите в комнату Елены. Она не проснется, когда вы возьмете ее на руки.

Родриго будет ждать вас в гараже. Брезент у его ног будет похож на застеленную постель. Вы выйдете на улицу. Сосед за оградой, стоя на коленях, будет при свете переносного прожектора возиться у своего мотоцикла, который со стороны покажется полностью собранным. Вы подумаете,

что в этом бьющем снизу свете его доброжелательный вид, запомнившийся вам с того далекого майского дня, когда вы только появились здесь, пропал окончательно.

Увидев, как ваши три силуэта ныряют в сияние его прожектора, он встанет и спросит у Родриго, не его ли это «Сузуки» припаркован напротив. Родриго молча продолжит идти. Сосед перешагнет через ограду и преградит ему путь. Он будет настойчиво спрашивать, откуда этот «Сузуки»? У нас тут поблизости такую модель не продают. Где вы ее купили, у Филибера? Потому что у Филибера спортбайков не найти. Сосед повернется к мотоциклу Родриго. Нет, этот мотик точно не из тех, что продаются тут у нас. Где вы его купили? Когда сосед задаст этот вопрос, вы заметите, что в левой руке он держит железный прут. Это же модель для езды по бездорожью, продолжит он. А у Филибера, там все больше кастом-байки. Родриго сохранит спокойствие. Он махнет подбородком в сторону мотоцикла соседа: какого он года? Сосед помолчит, а потом скажет настороженным голосом: 96-го. Родриго незаметно даст вам знак пройти за ним и ждать его у «Сузуки». Он продолжит разговор с соседом: ну и нравится вам «Триумф» как марка? Ну конечно, она мне

нравится, зло ответит сосед, почему она должна мне не нравиться? Родриго фыркнет и слегка улыбнется. Вы будете уже в десяти метрах от мотоцикла. Родриго снова заговорит, не сводя с соседа взгляда: а в чем у вас там проблема? Сосед замнется — он будет по-прежнему стоять на дорожке, сжимая в руке металлический прут, и вы увидите, обернувшись, что на самом деле это весьма внушительный вороток. Вы почти подойдете к мотоциклу Родриго, голова Елены все так же будет покоиться у вас на плече. Сосед скажет, что никаких проблем нет, мотоцикл как новенький, мне осталось только отрегулировать карбюратор, а потом сразу же добавит: а что, дама уезжает? С малышкой? А хозяева знают? Да, конечно, скажет Родриго, у этих старых байков регулировка карбюратора — мучительное дело. Все это знают, но не иначе как есть люди, которые любят тратить время зря. Что я точно знаю, грубо скажет сосед, так это то, что ваше лицо не внушает мне доверия. Понятия не имею, что вы тут задумали, но я привык смотреть в оба, когда имею дело с проходимцами на спортбайках. Как удачно совпало, парирует Родриго, потому что мы, мы терпеть не можем парней, которые разъезжают на таких вот махинах, как ваша, и он, согнув ногу,

одним движением перекинет ее через ограду и толкнет «Триумф» в бок. Тот медленно повалится на землю, как раненый бык.

Сосед заорет и бросится поднимать мотоцикл. В это время Родриго подбежит к «Сузуки», запрыгнет на него и пустит из-под колес дым — а вы уже успеете сесть сзади на мотоцикл минуту или около того ранее, поднять глаза на второй этаж дома, опасаясь, как бы шум никого не разбудил, и увидеть в окне вашей комнаты сына, слегка освещенного прожектором соседа и смотрящего на вас: он следит за вами, как будто вы опасное животное, он видит свою сестру у вас на руках, за спиной у Родриго, не сводите с него взгляда, как бы бросая ему вызов: сможет ли он поднять тревогу, он смотрит на вас, видит, как дым, поднимающийся из-под заднего колеса мотоцикла, раздувает светлое платье, которое его мать надевала несколько дней назад, и вы кажетесь ему красивой, вне всякого сомнения, он совершенно зачарован, не отводите глаз, вы знаете, что в то мгновение, когда оборвется натянутая между вами нить, он придет в себя, бросится в коридор и разбудит родителей, дым наполняет ваши легкие, ваши ноги в сандалиях обжигает жар колеса, продолжающего шлифовать асфальт, Родриго

переключает передачу, и внезапно мотоцикл срывается с места, ваше тело отбрасывает назад, вы хватаетесь за Родриго, Елена просыпается, но ничего не говорит, она видит, что вы смотрите на ее брата, и засовывает слабые руки в карманы костюма Родриго, сосед позади вас завел свой мотоцикл, а вы в мгновение ока оказываетесь у первого поворота, и вам больше не видно сына, вы по-прежнему слышите шум мотоцикла соседа, но вам не страшно, вы обнимаете Родриго и обнимаете Елену, зажатую между вами, вы в последний раз едете по улицам этого района, который больше никогда не увидите, вот и второй поворот и школа пения, Родриго замедляет ход и вы замечаете, что окно разбито вдребезги, сосед приближается к вам, но вот уже он остается позади, и с каждым поворотом, с выходом из каждого поворота отстает все больше, вы едете по главному проспекту, и впереди вас тротуары забиты шумящей толпой, жители высыпали на улицы, но какие-то фигуры все еще выбираются из домов, вдалеке кричат люди, окна разбиты, женщина в ночной рубашке внезапно падает на лужайку своего сада, и тут по ушам бьет шум мотоциклов, оглушающий шум десятков мотоциклов, которые разъезжают по району,

выскакивают со всех сторон — из-за деревьев, с задних дворов, из распахнутых гаражей, — и повсюду на них, заводя мотор, забираются быстрые тени, забираются по двое, а между ними вопят дети, и Родриго едет зигзагами по суматошным улицам, и вы встречаетесь взглядами с теми, кто, как и вы, старается уехать отсюда как можно скорее, на них кидаются жители, и им нужно успеть их оттолкнуть, прежде чем дать полный газ, среди оглушительной мешанины шума моторов и детских криков, сосед появляется в начале улицы и тоже начинает ехать зигзагами, Родриго ускоряется и вместе с ним устремляются прочь и другие мотоциклы, вы замечаете во вспышке фар человека с черными волосами и ребенка, которого он отводил в школу, они оба прижались к водителю, низко-низко пригнувшемуся к рулю, в конце проспекта вы теряете его из виду, пятый поворот, и в глаза бросается пылающее очертание общественных бань, шестой поворот, и фасад здания сверкает перед вами в последний раз, вот вы и покинули пределы района, вот вы на длинном участке четырехполосной дороги, которую наводнили мотоциклы, расстояние между которыми, впрочем, вскоре начинает увеличиваться, а сосед теперь не более чем далекая фара, просто

точка, Родриго мчится дальше, Родриго мог бы ехать всю ночь, Родриго не снижает скорость, вы думаете об исходящем от сына запахе кожаного мяча и о мотоцикле соседа, о блестящей краске на мотоцикле соседа, говорите себе, что у Родриго мотоцикл новее, что он едет быстрее, что Родриго лучше водит, говорите себе, тихонько смеясь, что поставили на правильную лошадь, и тотчас же вспоминаете суматоху и всех тех, кто на своих мотоциклах старается, как и вы, как можно скорее оставить позади свой район, где все наконец пришло в движение, может быть, вы думаете о том, как просыпаются родители Елены, об их всклокоченных волосах и фланелевых пижамах, а потом вы больше ни о чем не думаете, вы позади Родриго, Родриго прокладывает вам путь, вы еще не закончили, но вы движетесь в верном направлении, и Родриго жмет на газ, разгоняется еще больше, и электрические столбы мелькают вдоль дороги, а впереди уже начинает вырисовываться темная полоса леса, который фара мотоцикла через несколько часов найдет и обшарит, разрывая мрак как охотничий фонарь.

73.

Вы проедете с Родриго по буграм и ухабам. Ваше сердце, которое будет то взлетать, то падать, узнает все эти дороги, по которым мы так часто ездили плечом к плечу в поисках скорости и адреналина. Елена потрет глаз и еще крепче ухватится за Родриго. Лес ночью покажется вам огромным, его будут пронизывать шум моторов и лучи света. За последним сужающимся поворотом появится поляна, вытянувшаяся перед стеклянным фасадом клуба наподобие озера.

Родриго остановится не сразу, а только проехав еще несколько десятков метров, вы будете трястись вместе с ним. Он будет искать опору среди затвердевших комьев земли, с трудом маневрируя, но приближаясь к широким окнам клуба, тем самым, за которыми сидел Странд, окнам, которые заливали зал прямым светом, все-таки здесь очень интересный свет, говорил Странд. Вы различите в свете фар следы нашей жизни того времени: пол, устланный спальными мешками, бутылки пива и журнальные вырезки на стойке, а на этажерке в глубине зала нашу коллекцию

пластиковых посеребренных кубков с именами самых быстрых из нас, а это Порден, Скай, Мезаль. Там же, в глубине, на большом столе будут стоять резальные машины и принтеры, а также остатки нашего запаса бумаги. Вы подумаете о том, что последние слова Льюи по-прежнему находятся где-то здесь, среди записей, сделанных Скаем на листочке, теперь валяющемся на полу, или в каком-то журнале, или нацарапанных на обороте бирдекеля.

Родриго не сразу выключит мотор, вы будете делать то же самое, что и все вокруг вас. Вы поднимете Елену и поставите ее на землю. Тени мотоциклов и детей вытянутся в беспорядке по бугристой земле. Елена будет послушно выполнять ваши краткие указания. Это та полянка с ежиками? — испуганно спросит она. Вы заметите, что она перестала говорить «поянка», и это вас опечалит. Да, это она. Вам захочется поправить ее кофту, провести рукой по ее волосам или погладить по щеке. Вы дадите ей полиэтиленовый пакет, приготовленный для нее согласно нашим инструкциям, — в нем будут лежать нож, веревка, бутылка воды и сэндвич. Вы скажете ей ждать вас здесь. Но до этого еще раз повторите сказку, эту историю маленькой девочки, которая про-

водит ночь в лесу, вы расскажете ей об оленях, ежах, филине, посмотрите вокруг и никого не увидите, ни оленей, ни ежей, ни филинов, а только плачущих детей и пролетающих над вашими головами ночных мотыльков с серебристыми крыльями. Вы доведете историю до конца, не обращая внимания на шум моторов, на Родриго, который замрет на мотоцикле и будет ждать, когда это будет сделано, как и все остальное, на Родриго, тоже работающего уже долгое время и имеющего столь же четкие инструкции, как ваши, так что он будет ждать, когда вы закончите рассказывать, когда Елена возьмет книгу Странда, отпустит вашу руку и смирится с тем, что вы уедете. Она сделает несколько торопливых шагов за вами, а потом резко остановится. И посреди треска моторов вы услышите шуршание ее полиэтиленового пакета.

74.

Когда вы выедете из леса, у вас появится чувство, будто вы покидаете место, которое никогда не должны были покидать. Вам послышится, что кричит Елена, но никто не будет кричать. Вы будете слишком далеко.

Вы встретите еще один или два мотоцикла, вам захочется повернуть назад, но никто не будет кричать и будет слишком поздно. Родриго затормозит, лишь проехав пятьдесят километров, — он повернет вправо, к металлическим очертаниям круглосуточной заправочной станции, увенчанной светящимися вывесками.

Вы почувствуете себя потерянно среди этого призрачного света. Подумаете о Елене, оставшейся в темноте, и, подняв голову, увидите луну. Но это вас не успокоит. Родриго остановится у колонки и очень высокий, нескладный тип зальет ему полный бак. Вы спросите, есть ли у него кофе. Он скажет вам, машина там, и махнет в сторону здания. Вы подумаете о Елене. Представите ее одну, без шума моторов, среди детей, оставленных глубокой ночью перед окнами клуба, и это будет

нормально, эти механические мысли не должны вас волновать. Вы пойдете выпить кофе. Родриго присоединится к вам. Некоторое время вы будете вместе расхаживать перед холодильными витринами. Никого не будет. Родриго покажется вам усталым.

Вы вернетесь к мотоциклу, у которого попрежнему будет ждать высокий парень. Он понимающе вам улыбнется. Огонь! Время фейерверков! Вы не поймете, что он имеет в виду, тогда он повторит: огонь, потом выпучит глаза, зажмет язык между зубами и вдруг, резко взмахнув руками, с детской заразительной радостью крикнет: бум, и сунет вам в бок канистру бензина.

Вы возьмете канистру с собой. Сядете на мотоцикл, и Родриго заведет мотор. Вам станет интересно, что сейчас произойдет с человеком, которого вы оставляете позади. Вот, пожалуйста: он решительно закроет станцию, подойдет к мусорному баку, достанет оттуда кусочек картона, вынет из кармана зажигалку, крутанет колесико и подождет, когда картон загорится. Если он улыбнулся, когда увидел вас, так это потому, что он вас узнал и знает, что если вы здесь, если Родриго здесь, если «Сузуки» здесь, значит, все идет полным ходом, все стало принимать осязаемые

очертания и что правда была за Льюи, нужно всего лишь самоорганизоваться.

Когда станция загорится, вы будете уже далеко, ваш бак — полон, Родриго поддаст газу, большого взрыва не будет, но все уже будет идти полным ходом, и, по словам Льюи, если что-то одно не удастся, получится другое, главное, что имеет значение, — это количество, вот о чем вы подумаете в этот момент, вы будете держаться за костюм Родриго, его галстук будет биться на ветру у него за плечом, а между ним и вами будет теплое пространство, где сидела маленькая девочка, которую вы взяли под свое крыло, словно птенчика — шутка в духе Льюи — особенно если взмахивать локтями и кричать пи-пи-пи, такая вот *joke*, типичная для Льюи, но все, *no more* птенец, никакого больше птенца между вами и Родриго, только канистра с бензином и свежесть ночи, его сосредоточенность и ваша.

75.

Вы приедете к гостинице в четыре утра. Припаркуетесь у главного входа. Это будет не такая же гостиница, как та, в которой Лесли Джонс и Хуан Габриэль Палмерас окажутся в начале их истории, но все же некоторое сходство будет, может быть, в близости к дороге и неоновой вывеске. Вы попросите номер 111. Портье, одетый в черный жилет и белую идеально выглаженную рубашку, молча протянет вам пластиковую ключ-карту. Вы улыбнетесь ему, и он улыбнется в ответ, и вы замрете перед этим пустым оскалом, пытаясь отгадать, хочет ли этот человек вам помочь. Родриго возьмет вас за локоть. Номер 111 находится на первом этаже, в конце главной части здания. Вам понадобится чуть меньше трех минут, чтобы до него добраться. Сперва вы поднимете по небольшой лестнице, а затем пойдете по длинному коридору, устланному ковролином. Родриго приложит ключ к считывающему устройству. Оно издаст стандартный писк.

76.

Комната будет маленькая. Ее окна будут выходить на гостиничную парковку. Справа при входе вы увидите туалет, слева на стене будет висеть умывальник, а над ним зеркало, центр комнаты займут две односпальные кровати, еще вы заметите телевизор и выполненную в импрессионистском стиле картину, изображающую пастуха, ведущего стадо овец. И пол, и стены будут покрыты толстым ковролином. С потолка будет свешиваться люстра с несколькими летающими вокруг мухами.

Вы достанете из сумочки сэндвичи. Один предложите Родриго. Каждый сядет по центру своей кровати. Сидя на краешке, на сложенных вчетверо покрывалах, вы будете есть свои сэндвичи.

Вы обнаружите, что не голодны. Часы покажут четыре пятнадцать утра, и вкус пищи будет вызывать тошноту. Родриго свой сэндвич станет уплетать за обе щеки. Вы заставите себя есть. Вы должны будете подкрепиться. Будет трудно продолжать на пустой желудок. Вспомните слова Льюи. Все преимущества должны быть на нашей

стороне. Вы поднимете голову и посмотрите на мух, крутящихся вокруг люстры. Ее охристый оттенок напомнит вам старинные бокалы из цветного стекла.

Когда Родриго доест свой сэндвич, вы протянете ему ваш. Он прикончит его в несколько укусов. Вы немного подвинетесь на кровати назад и обопретесь на руки. Родриго встанет. Возьмет с края умывальника стаканчик. Снимет защитную пластиковую упаковку и выпьет один за другим четыре или пять стаканов воды. Посмотрит на себя в зеркало. Поправит волосы. Затем пропустит галстук между указательным и большим пальцами и с задумчивой медлительностью станет его поправлять. Выпьет последний стакан воды. Внимательно закрутит до конца кран с холодной водой и на какое-то мгновение так и застынет перед умывальником, наклонив голову и следя, не польется ли непослушная струйка.

Он подойдет к кровати и ляжет на нее, недалеко от вас, прямо в одежде. Если вы отодвинетесь от края еще хотя бы чуть-чуть и откинете корпус назад, окажется, что и вы, в вашем светлом платье, тоже лежите на кровати. Родриго возьмет с тумбочки пульт и включит телевизор, прикрепленный по центру стены перед вами. И там, в этом

замшелом уюте гостиничного номера, который останется для вас лишь местом временной остановки, на вас потечет звуковой поток новостного канала: Клер, мы сейчас находимся перед тем, что совершенно не укладывается в голове, позади меня горит, извините, тут повсюду люди, у этого завода, который, как и сотни других зданий по всей стране, загорелся сегодня около двух часов утра, мне поступает новая информация, Клер, через наушник, мы имеем на данный момент свыше тысячи подожженных зданий, среди которых школы, супермаркеты, церкви, банки, склады, и напоминаю, что на эту минуту, пока я с вами разговариваю, Клер, нет никаких сведений о лицах, стоящих за всем этим, некоторые заявляют, что президент может выступить с обращением в ближайшие часы, однако, повторяю, Клер, у нас нет никаких объяснений произошедшего, так что пока все это похоже на национальный саботаж, и начинают распространяться все более безумные слухи, некоторые говорят даже о том, что из целого ряда семей были похищены дети, что в разговоре с нами не опроверг один из представителей правоохранительных органов, на данный момент точно сказать невозможно, но уже ясно, что затронуты были многие города

по всей стране, и представляется, что пламя за моей спиной — всего лишь маленькая часть гораздо более крупного согласованного действия, согласованной атаки, да, на данный момент я считаю, что мы можем использовать это слово, Клер, атаки, ответственных за которую мы пока не знаем и в результате которой здесь царит, могу вас уверить, Клер, совершенно апокалиптическая атмосфера. Само собой, мы отслеживаем все новые данные, так как ситуация меняется с каждой минутой.

Родриго выключит телевизор, и вы останетесь неподвижно лежать перед черным экраном. Через несколько минут голос Родриго разорвет тишину, он скажет вам: завтра я высажу тебя на круге. Тебя подберет Ма. Едва закончив говорить, он вытянет левую руку и щелкнет выключателем. Свет погаснет. И только луна продолжит слабо освещать ваше платье и костюм Родриго. Стоило бы задернуть шторы, чтобы оказаться в полной темноте, но мы не попросили сделать это ни вас, ни Родриго. Значит, вам придется принять мысль, что такое освещение нас устраивает. Ваше спокойствие тоже могло бы нас обрадовать. Однако мы знаем, мы предвидели, что, несмотря на все меры предосторожности, несмотря на

мягкий лунный свет и успокаивающий эффект ковролина, в вашей голове закружатся образы: того, что вы уже пережили, и того, на что вам пришлось пойти, чтобы сделать это возможным, а также того, что еще осталось совершить.

Родриго заснет, а вам захочется разбудить его и говорить с ним, касаться его, слушать, как он говорит, но ваши тела непременно должны оставаться друг от друга на расстоянии, и Родриго покажется вам самозванцем — в одежде, взятой у мужчины, в костюме, в котором тот ходил на работу и в котором был тогда, на встрече в банке, в безупречно сидящем на мужчине костюме, который на Родриго смотрится слишком просторным, в костюме мужчины, которого мы попросили вас понять и полюбить, что вы и сделали — все снова и снова будете думать обо всем этом, о людях, с которыми вы жили и которых оставили, все это было частью плана, вы играли свою роль, на вашем уровне, а этой ночью ваша роль будет состоять в том, чтобы лежать на кровати рядом с Родриго — он в костюме, вы в светлом платье, — смотреть в потолок и глубоко дышать, чтобы успокоить накатывающуюся тошноту и эти бесконечные негативные мысли, которые овладеют вашим разумом.

Вам захочется кричать, развернуться, схватить подушку и бить ею направо и налево, по стенам, по умывальнику, по Родриго. Вы подумаете об этом человеке из Чикаго, убитом тремя братьями. У вас будут видения, в которых Елена ушиблась о камень, ищет вас, зовет, лежит в кустах, покрытая грязью, дрожащая и раненая, или на поляне лицом вниз, а по ее телу бегают насекомые, и вам придется бороться с этими видениями.

Вы захотите узнать, что будет дальше, вы станете читать эти строки при свете луны, чтобы хоть в чем-то разобраться, чтобы успокоиться, но мы можем сказать лишь одно: вы сделали то, что было нужно, что всеми прочими соображениями необходимо пренебречь, вам нужно будет учиться укрощать свой страх, лежа рядом с Родриго, как Лесли с Хуаном Габриэлем, но без любых намеков на настоящую близость, на допустимое или необходимое общение, в вашем сердце будет пусто, пусто и холодно, то, что Родриго спит, приведет вас в отчаяние, невозможность просто поговорить с ним о Елене вызовет тошноту, вам будет душно в этой комнате, покажется, что у вас что-то отняли, вы увидите, как свет фар скользит по стенам и потолку и вам захочется растормошить Родриго, поговорить с ним, однако вы

будете знать, что ваше волнение нельзя передать словами, что нужно держаться до конца, что вы уже слишком многое сделали, чтобы теперь повернуть назад, а главное, вы будете знать, что, если вы заговорите с Родриго, он вам не ответит.

Наступит утро. В тот момент, когда за окном выключат все фонари, вы поймете, что свет, падавший на вашу одежду и кожу, шел не от луны, а от одного из прожекторов, нависающих над парковкой. Родриго откроет глаза.

77.

Первое, что бросается нам в глаза в начале девятой серии третьего сезона «Лесли Джонс», — это пустынный фон. Потом появляется Хуан Габриэль Палмерас, вернее, его рот в окружении усов и бороды, которые резко контрастируют с пустынным фоном. Потом в этой девятой серии мы немножко отходим в сторону. Хуан Габриэль Палмерас стоит в одинокой телефонной будке. Чуть подальше виднеется «Мазда». А также Джонно. Джонно и Пепе, Джонно, похоже, рассказывает Пепе какую-то шутку, Пепе неподвижен. Вокруг них — деревянные бараки, у дверей которых бродят усталые мужчины. Телефонная будка уменьшилась с Хуаном Габриэлем внутри. Пепе нетерпеливо взмахивает рукой, и мы видим — мы уже на высоте вертолетов, — что Хуан Габриэль повесил трубку. Он возвращается к Пепе.

– *No contesta. Debe estar manejando.*
She's not picking up. She must be driving.
Не отвечает. Наверное, она за рулем.

– *Mierda. Se tarda. ¡Se tarda demasiado!*

Fuck. She's taking too long! She's taking too fucking long!

Черт! Она опаздывает! Она уже должна быть здесь!

– *Cálmate. Está en camino.*
Chill, man. She's coming.
Эй, успокойся. Едет она.

Джонно отошел, чтобы приударить за девушкой, выглядывающей из окошка киоска. Он шутит, девушка от души смеется. Когда к нему подходят братья, он поворачивается к ним:

– *¿Entonces?*
So?
Ну что?

– *No debería tardar.*
She shouldn't be long.
Она скоро будет.

Джонно бросает взгляд на женщину, которую он завоевал сегодня:

– *Ya vuelvo.*
I'll be back in a minute.
Я сейчас вернусь.

Он хлопает по кромке оконного проема, словно заключая с девушкой сделку, и вместе с братьями садится на тротуар. Несколько минут спустя мы замечаем на горизонте «Шевроле». Это едет Лесли Джонс. В конце концов все разрешится. Братья вздыхают с облегчением. Она открывает дверцу. Она выглядит утомленной. Прямо тут, среди бараков, на глазах у местных мужчин, которые шатаются вокруг без дела, и девушки, продолжающей поглядывать на Джонно, Лесли дает братьям чемодан. Братья неохотно благодарят ее. Лесли им не слишком нравится, ну да ладно, *money is money*. Хуан Габриэль обнимает ее в последний раз. Не стоит здесь задерживаться надолго. Лесли уезжает, лавируя среди мусора, который ветер разносит по улице.

Следующий кадр: Лесли замечает в зеркале заднего вида полицейскую мигалку. Она съезжает на обочину. Обычная проверка, она чуть превышала скорость, глаза жгло от усталости, и она жала на газ, чтобы вовремя успеть в офис, но мы сразу догадываемся, что эта рутинная проверка сыграет свою роль в оставшейся части сезона. Лесли влипла в какую-то неприятную историю, и пока непонятно, каким образом она сумеет из нее выпутаться. Полицейские отдают ей документы

и возвращаются к своей машине. Они уезжают в ночь, оставляя ее позади, а она не может пошевельнуться, так и сидя за рулем на обочине этой длинной, этой бесконечной дороги.

78.

Родители Елены прождут их больше восьми часов. Восемь долгих часов они будут не в состоянии хоть чем-то себя занять, будут смотреть друг на друга, не зная, что сказать, не будут отвечать на звонки друзей. Не будут спать. Как давно в их жизни не выдавалось другой такой бесконечной ночи. Увидев, как те приехали, как паркуются возле их джипа, они ощутят облегчение. Они впустят их в дом через дверь гаража.

79.

И вот они войдут строем, сунув большие пальцы под ремни, широкоплечие, в синих форменных куртках, давя ботинками кусочки бетона и штукатурки, которыми будет усыпан пол в прихожей. Войдя в гостиную, они с недоумением оглядят все еще обмотанную пластиковой пленкой мебель, голые стены. Один из них кашлянет. Она позовет сына. Шарль, подойди, пожалуйста. Через несколько минут появится сын, он будет ошеломлен количеством полицейских, собравшихся в его доме, привет, Шарль, я комиссар Дюмон, мы хотим задать тебе пару вопросов.

Сын снова опишет все, что видел, вас с Родриго, между вами — Елену, дым, суматоху, крики на улице. Его родители будут стоять порознь, слушать вопросы и ответы, потом их тоже допросят, они кое-что уточнят, объяснят, как именно развивались события, расскажут о вас, о Родриго.

Вспомнив о чем-то, она отойдет, пороется в сумочке и выудит визитную карточку Родриго. Вручит ее полицейским. Те станут передавать ее друг другу, первый поднесет прямо к сощурен-

ным глазам, чтобы лучше разобрать имя и номер телефона, второй, наоборот, вытянет перед собой руку, чтобы рассмотреть издалека, третий перевернет пустым оборотом кверху, а потом снова с сомнением прочтет напечатанное на лицевой стороне имя.

Микаэль Мюллер
Страховой эксперт

80.

В каком-то кабинете, совсем в другом месте, составляют ориентировку. К ней прилагается старая фотография. Подозреваемый узнаваем. Серьга в ухе и мрачный взгляд человека, которому нечего больше терять.

81.

В Чикаго уже стемнело. Ричи в тревоге звонит матери Лесли. Та повторяет ему то, что сказала ей дочь: срочное личное дело, она на пару дней оставила ей малышку. Ричи отвечает парой уместных в такой ситуации фраз и вешает трубку. В это же время пуэрториканцы в облаке пыли на всех парах мчатся к мексиканской границе.

82.

Ваши шаги прошуршат по ковру. Вы сбрызнете себе лицо водой. Вы с Родриго будете действовать слаженно. Ваши движения будут точны и бесшумны. Он сходит в туалет, а вы поправите лямку платья. Он почистит зубы, а вы заново застегнете сандалии. Подняв голову, вы увидите, что он уже стоит у окна и машет вам рукой. Вы подойдете. Он пальцем укажет вам на парковку, там будут стоять две полицейские машины, невдалеке от «Сузуки» вы заметите мотоцикл соседа.

Родриго заправит свою и вашу постель. Уничтожит все следы вашего пребывания. Он взобьет подушки и разгладит покрывала. Когда он будет поднимать с пола упавший телевизионный пульт, его карман завибрирует, раздастся звонок. Он взглянет на экран и передаст телефон вам. Вы ответите. Послышится голос мужчины. И вместе с его голосом из трубки будто бы вырвется облачко гнилого воздуха. Послушайте, скажет он, будьте благоразумны, мы просто хотим забрать Елену. Ваш собственный голос будет спокойным. Она уже не со мной. Он разволнуется, попытается

сдержаться, где она? Она в порядке, скажете ему вы, не беспокойтесь, она в порядке, и услышите, как его жена спрашивает откуда-то со стороны: Елена уже не с ними? Вы представите, как стоящие вокруг них полицейские подают им знак продолжить беседу. Он снова спросит у вас, где Елена. Вы не ответите. Трубку возьмет она, она станет вас умолять, прошу вас, скажите нам, где Елена. Звук вашего и ее дыхания смешается с едва слышными помехами на линии. Что мы вам сделали? — продолжит она. Где вы? Вот неизбежные вопросы, к которым вам следует быть готовой. Скажите нам, где вы, и мы приедем забрать свою дочь, что-то в таком духе, с примесью паники, а вы ответите, что это невозможно, что начатое должно продолжаться и что вам придется повесить трубку. Родриго наденет пиджак. Но что значит «начатое»? Что вообще происходит? Вам нужны деньги? В этом дело? Мы можем дать вам денег. Да скажите же нам, в конце концов! От вашего молчания они оцепенеют. Пожалуйста, взмолятся они наконец, и эти остатки вежливости прозвучат как прощание с их прежней жизнью, пожалуйста, прощание-мольба, которое ничего и никак не изменит.

Родриго возьмет канистру и знаком покажет,

что все готово. Вы отключите телефон. Передадите его Родриго, и он бросит его в мусорную корзину, а потом в последний раз оглядит комнату. Вы выйдете в коридор. Вы уверенным шагом пойдете рядом друг с другом, Родриго рядом с вами, а вы рядом с ним.

83.

Полицейские извинятся. Подразделения перегружены. Обращения рассматриваются в порядке поступления. Им сообщили, сколько было подозреваемых, теперь нужно ждать. Вы сделали все, что должны были. Не беспокойтесь, мы их найдем. Наши патрули работают по всей стране. Мы все сейчас на военном положении. Рации, закрепленные у них на бедрах, застрекочут. Она предложит им кофе. Спасибо, мадам, но нам пора. Вам пора? — насторожится она. А как же моя дочь? Вы не будете ее искать? Нет-нет, конечно, будем, попытается успокоить ее комиссар. Как только нам удастся отследить звонок, мы вам сообщим. Но, как мы уже вам сказали, это, вероятнее всего, займет какое-то время. Она обратится к одному из молодых полицейских, стоящих рядом с комиссаром: вы не станете обыскивать дом, собирать улики? Нет, не сейчас, ответит ей комиссар. Сначала нам нужно обойти квартал. К несчастью, пострадали не только вы. Знаю, вас это не успокоит, но имейте в виду, вы не единственные. Дом номер 12 — это вон тот, напротив?

Да, ответит она, и лишь затем осмелится спросить: неужели… и они тоже? Да, они тоже. Их сын. Вы его знали? Она онемеет. Вы знали его, мадам? Немного. Хорошо, продолжит комиссар, мы обязательно вернемся и вас допросим. Она захочет узнать, есть ли у них еще какие-то сведения о виновных, об их мотивах. Нет, мадам, мы вообще ничего не знаем, начнет было комиссар, но его прервет коллега, который вбежит в комнату весь в поту. Их мотоцикл… Их мотоцикл… Что мотоцикл? Рожай уже, Андре! Их мотоцикл нашли… Где? Когда? Вот только что… Нам передали… Один из отрядов обнаружил их мотоцикл перед какой-то гостиницей… Номерной знак совпадает. На месте уже работают офицер и двое полицейских. Он говорит, что нам нужно просто… просто схватить их.

84.

Вы выйдете в вестибюль гостиницы, и портье вытаращит на вас глаза. Какой-то голос велит вам не двигаться. Не двигайтесь, это полиция. Вы попытаетесь вырваться, но они бесцеремонно скрутят вам руки и тут же наденут наручники. А теперь успокойтесь. Их будет трое. Старший по званию, со светлыми волосами и тремя полосками на погонах, будет допрашивать вас, пока двое других будут с силой давить вам на затылок: второй мотоцикл на парковке тоже ваш? Да лучше сдохнуть, не сдержавшись, выдавит Родриго, поднимая глаза. Сколько вас в гостинице? — продолжит немолодой полицейский в погонах, не теряя и толики хладнокровия, но ни вы, ни Родриго ему не ответите. Он в замешательстве оглядит вас. Так, ладно, грузите этих двоих, идем обыскивать номера. Молодые полицейские подчинятся его приказу. Они заберут у вас канистру и вытолкают вас на улицу. В нескольких метрах от входа первый скажет второму: я ими займусь, иди помоги командиру, а потом поведет вас к припаркованной чуть дальше машине. На

полпути он обернется, убедится, что его коллега уже вошел в вестибюль гостиницы, и свернет в сторону. Посреди парковки он маленьким ключиком расстегнет ваши наручники. Вы потрете себе запястья. Не теряйте времени, шепнет полицейский, возвращая вам канистру.

Пробираясь мимо стоящих машин к мотоциклу Родриго, в пятнадцати метрах от себя, за большими окнами гостиничного ресторана, вы заметите соседа. Он будет увлеченно беседовать с кухонным работником, будет широкими жестами указывать ему на парковку, на «Сузуки», на ближайшую дорогу. Увидев его, Родриго фыркнет: гляди на этого осла. Не дайте ему приблизиться. Напомните ему, что сосед, как и все остальные, ни в чем не виноват. Линии и тела, таковы были слова Льюи. Линии и тела, сталкивающиеся в пространстве, вот и все, что мы собой представляем. Напомните ему эти слова о линиях, скажите ему об этом, о линиях и телах, покорных воле ветра, и повторите ему, что он сейчас всем рискует, что нужно как можно скорее исчезнуть, что нужно следовать протоколу, каждый обязан следовать собственному протоколу, повторите вы, мы уже близки к цели, вы повторите ему это, и все же, когда он сядет на мотоцикл, вы не сможете его

остановить, и он притормозит и стукнет в окно ресторана тыльной стороной руки, оттопырив средний палец.

Последнее, что вы увидите, — изумленные, злые глаза соседа, его лицо зальется краской, левая рука оттолкнет кухонного работника, короткие ножки придут в движение. Вы представите себе невидимую вам улыбку Родриго и, уезжая все дальше, будете вновь и вновь вспоминать соседа, каким вы его сейчас увидели: усталое лицо, плохо выбритый подбородок, мешки под глазами. Вы снова вспомните, как регулярно встречались с ним там, в районе с аккуратно постриженными газонами, и это воспоминание покажется вам неясным, подернутым дымкой.

85.

Она будет смотреть на них, ничего не понимая. Что значит — они от вас *сбежали*? Не знаю, смущенно ответит комиссар, у меня нет другой информации, но, похоже, им удалось уйти. В одном я точно уверен: вашей дочери с ними не было. Услышав это, мужчина, стоящий рядом с ней с белым как полотно лицом, не проронивший ни слова с тех пор, как прибыли полицейские, выдохнет и приобнимет ее. Она тут же раздраженно сбросит его руку. Если она не с ними, то где же? — вспылит она. Комиссар с расстроенным видом пожмет плечами. Мне жаль, но пока мы больше ничего не знаем. Как только появятся новости, мы вам сообщим. Он подаст знак своим подручным. Военные ботинки снова придут в движение у него за спиной, снова примутся давить подошвами усыпавшие пол частички бетона и штукатурки. Комиссар двинется к входной двери и попытается ее открыть, но она не сдвинется и на сантиметр. А, да, вспомнит он, как быстро все забывается. Он повернется к ним, извинится с натянутой улыбкой и, словно сам

всю жизнь прожил в этом доме, выйдет через дверь, ведущую в гараж.

86.

Вас никто не поймает. На первом этапе будет одновременно атаковано так много мест, что страна просто не сможет эффективно отреагировать, предсказывал Странд. Вертолеты разобьют на квадраты небо у вас над головой. Родриго будет сосредоточен.

Днем он высадит вас в центре перекрестка с круговым движением, на газоне, покрытом редкой, засохшей травой. Вы замешкаетесь и слезете не сразу, так что он скажет вам: это здесь. Вы нерешительно поставите ногу на бортик, и сухие цветы оцарапают вам икры. Вы будете готовы остаться одна. Наблюдая за тем, как удаляется Родриго, вы ощутите разочарование из-за того, что он уезжает безо всякой торжественности, без единого жеста, лишь бросив вам многозначительный взгляд человека, который знает, что ему предстоит, и понимает, что вы тоже знаете, что вам предстоит.

Через несколько минут появится Ма на ярко-синем «КТМ». Она остановится на круге и снимет шлем. Вы поздороваетесь. Она предложит вам

выкурить с ней одну сигарету на двоих. Давно для тебя все это началось? — спросит она. Вы кивнете, толком не зная, что означает это *давно*. Вы зададите ей такой же вопрос, и она поднимет брови, словно показывая вам, что уже потеряла счет времени. Вы спросите себя, на что, интересно, похож протокол Ма. Кому пришло в голову сажать цветы посреди асфальта, скажет она, указывая на погибшие растения у вас под ногами. Вы насладитесь этим мгновением, не отвлекаясь на посторонние мысли, вы будете смотреть на пожухшие цветы, пока страна вокруг вас будет преображаться, сопротивляться, отчаянно суетиться. Ма раздавит ногой окурок. Вам будет пора.

Ма будет ехать быстрее, чем Родриго, на поворотах мягко склоняясь к дороге. Теперь вам нужно будет спешить. Вы доверитесь Ма так же, как прежде доверились Родриго. Через несколько часов на горизонте начнут вырисовываться окрестности столицы.

87.

Трое братьев наконец прибывают в Мехико, с его выцветшими многоэтажками, с его продавцами *тортилий,* с его проспектами, через которые перебегают, не доходя до светофора, с виднеющимися вдали небоскребами района Санта-Фе. Они едут вдоль Национального дворца, где — о чем они никогда не узнают — хранится знаменитая фреска Диего Риверы «История Мексики». Проехав чуть дальше, они паркуются у второсортной гостиницы «Бель Вьяджо», которую Серена — их кузина, она ждет их вот уже несколько дней, — назвала так потому, что Италия для нее — синоним путешествия, а еще потому, что ей нравится, как звучит слово «Вьяджо».

При встрече она обнимает и целует их, а они радуются и встрече, и поцелуям. Они не виделись двадцать лет. Она не задает им вопросов о том, как у них идут дела, семья для того и нужна, чтобы принять в тяжелую минуту, и выясняется, что в гостинице для них есть работа, немного, но им будет чем заняться и что починить, но сначала поесть, она подает рис с бобами и маленькие

эмпанады, такие как дома, потому что здесь, в Мексике, готовить их не умеют. Они снова говорят о родине, выпивают, я сейчас покажу вам комнаты. Здание ветхое, вы и сами увидите, все время нужно что-то чинить. Всякие мелочи, то выключатель не работает, то кровать скрипит, то унитаз засорился. Если вы разбираетесь в мелком ремонте, это мне поможет, но вы ешьте, ешьте, а потом я покажу вам комнаты.

Ужин заканчивается, и братья потягиваются и тихо рыгают. Они, как могут, наслаждаются происходящим, но немного смущаются этой своей кузины, которая их так принимает и от которой они не знают, чего ожидать. Потом Серена ведет их на склад и предлагает примерить комбинезоны обслуживающего персонала с вышитой карминными буквами эмблемой «Бель Вьяджо». Та же эмблема и на кепках, которые она им выдает. Три кепки, по одной на человека.

88.

В шлеме Ма отразятся эти каменные стены, эти арки и эти проспекты, нагроможденные здесь веками истории, той истории, которой — таковы были слова Льюи — мы не признаем, да мы уже сыты по горло этой твоей историей, парировал Гиг, и жизнь клуба шла дальше своим чередом. Во всем городе будет ощущаться едва сдерживаемая паника, порой вдали будут слышаться крики, выстрелы, уверял Люф. Зеваки в окнах домов будут смотреть на балет мотоциклов и машин специальных служб.

Вы вцепитесь в Ма. Сообщники, стоящие на перекрестках, будут подавать ей знаки, указывать путь. Она несколько раз переедет с одного берега реки на другой. Воздух начнет пропитываться дневным зноем, станет тяжело дышать, небо затянут тучи. Вы проедете сквозь лабиринт узких улочек, опять свернете на широкий бульвар, а потом среди рядов элегантных зданий в классическом стиле наконец возникнут мощные очертания дворца, на фасаде которого будет виднеться золоченый, выбитый на мраморной

плите девиз государства, те самые заезженные слова, над которыми так охотно смеялся Странд, над которыми и мы все тоже смеялись, с некоторым ужасом, с тем ужасом, который следовало сдерживать, который следовало душить, чтобы сполна отдаться общему делу. Как и предполагалось, по сторонам массивной двери будут стоять двое часовых с ружьями-штыками у плеча. Ма уедет, оставив канистру у ваших ног. Часовые не попытаются вас остановить. Они не станут задавать вам вопросов. Вы войдете внутрь, словно перед вами самый обычный дом.

89.

Венсан Мань старательно вытрет ноги о коврик у гаража. Если везде идут работы, это еще не значит, что стоит тащить в дом грязь, станет оправдываться он. Они пройдут в кухню. Она подаст каждому по бокалу коньяка, это нас приободрит. Есть новости насчет Нино? Супруги Мань помотают головами. А у вас, насчет Елены? Она вкратце опишет ситуацию, визит полицейских, телефонный звонок, бегство похитителей, никаких следов Елены. Они склонят головы в знак сочувствия, потом откинут их назад, посылая глоток алкоголя глубже в горло.

А Шарль? — спросит Венсан Мань, чтобы что-то спросить. Его нет дома, ответит она. Не знаю даже, куда он пошел. И в этот момент головы, одна за другой, снова откинутся назад, глотая коньяк.

Марин Мань примется всхлипывать, и все станут хлопать ее по плечу. Не понимаю, скажет она. Ладно, ладно, станут утешать они. Как такое вообще возможно? — пробормочет она. И в последний раз, все вместе: головы резким движением назад, алкоголь — в глотку. После этого супруг Мань не

сдержится, но это ведь полное безумие, мы живем в каком-то фантастическом мире! Но никто даже не отреагирует.

Она встанет и включит радио, какая-то группа людей, вероятно, я говорю вероятно, потому что информация не подтверждена, так вот, вероятно, проникла в президентский дворец несколько минут тому назад, их точное число неизвестно, мы не знаем, вооружены ли они и как они туда вошли. Теперь страх добрался до самой верхушки государства, потому что президент, вероятнее всего, сейчас как раз находится во дворце. Напоминаю, эта информация еще не подтверждена, но если ее подтвердят, то спецслужбы, скорее всего, будут вынуждены вмешаться как можно скорее. Это были экстренные новости, пока мы больше ничего не можем сообщить о событиях, которые в настоящий момент будоражат нашу страну.

90.

Войдя во дворец, вы увидите, что другие уже там, а у вас за спиной опять хлопнет дверь, ваши ряды продолжат пополнять все более многочисленные вновь прибывающие, в руках у них будут булыжники, ломы, канистры, а вот и вы, толпа в светлых одеждах, кое-где перепачканных землей, и вы сами в платье, которое сохранит чуть слышный, но все же ощутимый запах матери Елены, вы все будете в белом, бежевом или светло-сером, вы наконец станете той белой армией, которую Странд изобразил на своем последнем рисунке, и каждый из вас примется что-то делать в коридорах дворца — сшибать со стен высокие деревянные панели, спускать люстры, срывать картины, выбивать двери, одну за другой, и среди вас, словно сумасшедший, будет носиться Трувиль с горящим факелом в левой руке, Трувиль будет орать, скорее, спешите, давайте, теперь бензин, и вы откупорите свои канистры, станете лить на стены бесконечные струи, не разгибаясь, будете перебегать из зала в зал, хватая все, что попадется под руку, дела, доклады, расписки,

письма, отчеты, жесткие диски, папки, а потом бросать все в центр ковра, и снова поливать, и вы будете продвигаться все дальше, и на бегу порой будете натыкаться на оставшихся в здании чиновников в неброских галстуках и несвежих костюмах, они так и будут бродить по дворцу, и среди них, возможно, окажется и президент, одетый так же неряшливо, как остальные, с глазами, полными испуга и непонимания, неотличимый от остальных, поскольку все эти люди слишком похожи друг на друга. Вы откроете окна. Трувиль взмахнет своим факелом. Вслед за первыми каплями дождя грохнет гром, и гроза заштрихует все небо, точно как на рисунке Странда.

91.

В какой-то момент Странд отказался выходить на улицу — он хотел перенести на бумагу это свое последнее видение. Он бросил мотоцикл на волю дождя и снега. Гиг и Льюи порой специально шумели у стойки, но Странд держался. Он не вставал из-за стола. Он копался в своих черных и серых мелках, давил их пальцем, плевал на бумагу, чтобы, как он утверждал, цвета казались ярче, чтобы найти подходящее освещение, мне нужно найти верное освещение, Льюи, говорил Странд. Он знал, что Льюи хочет, чтобы он остановился, и будет пытаться убедить его в том, что хватит уже рисовать лес, ведь мнение Льюи к тому времени поменялось: рисунки — это для детей. Большая часть плана уже тогда вертелась у Льюи в голове. Правда, ничего еще не было записано, все то, что вслед за Льюи мы называли *нашими будущими действиями,* было еще лишь возможным.

Но вот однажды Странд молча встал. Сжал в пальцах листки, приподнял их, встряхнул, словно чтобы высушить еще влажные чернила, и прикрепил к стене клуба. А потом заявил, что

нужно, чтобы в конце все выглядело примерно вот так. Все подошли. На рисунке были мы в светлых одеждах, *белая армия*, как сказал Странд, с канистрами в руках, росчерки бензина на стенах, заваленные бумагами коридоры, мужчины в костюмах на заднем плане. Снаружи, за окнами, Странд изобразил дождь. Его рисунок пробудил в нас чувство, которого нам уже не забыть. Может, именно он нас и подтолкнул, может, на самом деле нас заставило действовать именно то навязчивое видение Странда. В этом рисунке, висевшем у нас на виду в последние месяцы работы клуба, было предсказано все. Гроза за окном. Потоки воды. Белая армия. Трувиль. Все будет там. Все будет там и точно так, как того хотел Странд. И пламя тоже. Особенно пламя.

92.

Трувиль опустит факел. На одном дыхании вспыхнут бензиновые потеки, и огонь помчится из зала в зал, по полу, вдоль стен, оранжевый с желтыми сполохами, в мгновение ока наберет высоту, и вот уже метровое пламя вмиг, как при фотомонтаже, накроет убранство дворца, а потом оно разом поблекнет, — разрушительный огонь, говорил Странд, дерево и ткани, шторы, ковры, архивы, сваленные в кучи в центре комнат, все это отразится в зеркалах приемных, разрушительный и прекрасный, ликовал Странд, вам нужно будет как можно скорее выйти наружу, ведь внутри станет нечем дышать, выйти, толкая перед собой мужчин в костюмах, которые остолбенеют, онемеют от этого зрелища, и каждый из них будет задыхаться от костра, от жара которого разлетятся вдребезги окна и фарфоровая посуда, вы вместе с ними спуститесь этажом ниже, но там не задержитесь и так доберетесь до первого этажа, вас будет сто, тысяча, две тысячи, невозможно сказать наверняка, вы выйдете на свежий воздух, разбредетесь по дворцовым садам, превратив-

шимся под потоками воды в болота, ваши крики потонут в шуме дождя и хрипе пожара, пламя, бушующее в полусотне метров от вас, осветит ваши промокшие тела под небом, почерневшим так, словно уже наступила ночь, хотя солнце, скрытое за облаками, будет стоять в зените, и Трувиль будет кричать где-то позади, под небом столь темным, что это будет казаться невероятным, у вас за спиной будет светить гигантский факел, освещая каждое ваше движение, и Трувиль будет кричать, надо сейчас же убираться отсюда, и вы двинетесь к выходу, разлетитесь по улицам близ дворца, словно рой шершней.

Вы бросите среди дороги пару десятков мужчин в галстуках, собранных вами в коридорах и выведенных из огня, тех мужчин, что еще несколько часов тому назад принимали решения, суетились, сверялись со своими телефонами, занимались государственными делами, а теперь промокли до нитки, продрогли и не могут понять, что им делать, к которым несколько минут спустя подойдут мужчины в черных шлемах, к мужчинам в галстуках подойдут мужчины в шлемах, составят их рядом на кусочке асфальта, укутают в спасательные одеяла, уведут в фургон, мужчины в шлемах, действуя точно и четко, зай-

мут позиции вокруг дворца, но будет уже поздно, вы будете уже далеко, разбежитесь по улицам, переулкам, проспектам, каждый из вас замедлит шаг и сольется с окружающей обстановкой, и тогда вы увидите, как дождь стихает, как все стихает, как перед вами расстилаются блестящие тротуары, влажная кожа которых встречает немногочисленных встревоженных прохожих, а ваши шаги станут уверенными, почти спокойными. Повсюду в воздухе будет виться пепел, пепел и обгоревшие обрывки бумаги.

93.

На небе покажутся первые тучи. Супруги Мань уйдут домой. Они останутся в кухне. Выпьют еще по бокалу-другому, а потом она, не говоря ни слова, поднимется на второй этаж. Помедлив секунду, она толкнет дверь в вашу комнату. Все будет на своем месте, там же, где и в день вашего приезда: кровать, шкаф, узкое окно, за которым она увидит полицейских, опрашивающих соседей из дома напротив. Она закроет за собой дверь и ляжет на вашу кровать. Сложит руки на животе и уставится в потолок.

94.

Когда вы контролируете дополнительные параметры своей жизни, таковы были слова Льюи, она похожа на удар в бильярде, при котором шар должен несколько раз отскочить от борта. Если первоначальный удар точен, вы можете заранее рассчитать, где конкретно ваш шар закончит свое движение.

95.

Мужчина безвольно встанет и дойдет до гостиной. Остекленевшим взглядом посмотрит по сторонам. Вернется в прихожую и толкнет обитую дверь, за которой окажется почти совершенно пустая комната. Несколько картонных коробок, стоящих одна на другой. Пара десятков книг на полках книжного шкафа. Его взгляд упадет на четыре светлых кружка на полу, у письменного стола. Четыре кружка на той части мохерового ковра, которой не касался солнечный свет. Обессилев, он опустится в кресло.

96.

Она выйдет из вашей комнаты. Спустится вниз и зайдет в его кабинет. Обнаружит, что он сидит в кресле у окна. Я ухожу, сообщит она сухо, иду искать Елену. Он посмотрит на нее, ничего не понимая. У него на коленях будет лежать раскрытая книга с вашими пометками. Он вытрет уголки губ большим и указательным пальцами.

97.

Она подойдет к группке соседей, стоящих в саду. Вместе они обойдут свой район. На газонах будут виднеться следы шин, трава будет усеяна мусором, кусками пластика, осколками стекла. Они составят опись материального ущерба. Кто-то начнет убирать мусор. Она возьмет слово.

98.

Ее выслушают. Она даст указания. Все разойдутся по домам и вытащат фонари, лежащие в комодах, в глубине ящиков. Еще они возьмут еду, трости, палки, свистки, плащи. И сложат все это в большие мешки. Подняв глаза к небу, они отметят, что в нем повисли плотные серые тучи.

99.

Она разложит на траве карту и наметит маршрут. Она не будет колебаться. Ее будет почти невозможно узнать: волосы спутаются, одежда будет грязной. Остальные с ней согласятся.

100.

В середине дня они пешком отправятся в путь. Она будет идти впереди. Проходя мимо своего дома, она увидит за шторами мужчину, в кресле, неподвижного, в три четверти оборота. Она отвернется и скажет остальным: идемте, надо спешить, если мы хотим успеть хоть немного пройти до дождя. На выходе из района они, крошечные, минуют величественное обугленное здание общественных бань.

101.

Позже, пройдя уже с десяток километров вдоль автомагистрали, они услышат шум мотора. Обернувшись, они заметят над вершиной холма у себя за спиной четко вычерченный на фоне сумрачного неба шлем, под которым покажется сосед верхом на пыхтящем мотоцикле.

Поравнявшись с ними, он притормозит. Мне сказали, вы пошли их искать. Глядя прямо перед собой, он поиграет с ручкой газа. Мы найдем детей. А если по дороге, угрожающе добавит он сквозь сжатые зубы, мы встретим какого-нибудь говнореволюционера на говномотоцикле, уж поверьте, я ему усы-то приглажу, я с большой радостью начищу ему рожу.

102.

Когда небо прорвется дождем, они спрячутся под навесом автобусной остановки. На общем плане будет видно, как они, теснясь, терпеливо пережидают дождь. Ну и ливень, заметит сосед, прижавшись к стеклу и глядя на стоящий прямо за ним мотоцикл. Она сядет и сверится с картой. Сидящая на противоположном конце скамейки женщина позвонит по телефону. Из-за того, что дождь будет барабанить по крыше остановки, ее слов будет почти не слышно. Потом она закончит разговор, и камера приблизится. Она серьезно взглянет на своих товарищей и, дергая курчавую прядь волос, сообщит им новость:

— Это был мой муж. Говорит, они подожгли президентский дворец.

103.

Рисунок, над которым Странд так долго работал, этот образ объятого пламенем дворца Льюи только рассмешил. Символы для Льюи всегда были поводом для насмешки. Но для Странда все эти, по выражению Льюи, «старые ценности» имели большое значение. Странд настаивал на том, чтобы мы все собрались во дворце, чтобы все были в светлой одежде, чтобы устроили пожар. Но Льюи было не прошибить: зачем нам все эти дурацкие декорации? Да и сама идея собраться там — полный бред. Ошибаешься, Льюи, это важно, отвечал Странд своим грубым голосом, если мы не дойдем туда, если не соберемся у дворца, то все будет бессмысленно, если мы хотим победить, хотим удержать победу, нужно бить сильно, нужно влиять на умы, говорил Странд, и все с ним соглашались, Странд прав, горячился Гиг, вообрази эту картину, Льюи, вообрази, как сильно это будет смотреться, говорил Гиг сквозь обломки зубов, делая широкие жесты. Даже Порден в тот день согласилась, что, возможно, им это нужно, что им нужен подобный символ, что это

имеет смысл, а потом снова уехала. Они услышали, как в лесу стихает рокот мотоцикла, и Льюи пришлось замолчать.

104.

Вам будет сложно поверить, что поезда еще ходят. Вы тоже представляли себе, что все в один миг рухнет, что все остановится. Скай предрекал кровавые бои. Гиг думал, что люди примутся убивать себя. И все же, оказавшись там, вы вынуждены признать, что вокзал еще работает и что правда была на стороне Льюи: страна не рухнула, она все еще держится. По вечерам, не выпуская из рук стаканов и по очереди бросая дротики в видавшую виды пластмассовую мишень, мы воображали, что же будет дальше. Но следует допустить, что, вероятнее всего, на самом деле ничто не развалится. На вокзале так и будет открыто окошечко кассы. В нем можно будет купить билет.

Какая-то женщина с сыном вынесут чемоданы на центральную платформу. Будет казаться, что каждого на вокзале снедает тщательно замаскированная тревога, но все-таки все продолжат совершать необходимые действия. Вам покажется, что поезд едет медленнее обычного, но он все равно остановится в каждом городе на

пути своего следования. Часы на платформах не будут работать, и вы не сможете понять, сколько времени продлится ваша поездка.

В вагоне-ресторане найдется единственная официантка, готовая принять ваш заказ. Провизии на стойке будет достаточно, так что вы сможете заказать горячий бутерброд и устроиться у окна. Снаружи притихшее небо будет освещать все вокруг одинаковым, ровным светом. Вы не сможете удержаться и спросите себя, почему эта официантка все еще здесь, почему поезд все еще едет. Все люди, даже те, кто будет есть рядом с вами, глядя в окно, словно окажутся во власти неискоренимой привычки и будут ехать в поезде, поскольку нужно ездить, будут есть, поскольку нужно питаться, будут подавать бутерброды, поскольку нужно чем-то себя занять.

105.

Прямо у вас перед глазами потянутся папоротники и самые заурядные деревья, они заслонят собой вид, и вы будете смотреть на корни, погруженные в черноватую, чуть кислую почву, которая вскоре слегка посветлеет, а через несколько километров сменится белым песком с добавлением камней. На первый план выберется редкая поросль, за которой обнаружится простор, залитый вновь показавшимся солнцем. Накаленный добела воздух дрогнет в смутных лучащихся колебаниях.

Промелькнет вокзал, названия которого вы не сумеете разобрать. Всю ширину окна вдруг заштрихуют черными полосами стоящие друг за другом, вплотную, бетонные или железные столбы; будут подниматься, расходиться, вновь опускаться, сходиться, пересекаться, множиться и вновь соединяться ритмично разрежаемые изоляторами телефонные провода, похожие на нотный стан.

Равнина закончится, покажутся первые дома. Долгий металлический скрежет возвестит конец

поездки. Вы телом ощутите тяжесть торможения. Кровь бросится вперед, к вашей коже, словно вода в бутылке, и вы станете бутылкой, такой же неизменной, такой же лишенной собственной воли, как бутылка воды в багажнике машины. Какой-то мужчина поставит перед вами небольшой чемодан. Чемодан будет почти невесомым.

Суета на вокзале прибытия покажется вам приглушенной, далекой, расслабленной, напомнит ирреальную обстановку в вагоне, в котором вы ехали. И все же все будут на своих местах: кассиры, уборщики, рабочие на платформах, пассажиры. И каждый будет идеально выполнять свои обычные действия: приподнимать крышку мусорного бака, отвечать собеседнику, обнимать престарелых родителей, снимать трубку и говорить, что вот-вот начнется посадка, так что созвонимся позже, совать монету в автомат с газировкой, опускать жалюзи, пряча свой магазинчик от солнечных лучей, искать в кармане билет, махать рукой тем, кто остался стоять на платформе и с кем нас связали судьба и привычка. Для Льюи не было бы сюрпризом, что все останутся на своих местах, что можно поджечь хоть тысячу дворцов, но это все равно ничего не изменит.

106.

Стоящие на платформе военные будут проверять пассажиров. Они обыщут вас, откроют ваш чемодан, но у нас ничего не найти, таковы были слова Льюи, мы неуловимы, на наших безымянных телах ничего не найти. Вы переоденетесь в туалете кафе, расположенного в вестибюле вокзала. Достанете из чемодана черные брюки, белую рубашку и туфли-лодочки. Светлое платье вы оставите на полу. По словам Льюи, вот в этот-то момент все и начнется по-настоящему.

107.

Клуб, день отъезда. Льюи сидит на стуле посреди зала и повторяет, что поступки не бывают ни незначимыми, ни героическими. Что нужно продолжать. Что каждый должен найти собственный подход. Что нет пожара, способного хоть чему-то положить конец, и нет ничего, что выдержало бы испытание временем, ровным счетом ничего. Значение имеет лишь повседневная жизнь, понимаете? — раздаются вопли Льюи. Та, которая требовала, чтобы ее называли Льюи, Льюис, Луиза, Людвиг, и утверждала, что это значит «славная воительница», «прославленная в боях» и что такими и нужно быть — прославленными в боях, — эта Льюи тянет шею, словно пытаясь дотянуться головой до потолка, и ревет безумным зверем. Снаружи стоят смазанные, вымытые мотоциклы. Перчатки и шлемы разложены в ряд на столе у Странда.

Последние несколько недель Льюи уже не работала над планом и целыми днями сидела перед телевизором. Она смотрела все подряд — новости, дневные сериалы. И каждый день просила, чтобы

кто-нибудь поставил ей документальный фильм о семье Кеннеди. Некоторые из нас смотрели его вместе с ней — бесконечные кадры с Джеки Кеннеди. Льюи говорила, что Джеки Кеннеди оказалась трагическим образом вычеркнута из истории. Что история всегда что-то вычеркивает. Льюи расползалась по стулу с бутылкой водки в одной руке и стаканом — в другой. Она что-то бормотала. Некоторые из нас еще могли разобрать, что она говорит. Она говорила о Джеки Кеннеди, о ее потерянной жизни при президенте. На кой черт кому-то вообще сдалась эта Джеки Кеннеди, ворчал Странд, и многие из нас придерживались того же мнения.

В тот день, упомянув о том, что должно будет случиться потом, Льюи, наверное, заметила в наших глазах жалость, которую она у нас вызывала. Она замолчала. Выключила телевизор. Мы почти закончили. У нас было достаточно экземпляров книги Странда. Протоколы были напечатаны. Льюи вдохнула в них каждую строчку. Та Льюи, которая хотела, чтобы мы приложили все мыслимые усилия. Которая предупредила меня: только не запори все, Ламар, когда будешь составлять протоколы. Важно писать точно. Взвешивай каждое слово, Ламар, взвешивай каждое слово.

Каждое слово в каждом протоколе имеет свой вес. Я ведь был как все: мне хотелось угодить Льюи. Остальные, те, кто находились в других местах, звонили в клуб. Мезаль отвечал, давал указания. Все были готовы.

108.

Льюи так и не перечитала все то, что мы написали. Гиг рассказывает, что после нашего ухода видел, как она скрылась в лесу. Он клянется, что видел, как она исчезла среди деревьев. Еще он говорит, что она была похожа на бездомную. Что она напоминала бездомную, которой вообще больше ни до чего нет никакого дела.

109.

Вы направитесь к выходу. Подойдете к урне и достанете из сумки свой протокол. Возможно, вы перечитаете пару абзацев, лишь вы одна знаете каких, это займет всего несколько секунд, несколько слов задержатся у вас в голове, а все остальное будет забыто. Вы подожжете его и бросите в урну. Выйдете на улицу.

110.

Все можно будет забыть. О том, что будет дальше, знать абсолютно нечего, таковы были слова Льюи.

111.

Вы пересечете привокзальную площадь. Пойдете по центральной улице, которая через пятьсот метров выведет вас к территории, застроенной одинаковыми домами. Здесь, как и в том районе, из которого вы ушли, чтобы никогда не вернуться обратно, окна будут выбиты, двери выломаны, крыши будут казаться черными. Здесь тоже будут что-то обсуждать, будут самоорганизовываться мужчины и женщины. Вы увидите, как они идут мимо, неся в руках новехонькие оконные стекла, лестницы, груды черепицы, и тогда вы поймете, что Льюи была права, говоря, что они попытаются все восстановить, вернуть все как было, эта упрямая толпа муравьев, с нежностью говорила Льюи, и тогда вы поймете также, что они скоро найдут Елену, и с внезапным волнением представите себе, как она учит других детей срезать ветки ивы, она притянет их к земле и будет показывать это другим детям совершенно вашими движениями, теми осторожными движениями, которым вы учили ее день за днем во время прогулок в парке, она будет объяснять детям, как это

делать, вы увидите этих детей, стоящих кружком, в листве обрамляющих поляну деревьев, и вы поймете, что их, этих детей, отыщут слишком поздно, они уже одичают, они уже станут чувствительными, словно тонкая фотопленка с серебряным слоем на июньском солнце, которое светит сквозь листву нашего леса, в них будет что-то от красоты того пространства, которое их окружает, окутывает, так же, как оно окружало, окутывало нас все эти годы в клубе, это пространство, наша поляна, и тогда вы поймете, подойдя к небольшому, выкрашенному в розовый цвет домику на краю участка, вы поймете, что, возможно, все провалилось, что все встанет на свои места, что круговорот событий не был разорван, да, возможно, те силы, что поддерживают этот мир, заставляя все в нем повторяться, вновь проявили себя, в конце концов, откуда мне знать, откуда нам знать — таковы были слова Льюи, — и все то, что я вам говорю, должно быть таким же, как и все остальное, непостоянным, нужно лишь сохранять нетронутым желание, говорила Льюи, желание что-то делать вместе, с другими, где-то еще, не зная, сколько их, и мириться с тем, что вы не узнаете, действительно ли битва проиграна заранее, и вы поймете, стоя перед выкрашен-

ным розовой краской домиком, что Льюи была права, вы поймете, что силы, необходимые, чтобы тождественно прекратить проживать наши тождественные жизни, неизмеримы, так что вы будете толкать перед собой вес целого мира, звоня в дверь этого дома в этом маленьком городке, где вас никто не знает, вы позвоните в эту дверь так же, как Хуан Габриэль стучится в дверь номера 111 в гостинице «Бель Вьяджо», потому что его вызвали починить водопровод, как Джонно или Пепе с ящиком инструментов в руках, в черном комбинезоне с красной эмблемой «Бель Вьяджо», легко заменяемые люди, готовящиеся к повторению событий, осознающие, что все здесь, в этом новом городе, станет лишь повторением одного и того же, что не существует лучшей жизни для несчастных, покорно пытающихся выжить и тут, и там, ожидающих, опустив голову, что вы распрямитесь, и вы будете свободны — так говорила Льюи, — больше не будет протоколов, нам больше нечего будет вам передать, — так говорила Льюи, — договор заканчивается на этом, вы сама решите, звонить ли вам в дверь этого маленького, выкрашенного в розовый цвет домика, сама решите, здороваться ли с мужчиной, который вам откроет, здравствуйте, я пришла из-за собы-

тий, которые затронули вашу семью, похищение, скажет он, и вам покажется, что в глазах этого мужчины отразится вселенская усталость, да, похищение, скажете вы с искренним состраданием, я здесь, чтобы вам помочь, он посмотрит на вас, и в его взгляде вы увидите отупение, которое покажется вам бесконечным, бездонным, я психолог, я занимаюсь психологической поддержкой пострадавших семей, и он впустит вас в дом и проведет в гостиную, где будет сидеть его жена, и вы увидите эту новую обстановку, похожую на великое множество других, — голые стены будут создавать ощущение безысходности, — эту обстановку, при виде которой вам нужно будет смягчиться, ведь в ней живут люди, в ней живем мы, в этой обстановке, которая нас успокаивает, укрывает нас от мира, как мы сами считаем, говорила Льюи, победительница Льюи, они предложат вам выпить, и да, согласитесь, если вам хочется продолжить, извините за беспорядок, а вы осторожно обойдете траншею, которая будет пересекать их гостиную, подобно лазу, ведущему в глубь земли, и вот, стоя перед этими легко заменяемыми мужчиной и женщиной, вы услышите бормотание новостей, у вас за спиной диктор скажет, что ситуация постепенно нормализу-

ется, нам удалось потушить первые пожары, скажет капитан в форме, которого вы увидите на экране телевизора, работающего в углу гостиной, благодаря одновременной мобилизации наших пожарных-волонтеров, так скажет в микрофон этот капитан в форме, указывая на пожарных, которые пройдут у него за спиной с брандспойтами, но прямо сейчас, уточнит капитан, мы все еще испытываем серьезные трудности на участках вроде этого, поскольку мы столкнулись с целой серией технических неполадок, оказавших значительное влияние на эффективность наших действий, и вы увидите, как за спиной этого капитана в форме пройдет мужчина, держа в руке брандспойт, и вы узнаете взгляд этого мужчины на заднем плане, его появление словно разорвет информационный поток, картинка словно вдруг застынет, и при виде этого лица, размытого лица на заднем плане, у вас не останется никаких сомнений, — круговороту нормализующихся событий окажется противопоставлен круговорот разлаживающихся событий, об этом вам скажет лицо Родриго на заднем плане, его взгляд будет гореть так же ярко, как щиток его шлема, в котором отразится июньское солнце, жар июньского солнца на месте еще дымящихся развалин, среди

этого дыма, что поднимется в воздух, открывая вашему взгляду пейзаж, сравнимый с работами Странда, да, сравнимый с работами Странда, в нем будет полно черных, серых и синих оттенков, дым станет завесой, на которой смешаются черный, серый и синий.

Благодарности

Близким и друзьям за их поддержку и критические замечания, которые помогли мне написать этот протокол.

Кристине Барриос.

Лиз Аббади и Лорану Корвизье.

Эрванну Де Карею, Лизе Диас, Мари-Пьер Гру и Симону Лавенану.

Всем тем, кто поделился со мной уточнениями и советами, обогатившими эту книгу.

Эмили Коломбани и Люку Анжелини за их кропотливую работу над текстом.